

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2018

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 16.01.2018 № 16) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

Сендзер Ганна. «Весніку Брэсцкага ўніверсітэта» – 20 гадоў.....5

О современной востребованности философии (на вопросы редколлегии отвечает Б.М. Лепешко).....6

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Логика иррационального: от парадокса к реальности7

Иванчина О.Н. Общесоциальные причины преступности: философско-криминологический анализ13

Люкевіч У.П. Спорт у сацыяльнай прасторы XX ст.: філасофска-культуралагічныя рэфлексіі.....21

Адзіночанка В.А. Сучасная беларуская культуралогія: праблема пабудовы тэорыі30

Никонович Н.А. Современная трансперсональная парадигма: теоретико-методологический анализ37

Мохамад Б.А., Петрушак В.Л. Волновая динамика этноса в свете теории пассионарности Гумилева....46

Столяров Д.В. «Мужчины, идущие своим путем»: радикальная гендерная концепция, направленная на борьбу с дискриминацией мужчин (на примере социального движения MGTOW).....51

Жук Е.И. Философия М. де Серто как методологический базис феноменологических исследований языка и речи60

Наливайко И.М. Критика повседневной жизни в социальной философии Анри Лефевра66

Дубравина А.М. Генезис и механизмы функционирования социальных иллюзий.....71

Резюк В.И. Хронотрандукция междисциплинарной проблемы классификации экономических систем... 80

ПАЛІТАЛОГІЯ

Земляков Л.Е., Шерис А.В. Динамика формирования конфессионально-политической ситуации в современной Беларуси.....90

Лысюк А.И., Лысюк Д.А. Политическое лидерство в эпоху постмодерна: социокультурные основания... 99

Северин Э.Н. Политическая модернизация в контексте теории модернизации108

Левчук Н.Н. Социальная субъектность в процессе инновационной коммуникации115

САЦЫЯЛОГІЯ

Титаренко Л.Г. Труд и образование в условиях перехода к «индустрии 4.0».....120

Маслак А.А., Бубнов Ю.М., Анисимова Т.С. Статистический анализ качества социологического инструментария при исследовании уровня коррупции в учреждениях высшего образования127

Кавецкий С.Т. Мегааномалии глобального мира через призму социологии будущего138

Соколовская М.Г. Гендерное неравенство в концепции Аристотеля: содержание и формы145

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromau (Russia)

A.N. Kruglashou (Ukraine)

Edvard Yarmakch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanau

V.M. Vatyl

A.N. Grygarovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Rashednikau

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

L.R. Tsitarenka

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2018

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 16, 2018 № 16) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

Sender Hanna. «Vesnik of Brest University» is 20 Years.....5

Of Modern Relevance of Philosophy (B.M. Lepeshko Answering the Editorial Board's Questions)6

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. The Logic of the Irrational: from Paradox to Reality7

Ivanchina O.N. General Social Causes of Crime: Philosophical and Criminological Analysis13

Lukievich U.P. Sports in the Social Space of the Twentieth Century: Philosophical and Cultural Reflections ...21

Adzinochanka V.A. Modern Belarusian Culturology: the Problem of Theory Construction.....30

Nikonovich N.A. Modern Transpersonal Paradigm: Theoretical and Methodological Analysis37

Mohamad B.A., Petrushak V.L. Wave Dynamics of Ethnos in the Light of Passionarity Theory of Gumilev46

Stolyarov D.V. «Men Going Their Own Way»: Radical Gender Concept,
Aimed at Combating Discrimination Against Men (on the Example of Social Movement MGTOW)51

Zhuk E.I. M. De Certeau's Philosophy as Methodological Basis
for Phenomenological Studies of Language and Speech60

Nalivaiko I.M. The Critique of Everyday Life in Henri Lefebvre's Social Philosophy66

Dubravina A.M. Genesis and Mechanisms of Functioning of Social Illusions71

Rezyuk V.I. The Interdisciplinary Problem of Classification of Economic Systems.....80

POLITOLOGY

Zemliakov L.E., Sheris A.V. Dynamics of Confessional-Political Situation Forming in Modern Belarus90

Lysiuk A.I., Lysiuk D.A. Political Leadership in the Postmodern Epoch: Social and Cultural Grounds.....99

Severin E.N. Political Modernization in the Context of the Modernization Theory108

Levchuk N.N. Social Subjectivity in the Course of Innovative Communication.....115

SOCIOLOGY

Titarenko L.G. Work and Education under Conditions of Transit to «Industry 4.0».....120

Maslak A.A., Bubnov Yu.M., Anisimova T.S. Statistical Analysis of the Quality of the Sociological
Instrumentation for Studying the Level of Corruption in Educational Institutions of Higher Education127

Kavetski S.T. Megaanomalial of the Global World through the Prism of Sociology of Future138

Sokolovskaja M.G. Gender Inequality in Aristotle's Conception: Content and Forms.....145

«ВЕСНІКУ БРЭСЦКАГА ЁНІВЕРСІТЭТА» – 20 ГАДОЎ

Шаноўныя калегі, паважаныя аўтары і чытачы!

Сёлета навукова-тэарэтычны часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» адзначае сваё 20-годдзе. Часопіс быў створаны ў снежні 1997 г. згодна з рашэннем Рады ўніверсітэта, а першы нумар «Весніка Брэсцкага ўніверсітэта» выйшаў з друку ў маі 1998 г. У прывітальным слове з нагоды нараджэння новага навуковага выдання Васіль Аляксеевіч Сцепановіч, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта, адзначаў, што заснаванне навуковага часопіса – «гэта яшчэ адзін крок у станаўленні нашай навучальнай установы ў якасці ўніверсітэта... сведчанне прызнання тых навукова-педагагічных школ, якія склаліся... і тых, якія знаходзяцца ў станаўленні... сведчанне сталасці навукова-педагагічных работнікаў... і новая магчымасць для маладых даследчыкаў... давесці вынікі сваіх навуковых пошукаў да патрабавальнага чытача». І сёння мы бачым, што тыя ідэі, тыя спадзяванні цалкам спраўдзіліся: наш часопіс займае годнае і пачэснае месца ў шэрагу навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь.

Развіваўся наш ўніверсітэт – сталаў наш часопіс. У першыя чатыры гады свайго існавання (1998–2002) «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» – гэта выданне фармату В5 аб’ёмам да 100 старонак і з перыядычнасцю выхаду адзін раз на два месяцы. На старонках часопіса друкаваліся артыкулы розных навуковых накірункаў. З 2003 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» быў падзелены на дзве серыі – «Серыя гуманітарных і грамадскіх навук» і «Серыя прыродазнаўчых навук». У 2005 г. з «Серыі гуманітарных і грамадскіх навук» была вылучана і пачала асобна выдавацца «Серыя філалагічных навук». У 2009 г. было прынята рашэнне аб рэарганізацыі часопіса: змены былі абумоўлены як пашырэннем навуковай працы ва ўніверсітэце, так і патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да часопісаў, якія прэтэндуюць на ўключэнне ў Пералік навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў. Такім чынам, была створана рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», і з сакавіка 2010 г. часопіс выдаецца ў пяці серыях: Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія; Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права; Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія; Серыя 4. Фізіка. Матэматыка; Серыя 5. Хімія. Біялогія. Навукі аб зямлі.

За два дзесяцігоддзі на старонках «Весніка Брэсцкага ўніверсітэта» было апублікавана каля 2 850 матэрыялаў (навуковых артыкулаў, паведамленняў, рэцэнзій) (больш за 450 з іх на беларускай мове). Сярод нашых аўтараў не толькі айчынныя навукоўцы з розных навучальных і акадэмічных устаноў Беларусі, але і вучоныя з Азербайджана, Арменіі, Германіі, ЗША, Казахстана, Кітая, Літвы, Сірыі, Славакіі, Паўднёвай Карэі, Польшчы, Расіі, Украіны.

Часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных, сацыялагічных, гістарычных, эканамічных, юрыдычных, філалагічных, педагагічных, псіхалагічных, фізіка-матэматычных (фізіка), біялагічных, геаграфічных і геалага-мінералагічных навук. Таму запрашаю да супрацоўніцтва даследчыкаў як Берасцейшчыны, так і ўсёй Беларусі і нашых замежных партнёраў.

Спадзяюся, што навуковыя публікацыі нашага часопіса будуць заставацца на высокім узроўні, а тэматыка іх будзе актуальнай па ўсіх галінах даследаванняў. У развіцці часопіса ёсць новыя арыенціры і перспектывы. Упэўнена, што кожны: і даследчык-тэарэтык, і практык, і аспірант, і студэнт – знойдзе на старонках часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» неабходныя яму матэрыялы, разважанні, ідэі!

Віншую сённяшніх і будучых аўтараў і чытачоў з дваццацігоддзем нашага выдання!

Ганна Сендзер,
галоўны рэдактар,
рэктар Брэсцкага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(на вопросы редколлегии отвечает Б.М. Лепешко)

В год двадцатилетия научно-теоретического журнала «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» редколлегии Серии 1. Философия. Политология. Социология решила обратиться к самому активному автору, члену редколлегии, доктору исторических наук, профессору, профессору кафедры философии Борису Михайловичу Лепешко, чтобы узнать его мнение о практической востребованности философии в современном обществе.

– Уважаемый Борис Михайлович! Несложно заметить, что сегодня в обществе задают тон прагматические настроения. Инновации, нанотехнологии, биореволюция и прочее, упор на зарабатывание денег – какова при таких настроениях практическая востребованность философии?

– Философия бессмертна, сколько и как мы бы ни рассуждали о прагматизме. Да, впрочем, сам прагматизм может быть философией, что и произошло в самой прагматичной стране мира – США. Но вопрос здесь глубже: зачем философское знание как таковое, оно ведь оперирует вечными вопросами и, по определению, вечными же и ответами. Чего ж толковать о том, чего не знает никто: о смысле жизни, о проблемах смерти и бессмертия и прочем? На мой взгляд, философия становится более персоналистичной, то есть мы сами испытываем потребность найти ответы на вечные вопросы. Не социум, не коллектив (любой), а субъект должен испытывать потребность определиться, жить ему или умирать, для кого жить и зачем, объяснить себе прежде всего, в чем смысл его индивидуального существования. Тут ведь не отделаешься общими фразами; часто мы стоим перед выбором, и каким будет этот выбор – твое именно дело. Философское дело.

– А средства решения этих вопросов, можно ли каким-то образом определить их характеристики? Что вообще надо делать?

– Надо думать. Вообще слово «думать» здесь ключевое. Думать – это такая же работа, как труд на заводе, фабрике, в поле в том смысле, что надо напрягать все силы, надо погружаться в мир философии с головой. Философия требует самоотдачи, но сколько же велико наслаждение от понимания того, что ты хоть к чему-то пришел, хоть что-то осмыслил. Вот ты идешь по Парижу весной 1968 года, вокруг бунтуют студенты, и читаешь граффити: «Смотри: война, а на нее никто не пришел». И думаешь: что хотел сказать неведомый автор? И понимаешь: да это пацифизм в чистом виде, это протест против войны, протест против убийств ни в чем не повинных людей. Протест против любой войны, и в этом протесте есть очевидный смысл. Кстати, весь 1968 год для французских студентов – это год многочисленных дацзыбао, которые они писали на стенах (следствие увлечения маоизмом). Поэтому и нынешнему поколению студентов стоит писать – о мире и о себе. Даже власти города разрешают граффити – твори.

Но вот и наш «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»: нужны оригинальные тексты, оригинальные философские сюжеты. Камю писал про абсурд, Сартр – про проблемы человеческого существования, кто-то погружался в бездны одиночества, а кто-то искал рецепты от всевластия толпы. Но очевидно: живая человеческая сущность всегда ищет и находит истину, свою, личную, но выстраданную и уже только потому важную.

Вопросы задавала Г.И. Займист, ответственный редактор журнала

«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта».

*Серия 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»,
кандидат философских наук, доцент*

УДК 160.1+165

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

ЛОГИКА ИРРАЦИОНАЛЬНОГО: ОТ ПАРАДОКСА К РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается специфика категории «логика иррационального», подчеркивается ее парадоксальный характер и рассматриваются взгляды ряда ученых на данный феномен (в частности, К. Поппера, Н. Бердяева и ряда других). Подчеркивается убедительность аргументации Н. Бердяева в части приоритета «духовного опыта», «целостного опыта» в процессе познания, в том числе – интуитивного. Делается вывод о возможности существования логики иррационального на основании сложившихся «форм жизни» и соответствующих мыслительных практик.

Логика иррационального – как минимум парадоксальная констатация, парадоксальное словосочетание. Поскольку та «школьная» логика, с которой мы привыкли иметь дело, формулируется вне контекста иррационального мышления. Однако здесь есть видимое и явное решение этого парадокса. Суть его в том, что формулировка иррациональных предпочтений в большинстве случаев происходит рациональными средствами. Другими словами, связь категорий «логика» и «иррациональное» не обязательно антиномична, не обязательно представляет полярную пару категорий. Иррациональное осмысливается с помощью рациональных способов познания. Но это первое, поверхностное и далеко не единственное, соображение по этому поводу. Существуют и более серьезные аргументы.

Чтобы убедиться в этом, для начала обратимся к точке зрения Карла Поппера по данному вопросу. «Мой взгляд на этот вопрос, – пишет ученый, – сводится к следующему: не существует ни логического метода получения новых идей, ни логической реконструкции этого процесса. Я достаточно точно выражу свою точку зрения, сказав, что каждое открытие содержит “иррациональный элемент” или “творческую интуицию” в бергсоновском смысле» [1, с. 28]. Творческая интуиция – это и есть парафраз логики иррационального. И далее: «Рассматривая научное познание с психологической точки зрения, я склонен думать, что научное открытие невозможно без веры в идеи чисто спекулятивного, умозрительного типа, которые зачастую бывают весьма неопределенными, т.е. веры, совершенно неоправданной с точки зрения науки» [1, с. 35]. И в этом отношении являющейся «метафизической».

Обратим внимание, что эпистемология в данной интерпретации «обрастает» такими смысловыми конструкциями, в центре которых категории интуиции, веры, бессознательного, психологии. Логические же средства уходят на второй план, и говорить об их приоритете мы не можем в принципе. Более того, эпистемология должна рассматриваться вовсе не как процесс поиска истины, а как исследование научных проблем, сложных смысловых ситуаций, научных дискуссий, критических рассуждений и т.д. «Ученые действуют на основе догадок, или, если хотите, субъективного убеждения относительно того, что должно способствовать дальнейшему росту объективного знания» [2, с. 111]. Получается, что к тем категориям, которые мы выделили ранее (интуиция, бессознательное и т.д.), мы можем добавить субъективное убеждение, которое обладает эвристической ценностью именно в аспекте совершенствования наших знаний.

Если попробовать суммировать точку зрения К. Поппера на проблему «логика иррационального», то целесообразно зафиксировать следующие положения.

Первое: процесс познания не может быть «чисто» логическим. Но этой констатации недостаточно, поскольку процесс познания лишен своей логической (объективной) основы. А речь постоянно идет о важности, необходимости такой основы. Далеко не случайно мыслитель не оперирует понятием «истина», он подчеркивает важность непрекращающегося процесса дискуссии, критического осмысления достигнутого уровня знания, проблематичность движения мысли. Это означает, что с калькой силлогистики в ее формализованном («окончательном») виде подходить к пониманию эпистемологических процессов нельзя. «Окончательного» знания нельзя достичь в принципе, а любой правильно построенный (Аристотель) силлогизм претендует на истинность. К. Поппер парадоксально замечает: «Я большой поклонник здравого смысла и утверждаю, что он по существу самокритичен. Но хотя я готов до конца отстаивать существенную истинность реализма, основанного на здравом смысле, я в тоже время считаю основанную на здравом смысле теорию знания грубейшим субъективистским заблуждением» [2, с. 10]. Здравый смысл истинен и одновременно ложен – вот привычно-парадоксальный ход рассуждений К. Поппера.

Второе: особый протест вызывает индуктивное мышление, критике которого посвящено много страниц различных работ ученого. Однако критика индуктивизма также носит двойственный характер. С одной стороны, процессы логического вывода рассматриваются в аспекте их дополнения иррациональными мотивами. С другой же, иррационализм здесь должен быть объективирован, К. Поппер неоднократно подчеркивает, что «юмовский иррационализм должен быть преодолен». Но что такое «объективация иррационализма» как не все тот же поиск объективных, что значит рационализированных, оснований процесса познания? Правда, аргументы, примеры, приведенные мыслителем в тексте книги «Объективное знание», сложно назвать безукоризненными. Например, рассматривается тезис «все люди смертны». Этот тезис опровергнут тем открытием, полагает К. Поппер, что бактерии не умирают, поскольку размножение делением не есть смерть, более того, живая материя не всегда обречена на распад и смерть, хотя и кажется, что все формы жизни можно убить [2, с. 31]. Но опровергнут ли тем самым тезис о смертности людей? И как понять в этом контексте слово «кажется»? Но все равно объявляется априорно незыблемым тезис, согласно которому индукция на основе повторения – миф, пусть так, но что вместо этого мифа? Предполагается, что вместо этого ложного в своей основе подхода можно предложить теории, которые уже апробированы, «проверочные» теории. О них разговор ниже.

И третье: «человек – не только существо иррациональное, но и та его часть, которую мы считали рациональной – человеческое знание, включая практическое знание – полностью иррационально» [2, с. 93]. В итоге обратим внимание на «неоднородный» характер изложения: в основе познания здравый смысл, но «дополненный» субъективным убеждением; иррационален не только субъект познания, но и само знание; иррационализм должен быть преодолен, но аргументы в пользу этого преодоления не выглядят исчерпывающими. Как понять эти антиномии: как следствие приоритета процесса поиска новых решений или же имманентно присущий гносеологическому действию характер познания? Ответ К. Поппера вновь парадоксален: не надо полагаться вообще ни на какую теорию, ни на какое объяснение, поскольку ни одна теория не может претендовать на истинность. Рекомендация ученого носит здесь следующий характер: необходимо выбирать не «истинную» теорию (таковой не существует), а апробированную временем и профессиональным цехом теорию. Она не будет обладать признаком истинности, но она – предполагается – «обкатана» и принята на вооружение (если, конечно, таковое имеет место) профессиональным цехом и в связи с чем может претендовать на приращение знания и решение локальных и стратегических проблем. Таким образом, «логика иррационального» – это все же логика, однако ее возможности дезавуиро-

ваны потоком иррационального, понимаемого в самых различных смыслах. Говорить здесь о приоритетах какого бы то ни было рода нельзя, можно лишь утверждать состояние постоянной динамической борьбы различных теорий, концепций, методологий, причем это именно «поток», стихия, не входящая в строго очерченные берега, не обозначенная безукоризненным смысловым контуром.

Все сказанное между тем звучит абстрактно и может быть не принято именно в связи с противоречивостью основных постулатов. Поэтому обратимся к такому крупному мыслителю, как Н. Бердяев, который попытался обосновать практический характер интуитивного (иррационального) знания, особенно в ходе духовной практики конкретного человека. В книге «Самопознание» он отмечает, что «моя мысль интуитивна и синтетична» [3, с. 94]. Оставим в стороне признак синтетичности, обратимся к интуитивному характеру мышления. Сам мыслитель ход своей мысли поясняет следующим образом. Помимо всякой философии, всякой эпистемологии, поясняет он, «я всегда сознавал, что познаю не одним интеллектом, не разумом, подчиненным собственному закону, а совокупностью духовных сил, также своей волей к торжеству смысла, напряженной эмоциональностью, бесстрастие в познании, рекомендованное Спинозой, всегда казалось мне искусственной выдумкой» [3, с. 94]. Выразить бытие в понятиях достаточно сложно хотя бы потому, что рациональная онтология и гносеология уже есть продукт мысли. Рациональный мир с его законами, категориями, каузальностью есть мир вторичный, он продукт рационализации, он раскрывается рационализированному сознанию. Основная метафизическая идея мыслителя в этом ракурсе есть идея приоритета свободы над бытием. А вот формы выражения этой свободы могут быть самыми различными: от воли, эмоционального напряжения до привлечения духовных сил в целом.

Представляется, что основная мысль философа опровергнута быть не может в принципе, поскольку познает всегда субъект, и разделить процесс познания на некие абстрактные части, выстроить эти части в некую иерархию фактически, практически невозможно. Неслучайно достаточно часто звучит мысль о «целостности познания». «Чистая» рациональность в этом аспекте выглядит утопией, несмотря на всю привлекательность такого подхода. Источником познания выглядят не исключительно «серые клеточки» (вспомним Э. Пуаро А. Кристи), а страдание, радость, конфликты, все то, что Н. Бердяев называет «духовным опытом». И мы можем принять эту максиму, поскольку процесс познания действительно не однолинеен, не односторонен, не ограничивается сугубо рационалистическими формулами. Сколько мы знаем в истории науки открытий, непосредственным толчком для которых была недавно прослушанная музыка, увиденная картина, политический конфликт или мировоззренческая катастрофа. Причем следует подчеркнуть, что именно таким образом может быть постигнута и высшая тайна, тайна богопознания, поскольку рационализированное богопознание ложно, ненаучно. Но речь не только о столь высоких «этажах» познания. Тогда, когда речь идет об индивидуальном человеке, конкретном субъекте, здесь также предполагается тайна познания, поскольку в процесс познания включается и такая категория, как судьба. Судьба оправдывает жизненный выбор, судьба определяет пункты познавательного поиска, перечень эвристических задач, судьба консолидирует жизненный опыт и дает возможность для его реализации в процессе эпистемологического поиска.

Важно, что мыслитель привлекает наше внимание к эпистемологическому процессу в аспекте именно бессознательного. Духовный опыт нельзя «уместить» в сугубо рациональный каркас. Куда девать сны, давящие человека, как избавиться от тоски, депрессии и иных проявлений человеческого духа? Скажут: какая же связь здесь с логикой, с эпистемологией? Н. Бердяев, очевидно, ответил бы, что разделить эти понятия нельзя в принципе. Он говорил так: в процессе познания «я чувствовал погруженность в бессознательное лоно, в нижнюю бездну, но еще более чувствовал притяжение верх-

ней бездны трансцендентного» [3, с. 54]. И нет никакой необходимости думать, что подобное погружение в «трансцендентную бездну» формирует непреодолимую преграду между мыслящим субъектом и его читателями, критиками. Сам по себе дискурс необходим не тому, кто познает, – дискурс необходим тем, кто работает в этом же направлении. Как отмечает Н. Бердяев, например, Спиноза, его познание интуитивно, как интуитивно познание любого философа. Дискурсивная же природа мысли носит социологический характер, она призвана ответить на запросы других, убедить их в той или иной точке зрения, хотя, конечно, здесь многое зависит от самого автора, его умения донести свою мысль, в какой бы форме она не была выражена.

Заметим, что основная идея эпистемологического характера, о которой говорит Н. Бердяев (целостное познание, познание в ходе «духовного опыта») – распространенная точка зрения в русской мысли, часто не удовлетворенной «чистой метафизикой». Достаточно в этой связи вспомнить широко известную концепцию «цельного знания» В. Соловьева или интуитивистские размышления Н. Лосского. Приведем лишь одну, но важную цитату из работы Н.О. Лосского «Воспоминания. Жизнь и философский путь». Рассуждая о характере познающего сознания субъекта, он отмечал, что это противоречивый, сложный акт. С одной стороны, нельзя не разграничить субъективную и объективную сторону в познании. Но, с другой стороны, он указывал на то, что в гносеологическом процессе особую важность приобретает «живой опыт действительности», который связан с личностью познающего субъекта, его психическими переживаниями. В частности, «предмет, данный в сознании, может принадлежать к любой области бытия: он может быть моим психическим состоянием, но может быть и чужим психическим проявлением или даже материальным процессом внешнего мира, он может быть временным процессом из области не только настоящего, но также прошлого или будущего, наконец, он может быть вовсе не временною отвлеченною идеей в платоновском смысле, или даже сверхвременным существом, каковым и оказывается человеческое “я” при точном наблюдении его» [4, с. 135–136]. Н. Лосский часто говорил об «интимной связи» всех частей мира друг с другом. Утверждая приверженность к персоналистским идеям, ученый признавал, что «основное бытие», которое характеризует мир, есть действительные и потенциальные личности, т.е. индивидуальные существа. Что же касается логики, то содержание общих понятий и суждений есть бытие идеальное, т.е. это вневременный и внепространственный онтологический аспект мира. Возможно, возникнет вопрос, каким образом данные идеи связаны с основной темой исследования? Эта связь очевидна, ее суть можно охарактеризовать в двух смысловых плоскостях. Первое – это то, что перед нами тайна, загадка познания, которая не может быть осмыслена «одномерно», т.е. в ясных и понятных логических категориях. Даже тогда, когда речь идет о логике, ее интерпретация связана не только с привычными силлогистическими упражнениями, но и иным пониманием собственно логики, ее роли (как у Н. Лосского: «логика – онтологический аспект мира!»). Второе – противоречие, диалектика как главный «нерв» понимания сущности познания, как рационального, так и иррационального. Причем схема приоритетов в этой дихотомии лишь угадывается, но не квалифицируется однозначно. Т.е. на первый план может выйти как одна сущность, так и вторая, третья. Здесь уместно вспомнить, как Г. Лейбниц рассказывал о своих прогулках и размышлениях о том, что выбрать (односторонне): идеи Демокрита или Аристотеля? После длительных раздумий он ушел от односторонности и избрал, как пишет Н. Лосский, «синтез механистического и телеологически-спиритуалистического миропонимания». В каком-то смысле эта и иные попытки разного рода «синтезов» напоминают нам современные методологические поиски, связанные с новой попыткой выстроить «новое единство» теоретического знания, новый синкретизм, новую интегративность. Достаточно в этой связи напомнить феноменолого-коммуникативную теорию в праве А.В. По-

лякова, в рамках которой предпринята попытка объединить все значимые достижения теоретической мысли в новую единую концепцию. Но это тема отдельного разговора.

Попробуем обосновать «логику иррационального», используя как высказанные выше идеи, так и новации теоретического характера, которые носят междисциплинарный характер. На что хотелось бы обратить внимание сразу, так это на тесную взаимосвязь рационального и иррационального факторов в познании. Эту связь хорошо выразил А. Тойнби, размышляя над своей революционной идеей об одновременности всех цивилизаций. Здесь что важно: историк – представитель классической школы, основанной на классических образцах знания, классической (рационалистической) теории познания, использующий привычные рационалистические аргументы. И вместе с тем он не чужд интуитивистских пророчеств, используя вовсе не рационалистические методы познания. В частности, в работе «Цивилизация перед судом истории» он описывает, как гулял «где-то в Суффолке» по берегу моря и размышлял о трудах Фукидида. Далее послушаем самого А. Тойнби: «И внезапно на меня нашло озарение. Тот опыт, те переживания, которые мы переживаем в наше время и в нашем мире, уже были пережиты Фукидидом в то время». Наши современные переживания уже были пережиты Фукидидом, он сам и его поколение по историческому опыту стояли на более высокой ступени, нежели сам Тойнби и его поколение. В итоге получается, что «его настоящее соответствовало моему будущему». Получается и иное: мир Тойнби и мир Фукидида – современники, в итоге рождается мысль о философской одновременности всех цивилизаций [5, с. 23]. Обратим здесь внимание именно на эвристический аспект. С точки зрения строгой формальной логики говорить о мире Фукидида и мире Тойнби как «современных» можно лишь в аспектах метафорическом, философском, но никак не конкретно-историческом, прикладном. И как понять термин «озарение»? Конечно, говорить здесь о традиционной, формальной логике можно лишь в определенных пределах, а вот на первое место выдвигается именно процесс «озарения».

«Логика иррационального» может обосновываться и в концептуальных трудах юристов, правда, там чаще встречается термин «интуитивное», нежели «бессознательное», «иррациональное». О различии этих понятий чуть ниже, а пока отметим факт применения интуитивного инструментария в работах известного концептуалиста А.В. Полякова. Об этом сказано в специальной монографии [6, с. 20–21], здесь же отметим лишь несколько важных деталей. Первая деталь связана с балансированием в теории познания между рациональным и иррациональным факторами. В работах сторонников феноменолого-коммуникативной теории подчеркивается рациональный характер размышлений (в частности, феноменологических), а с другой стороны, грань между этими явлениями – рациональными и иррациональными – достаточно зыбка. Это тема специального разговора, отметим лишь еще, что применение того же интуитивного метода в практике работы юристов обнаружить достаточно затруднительно, говоря проще, такое применение не наблюдается вовсе. Впрочем, это общий недостаток постнеклассического знания, в котором многие революционные и обоснованные идеи пока не обживают практической составляющей.

Здесь, на наш взгляд, необходима ремарка по поводу ряда категорий, которыми оперируют современные ученые, в частности, речь идет об «интуиции» и «иррациональном». Опять же, этот вопрос представляется важным для специального исследования, здесь же заметим, что категория «иррациональное» – более общего характера, нежели «интуитивное». Интуитивное выглядит как частный случай иррационального. Поэтому достаточно часто исследователи оперируют этими терминами как синонимами. Признаем, что достаточно часто определение (описание?) данных дефиниций носит метафорический характер. Вот как, например, известный юрист, философ В.А. Бачинин определяет понятие «интуиция»: это «способность человека к внерациональному по-

стижению своих связей за пределами, трансцендентными первоначалами сущего и должного», это «врата, через которые в мыслящее человечество wpłyвает метафизическая реальность» [6, с. 131] и т.д. Согласимся, что здесь возможности формальной логики вряд ли могут быть востребованы. Собственно, сами сторонники такого подхода полагают, что «логические доказательства существования сверхфизических реалий излишни и бесполезны» [6, с. 131]. Но тогда закономерен такой вопрос: на каком основании можно вообще ставить вопрос о «логике иррационального»? На наш взгляд, такая возможность существует, поскольку: 1) иррациональное творчество основывается на тех формах познания, которые созданы в века рационализма, и сам А. Бергсон, «отец» интуитивизма, полагал, что интуиция есть продукт «жизненных форм»; 2) иррациональный компонент познания «встроен» главным образом в религиозную, мифологическую практику, и известны попытки «рационализировать» «сверхкаузальный мир» (имена известны – от Фомы Аквинского до П. Флоренского и В. Соловьева, обращавшихся и к мистике для выражения характера «первоценностей» и «первопричин»; 3) квалификация собственно логики может быть различной, известны протестные настроения в адрес логики «школьной», «силлогистической», «индуктивной» и т.д. Логика может пониматься как активное использование возможностей сверхсознания и подсознания. Если язык разума денотативен, т.е. стремится обнажать скрытые смыслы, то язык иррационального коннотативен, т.е. предполагает присутствие в текстах смысловых подтекстов, которые нельзя выразить в формальнологической форме. Конечно же данные констатации носят дискуссионный характер и могут быть рассмотрены в системе иных смысловых, методологических, логических координат.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. – М. : Республика, 2004. – 447 с.
2. Поппер, К. Объективное знание / К. Поппер. – М. : УРСС, 2002. – 384 с.
3. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
4. Лосский, Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. – М. : Викмо-М : Русский путь, 2008. – 399 с.
5. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 186 с.
6. Бачинин, В. А. Малая христианская энциклопедия : в 4 т. / В. А. Бачинин. – М. : Шандал, 2003–2007. – Т. 1 : Религиозная философия. – 2003. – 360 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.12.2017

Lepeshko B.M. The Logic of the Irrational: from Paradox to Reality

The specificity and paradoxical nature of the category «irrational logic» is described in the article, the opinions of the scientists on this phenomenon (K. Popper, N. Berdyayev and others in particular) are considered. The persuasiveness of N. Berdyayev's argument in the field of the priority of «spiritual experience» and «integral experience» in the process of cognition (including intuition) are emphasized. The conclusion on the possibility of the existence of irrational logic on the basis of the established «forms of life» and the corresponding cogitative practices was made.

УДК 343.9:02.41

О.Н. Иванчина

канд. филос. наук, доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: onivanchina@mail.ru

**ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ:
ФИЛОСОФСКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию социальных причин преступности, которыми являются выраженное социальное неравенство, отсутствие социального лифта и эксклюзивность (исключенность). Указанные детерминанты преступной активности характерны для всех стран мира независимо от типа экономики и политического устройства. Поэтому предупреждение преступности возможно только на основе минимизации указанных общесоциальных проблем.

Введение

Актуальность. Никто пока не сформулировал такой методики социализации (воспитания и образования), которая позволяла бы полностью предотвратить преступность. Поэтому необходимо констатировать: ни одно общество в мире не свободно полностью от преступности. Это явление существует как при капитализме и демократии, так и при социализме и тоталитаризме. На наличие преступности в обществе не влияют ни способы политического управления, ни тип экономики (плановая или рыночная). Эти факторы влияют лишь на *качественные характеристики* преступности, т.к. именно актуальный уголовный закон определяет ответ на вопрос «Что сегодня является преступлением?».

Преступность – это негативное социальное явление, которое имеет собственные закономерности, которые отчасти выявлены к настоящему времени. За последнее десятилетие общим трендом является практически всеобщее мировое снижение преступности (за исключением некоторых стран Африки и Латинской Америки). Точного объяснения снижению уровня преступности криминологи пока не нашли, хотя и существует несколько рабочих гипотез (секьюритизация; переход преступной активности в виртуальную реальность и др.). При этом на фоне снижения «уличной» преступности растет «киберпреступность»: человек не становится более нравственным и более законопослушным с развитием научно-технического прогресса. Также очевидно, что официальная статистика всегда отражает некую часть этого явления, т.е. сохраняется латентная (незарегистрированная, скрытая) преступность во всех странах мира.

Общество уже привыкло к стереотипу насильственного и корыстного преступника без высшего образования. Однако на этом фоне около 85 % современной общемировой преступности составляет экономическая («беловоротничковая») преступность, субъектом которой является образованный человек, занимающий неплохое по статусу положение в обществе. С одной стороны, учебники и статьи по криминологии содержат достаточно много информации о причинах преступности, с другой стороны, если все причины выявлены, то почему предупреждение преступности пока не очень эффективно? Вопрос о том, что побуждает одного человека стать преступником, а другого остаться законопослушным, когда они живут примерно в одинаковых социальных условиях, остается открытым. Необходимо констатировать, что философия и криминология недостаточно знают человека, его мировоззрение, потребности, психологию и мотивацию преступного поведения.

Для предупреждения преступности важно работать в двух направлениях: 1) постоянно выявлять причины преступности в изменяющемся мире и воздействовать на них; 2) формулировать и применять все необходимые меры превенции.

В данной статье поставлена **цель** сформулировать важнейшие социальные причины преступности, которые являются комплексными, синтетическими, объединяющими ряд аспектов жизни общества и актуальные для любого государства.

Задачами статьи выступают:

1) систематизация, синтез и интерпретация имеющихся подходов и теорий, объясняющих причины преступности (на основе устоявшихся философских, социологических, криминологических и антропологических концепций);

2) формулирование целостного видения общесоциальных источников преступности.

В данной работе мы не рассматриваем причины преступного поведения психически больных людей: они являются объектом исследования для судебной психиатрии. Статья посвящена анализу причин преступности вменяемых, психически здоровых людей, осознающих свои действия и могущих в целом их контролировать.

При написании статьи были использованы следующие **философские методологические принципы и подходы**.

- *Принцип детерминизма* как один из классических в науке способов выявления причинно-следственных связей и взаимозависимостей.

- *Принцип холизма* как целостности, нерасчлененности исследуемого объекта (показывает, что в таком состоянии объект может иметь качества, атрибуции, характеристики, которые исчезают, как только объект подвергнуть делению на части, составляющие, элементы).

- *Синергетический подход*, который предполагает выявление случайных, казалось бы, недетерминированных связей между явлениями. Однако даже исследование биологических процессов показывает, что они могут развиваться спонтанно, хаотично, непоследовательно, нелинейно (тем более это относится к процессам экономическим, политическим, социальным).

Гипотеза. Общество – это живой организм, развивающийся нелинейно и порождающий человека как существо культурное и цивилизованное (т.е. его неприродное, надбиологическое измерение) со всеми его девиациями, одной из которых является преступное поведение. Преступность имеет комплекс причин, важнейшие из которых можно синтезировать как «социальные причины преступности».

В настоящее время не существует ни одного государства, которое не имело бы общесоциальных проблем. Одной из таковых является преступность, существующая на транснациональном уровне и превратившаяся в глобальную проблему современности. Поэтому искать причины преступности бесполезно только в одной стране, в одной культуре, в одном человеке. Это общемировое явление, которое присутствует везде, где живет *Homo sapiens*. Поскольку существует ряд общих закономерностей социального порядка, который включает в себя также и психологическое измерение человека как продукта общества, постольку можно и нужно пытаться именно в социальной сфере выявить причины преступного поведения.

Исследование причинности преступности на общесоциальном уровне стало актуальным уже в античности, когда Платон и Аристотель сформулировали основные детерминанты преступного поведения. Все последующие исследователи, по сути, только разворачивали и конкретизировали тезисы великих философов. Различные философско-антропологические, социологические, криминологические взгляды мыслителей разных времен сложились в две основные версии причинности преступности.

1. Причина преступности – сам человек со всеми личностными характеристиками и потребностями (антропологическое и клиническое направления в криминологии).

2. Причина преступности – в обществе, которое неправильно устроено, которое не позволило человеку-индивиду стать Человеком-личностью.

Ч. Беккария, Ч. Ломброзо, К. Маркс, З. Фрейд, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Ф. фон Лист и многие другие философы выявили ряд закономерностей в объяснении причин преступного поведения. Поэтому в современной философской и научной литературе выделяют множество видов причин преступности (экономические, политические, социальные, психологические, религиозные, культурные и т.д.). Однако, на наш взгляд, можно отойти от подробной дифференциации причинности преступности. Это возможно благодаря, во-первых, достаточной развитости узких областей знания (конкретных наук и теорий), во-вторых, использованию междисциплинарных связей и методологий, в-третьих, в рамках общего движения к синергизму научного познания.

В настоящее время среди основных социальных причин преступности можно выделить три детерминанты, которые действуют в любом обществе независимо от политического устройства, правовой системы, религии, культуры, системы государственного образования и воспитания. Эти детерминанты охватывают комплекс объективных и субъективных процессов и позволяют объяснить многие аспекты механизма формирования преступного поведения. На наш взгляд, три аспекта, о которых далее пойдет речь, позволяют достаточно конкретно описать социальную причинность любых видов умышленной преступности.

Выраженное социальное неравенство

Социальное неравенство измеряется посредством ряда экономических показателей. Среди тех, которые чаще всего используются в криминологических исследованиях, можно назвать децильный коэффициент и индекс Джинни.

Децильный коэффициент показывает, во сколько раз в конкретном обществе доходы 10 % самых богатых людей превышают доходы 10 % самых бедных.

Индекс (коэффициент) Джинни измеряется от 0 (полное равенство) до 1 или до 100 (полное неравенство) в распределении доходов и национальных богатств. Индекс показывает, насколько несправедливо распределяется потребление по сравнению с идеальной моделью: «Все национальные доходы делим поровну на всех жителей страны» (полное равенство). Этот индекс можно просчитать по доходам или расходам населения.

Экономисты, социологи и криминологи выявили, что децильный коэффициент и Индекс Джинни являются коррелянтами, которые напрямую связаны с индексом убийств и коэффициентом самоубийств в различных обществах ([1; 2] и другие ученые). Этот корреляционный тренд «убийства – самоубийства» достаточно ярко выражен (рисунки 1, 2) [3; 4]. Чем выше степень социального неравенства, тем хуже статистика по убийствам и самоубийствам, а также по количеству терактов.

Убийство и самоубийство – это две стороны одной и той же медали, имя которой – агрессия. Единственное отличие между этими явлениями – направленность агрессии. Убийца направляет агрессию на других, а самоубийца – на себя (аутоагрессия). Поэтому возможность что-то изменить в своей жизни, чувствовать себя достойным человеком, видеть социальную перспективу для собственного роста и развития – важнейший социально-психологический фактор предупреждения преступности. Ощущение безнадежности называют одной из важнейших причин суицидов в Беларуси. Это переживание порождается комплексом социально-экономических проблем.

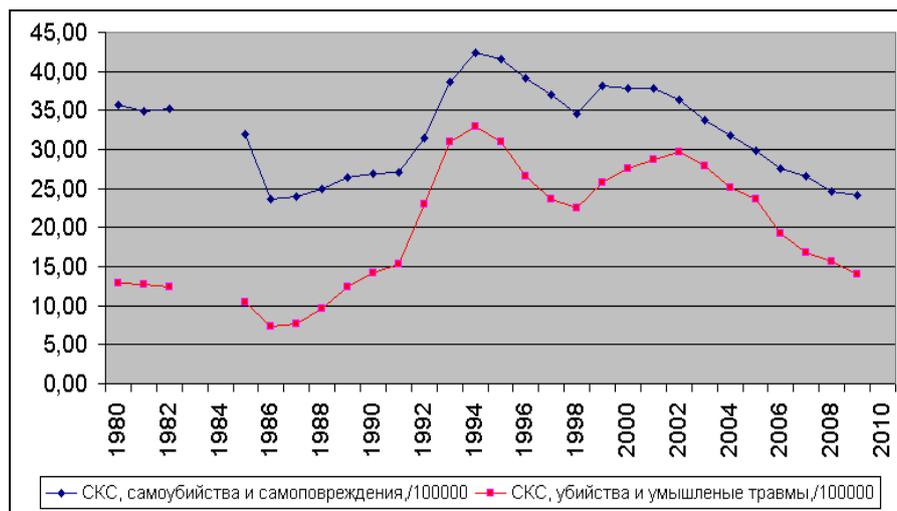

Рисунок 1. – Количество убийств и самоубийств в Российской Федерации (1980–2009 гг.) [3]

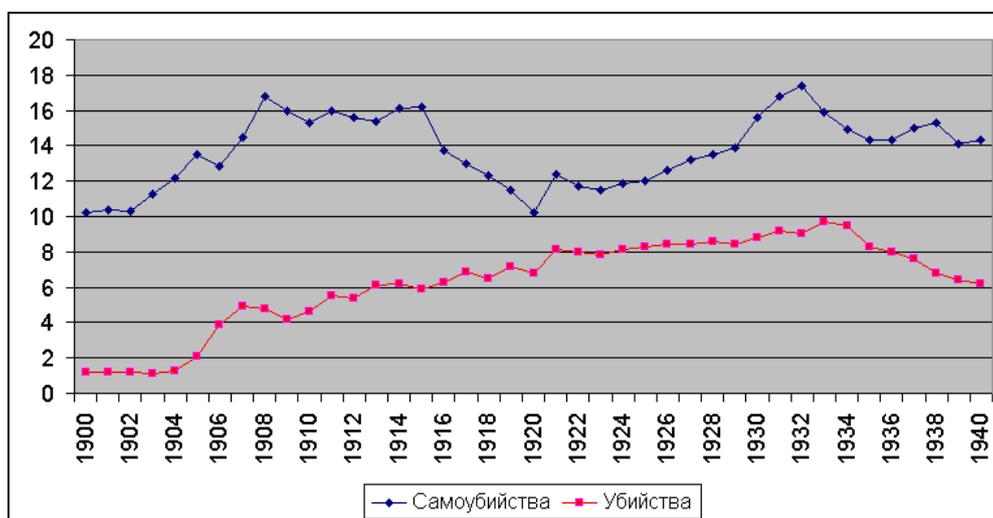

Рисунок 2. – Количество убийств и самоубийств в США в штатах, где регистрировались смерти (1900–1940 гг.), число случаев на 100 000 населения [4]

Общество всегда будет иметь свою социальную иерархию. Это обусловлено тем, что люди изначально рождаются разными (пол, раса, этнические характеристики, здоровье, красота, интеллектуальные задатки и др.). К этому физиологическому неравенству и разности биологического потенциала с течением времени добавляются социальные характеристики неравенства: в обеспеченных семьях детей лучше кормят, от этого у них, как правило, лучшее состояние здоровья, выше рост, у них более качественное образование, лучший жизненный старт при выходе в самостоятельную жизнь и т.д. Ребенку из бедной семьи приходится прикладывать гораздо больше усилий для получения хорошего образования и достойной заработной платы. Даже приложив значительные усилия, многие люди все-таки остаются в том же социальном слое, в котором находятся их родители. Таким образом, не только биология, но и факт рождения в определенной стране уже «назначают» человеку место в социуме.

Экономисты констатируют, что в целом по миру за последнее 50 лет произошел значительный экономический рост, однако материальные блага по-прежнему поделены

очень неравными частями между жителями планеты [5, с. 19–22, 24; 6]. Люди всегда были склонны сравнивать уровень своего благосостояния с качеством жизни других людей. Кроме личного статуса на каждого человека влияет общий статус государства, в котором он живет: экономически развитое, развивающееся или с переходной экономикой. Среди стран также есть значительное неравенство в доходах, что отражается на каждом их жителе [7, с. 5–8]. Таким образом, личное неравенство граждан формируется, в первую очередь, на основе неравенства стран в эпоху глобального мира.

Выраженное социальное неравенство – это важнейшая причина не только корыстной, корыстно-насильственной и экономической преступности, но и революций, имеющих целью передел собственности. Буржуазные и социалистические революции, осуществленные под красивыми лозунгами «Свобода. Равенство. Братство»; «Мир – народам! Землю – крестьянам! Фабрики – рабочим!» отражали только *стремление решить социальные проблемы*. При этом кардинальная смена политического устройства страны при отсутствии конкретной методологии реформ порождала только хаос и насилие, но не социальную справедливость и всеобщее благополучие. Кроме того, условия войны и революции идеальны для преступников, ведь социальный контроль и правоохранительная система крайне ослаблены или уничтожены.

Витальные потребности людей примерно одинаковы, при этом возможности их удовлетворения сильно разнятся [2]. Однако не столько материальные блага сами по себе являются источником конфликтов, а именно степень равномерности их распределения между членами общества. Таким образом, именно резкий разрыв между очень бедными и очень богатыми людьми становится основой для озлобления, социальной розни, незаконного «передела имущества», классовой ненависти и неприязни. На этом фоне понимание и интерпретация уголовно-правовых запретов в разных слоях населения становится кардинально различной.

Отсутствие социального лифта

Социальный лифт – это возможность перемещения из одних социальных страт в другие. Естественно, для человека характерно стремление перемещения по типу «Из грязи в князи!». Мифология сказок «Золушка», «Двенадцать месяцев», «Хаврошечка» и других повествуют о том, что это возможно, и для этого достаточно лишь быть трудолюбивым, высоконравственным и честным человеком. Однако в реальной жизни социальное неравенство определяется не только фактом рождения в конкретном слое общества. Это неравенство вместе с социальным статусом закреплено практически пожизненно для тех людей, кто не имеет возможности получить образование, сменить профессию. А если причина отсутствия социального лифта коренится в национальности, исповедуемой религии, гендерной принадлежности? Это становится трагедией в жизни конкретного человека, порождая потребность хоть что-то изменить в ситуации «невозможности». В лучшем случае у человека в таких условиях реализуются мечты об эмиграции в поисках лучшей жизни.

США давно позиционируют себя как страну равных возможностей, где каждый человек может добиться всего, чего захочет. Социальная мобильность вертикального типа в этой стране действительно высока. Однако и она имеет свои пределы.

Мы поддерживаем тезис о том, что на каждом уровне социальной мобильности должны находиться своего рода «фильтры», которые не позволяют получать слишком высокие полномочия людям, недостойным этого в силу своих нравственных или компетентностных характеристик. Однако эти фильтры не должны создаваться консервативностью, сословностью, коррупцией, клановостью, негативными религиозными или этническими установками. В профессиональной деятельности человеку постоянно приходится выдерживать конкурсный отбор: если появляется кто-то, кто лучше него выпол-

няет профессиональные обязанности, то это прекращает для первого движение по карьерной лестнице. Таким образом, эффективно работающий социальный лифт способен предотвратить многие социальные потрясения и проблемы, в том числе и преступность.

Исключенность (эксклюзивность)

Термины «включенность/исключенность» (inclusive/exclusive) в русскоязычной криминологической литературе активно стал использовать российский ученый-юрист, представитель Санкт-Петербургской криминологической школы профессор Я.И. Гилянский. Он развивает понятийный аппарат, сформулированный на Западе во второй половине XX в. (Р. Линуар, Н. Луман) [2]. В нашем понимании, которое комплементарно концепции Я.И. Гилянского, исключенность – это выпадение из возможности принимать значимые решения для жизни всего общества, влиять на социальные процессы. Иными словами, это ощущение себя никем, человеком, от которого ничего не зависит. А потребность быть значимым – одна из базовых психологических потребностей человека. Степень значимости, достаточная для счастья, определяется самим человеком. Однако если значимость в виде прав и свобод зафиксирована в системе права на юридическом уровне, но не реализуется для человека на уровне повседневности, то неизбежен внутренний конфликт, ощущение фрустрации, отчаяния, безнадежности. Исключенность нередко проявляется в отсутствии смысла жизни и выражается в депрессиях и суицидах.

Противоположное исключенности переживание – это ощущение инклюзивности, включенности, причастности, осознание себя значимым, важным для общества. Включенность – это возможность влиять на экономические, политические, социальные процессы и проекты, участвовать в них на правах личности, а не «винтика в механизме тоталитарной машины», где «незаменимых нет». Когда человек работает несколько десятилетий, чтобы обеспечить себя собственным жильем, достаточно скромным, но подключенным к тепло- и водоснабжению, канализации, электричеству, в процессе достижения этой цели он всегда будет ощущать себя исключенным, ведь мировое сообщество давно считает такое жилье нормальным стандартом качества жизни. Если у человека дома нет скромных стандартных условий для проживания, которые предоставляют ему больница или тюрьма, он всегда будет ощущать себя исключенным. Если дома он питается хуже, чем в больнице или тюрьме, он будет желать попасть туда, где бесплатный государственный минимум питания оказывается выше всех его способностей, трудолюбия, усилий, талантов, стремления работать.

Социальная исключенность не всегда равна понятию «бедность». Она может включать в себя также религиозные, этнические аспекты. Исключенность может транслироваться как образ жизни из поколения в поколение. Российский экономист Ф. Бородкин выделяет группы риска людей, которые нередко становятся исключенными: безработные, низкоквалифицированные рабочие, неграмотные или исключенные из школ; умственно или физически зависимые или ограниченные; неимущие; делинквенты, заключенные и состоящие на криминальном учете; одинокие родители; дети, выросшие в проблемных семьях; молодые люди, особенно без трудового опыта и образования; работающие дети; иностранцы, иммигранты; расовые, религиозные, языковые и этнические меньшинства; политически бесправные; получатели социальной помощи; нуждающиеся в социальной помощи, но не получающие ее; жители трущоб; голодные, бездомные, без определенных занятий и места жительства; люди, чье потребление, времяпрепровождение и другие виды деятельности (в потреблении алкоголя или наркотиков, соблюдении общественного порядка, в стиле одежды, общения, манерах поведения) осуждаются или признаются отклоняющимися от нормы. Также к этому списку Ф. Бо-

родкин относит категорию «женщины», подразумевая, очевидно, гендерное неравенство и более уязвимые позиции женщины в любом обществе (таблица) [8].

Таблица. – Сравнение терминов «включенность» и «исключенность»

ВКЛЮЧЕННОСТЬ	ИСКЛЮЧЕННОСТЬ
Наличие позитивной жизненной стратегии, видение перспективы своего развития и жизни в целом	Отсутствие позитивной жизненной стратегии
Ощущение всех видов безопасности (финансовой, продовольственной и др.)	Ощущение опасности (витальной, продовольственной и др.)
Ощущение защищенности и удовлетворенности жизнью	Ощущение незащищенности и неудовлетворенности жизнью
Наличие собственного дома	Отсутствие собственного дома при желании его иметь
Наличие доступа к информации (о своих правах, об услугах), возможность пользоваться этой информацией	Отсутствие доступа к информации (о своих правах, об услугах) либо возможности пользоваться этой информацией
Осознание реальной возможности пользоваться своими правами	Осознание невозможности пользоваться правами, продекларированными в юридических документах
Ощущение себя могущим изменять свою жизнь	Ощущение себя не могущим изменять свою жизнь
Социальный оптимизм	Социальный пессимизм

Безусловно, что инвалиды, сироты, беженцы практически всегда являются незащищенными слоями населения, при этом правительства почти всех стран стремятся оказывать им хотя бы минимальную государственную поддержку. Одним из эффективных средств предотвращения социальной депривации и остракизма являются благотворительные программы и волонтерство.

В целом благоприятное разрешение социальных проблем не только способствует снижению уровня преступности, но и напрямую является осуществлением принципов устойчивого развития для Республики Беларусь [9].

Заключение

Нередко пишут о несоответствии потребностей и возможностей людей их реализовать как о важнейшей причине преступности. На наш взгляд, это несоответствие как раз и объясняется указанными выше социальными причинами преступности: высокой степенью социального неравенства, отсутствием социального лифта и исключенностью. Поэтому успешное разрешение этих социальных проблем, безусловно, будет способствовать нивелированию этого противоречия. Разумеется, в комплекс указанных выше общесоциальных причин преступности входят также и правовые, экономические, политические, культурные условия жизни общества. Общесоциальные причины преступности влияют на каждого члена общества: мужчин, женщин, детей и подростков. Социальные проблемы нарушают социализацию – формируют девиантное (отклоняющееся), а затем и делинквентное (противоправное) поведение человека.

Противодействие преступности невозможно без решения социальных проблем, т.к. именно они во все эпохи выступали важнейшей детерминантой противоправного поведения. Однако одни и те же социальные условия порождают самые разные формы девиантного поведения, как запрещенные уголовным законом, так и нет. Выявление закономерностей причинности девиантного и делинквентного поведения позволит воздействовать на причины, которые их детерминируют.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скифский, И. С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. С. Скифский. – Тюмень, 2006. – 303 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/obyasnenie-i-prognozirovanie-nasilstvennoi-prestupnosti-v-rossiiskoi-federatsii>. – Дата доступа: 09.03.2018.
2. Гишинский, Я. И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии [Электронный ресурс] / Я. И. Гишинский. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/1707>. – Дата доступа: 09.03.2018.
3. Статистика: Преступность в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guxpert.ru>. – Дата доступа: 11.03.2018.
4. Убийства и самоубийства в США (1900–1940) и в РФ (1980–2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://romix1c.livejournal.com/19433.html>. – Дата доступа: 11.03.2018.
5. Стиглиц, Дж. Ю. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Ю. Стиглиц. – М. : Эскмо, 2015. – 512 с.
6. Гуриев, С. Реформы для всех. Равные возможности в неравном мире [Электронный ресурс] / С. Гуриев. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=8VpND3CYNyg>. – Дата доступа: 09.03.2018.
7. Миланович, Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время / Б. Миланович // Докл. XV апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. : пер. с англ. – М. : Высш. шк. экономики, 2014. – 31 с.
8. Бородкин, Ф. Социальные эксклюзии [Электронный ресурс] / Ф. Бородкин // Социол. журн. – 2000. – № 3/4. – С. 6–17. – Режим доступа: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/644/submission/original/644-1151-1-SM.pdf>. – Дата доступа: 09.03.2018.
9. Инклюзивная Беларусь: не оставляя никого в стороне в достижении целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.by.undp.org/content/belarus/ru/home/presscenter/Events/2016/12/01/InclusiveBelaruscampaign.html>. – Дата доступа: 12.03.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.03.2018

Ivanchina O.N. General Social Causes of Crime: Philosophical and Criminological Analysis

The article considers the main theoretical approaches to the study of social causes of crime, which are the expressed social inequality, the absence of a social elevator and exclusivity (exclusion). These determinants of criminal activity are typical of all countries of the world, despite the dominant types of economy and politics in the country. Therefore, crime prevention is possible only on the basis of minimization of these general social problems.

УДК 316.286 : 159.955.4

У.П. Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: lucul@brsu.brest.by

**СПОРТ У САЦЫЯЛЬНАЙ ПРАСТОРАХ ХХ СТ.:
ФІЛАСОФСКА-КУЛЬТУРАЛАГІЧНЫЯ РЭФЛЕКСІ**

XX ст. стала знакавым у працэсе станаўлення, развіцця і распаўсюджвання спорту ў сацыяльна-культурнай прасторы грамадства. Зразумела, што абысціся без філасофскага асэнсавання і абгрунтавання гэтага феномена ў сістэме агульначалавечай культуры было немагчыма. Таму тагачасныя інтэрпрэтацыі спорту грунтаваліся пераважна на герменеўтычна-духоўных традыцыях, якія ўтрымліваліся галоўным чынам у эсэістычных па змесце ўяўленнях. Шматузроўневы аналіз з боку філасофіі спорту ў сістэме культуры вядзе да таго, што сам спорт, хоць і павінен разглядацца ўласна як гістарычна-грамадскі феномен і поле навуковай дзейнасці, не з'яўляецца нечым першасным, тым, што выяўляецца ў гульні. Гэта, больш верагодна, адпаведная форма дыферэнцыяцыі ў рухавай культуры нашага комплекснага і складанага грамадства. Знайсці дакладную дэфініцыю спорту даволі праблематычна, калі браць пад увагу тое, што вымярэнне цяперашняга часу адбываецца пад знакам плюралізму.

Уводзіны

Філасофія спорту асабліва імкліва стала развівацца ў апошняй трэці ХХ ст. У ёй знайшла працяг асноўная супярэчлівая праблематыка філасофіі ўвогуле, так што даволі складана даць яе цэласны вобраз. Нягледзячы на наяўную з пачатку веку цікавасць філасофіі да тэмы спорту, толькі напрыканцы яго сталі магчымымі спробы стварыць самастойную філасофію спорту. Найперш тут трэба адзначыць нямецкіх навукоўцаў Ханса Ленка і Ома Групэ, якія акрэслілі стрыжнявыя лініі недагматычнай і блізкай да практыкі і плюралістычнай філасофіі спорту і адначасова абзначылі яе найбольш слабыя месцы.

Пасля навуковага кангрэсу, прысвечанага Алімпійскім гульням у Мюнхене 1972 г., Х. Ленк канстатаваў, што філасофія спорту ёсць не чым іншым, як «белай плямай на мапе духу» [19, s. 7], што павінна было б здзівіць, калі звярнуць увагу на значэнне спорту ў век тэхнікі. Паводле Х. Ленка, наяўныя (перш за ўсё ў Германіі) інтэрпрэтацыі спорту пераважна арыентаваліся на герменеўтычна-духоўныя навуковыя традыцыі і былі напісаны пераважна эсэістычна. Яны не ў стане адпавядаць комплекснаму, як індывідуальнаму, так і грамадскаму, феномену спорту. Гэта таксама датычыцца і нешматлікіх метафізічна-экзістэнцыялісцкіх манаграфій [26], якія, нягледзячы на значныя набыткі, па прычыне занадта індывідуалістычнай манеры разгляду недастаткова аддавалі належнае грамадскім імплікацыям спорту.

Калі ў кайзераўскай і нацыянал-сацыялісцкай Германіі спорт быў пераважна мэтавай сістэмай для стварэння «мужчынскіх дабрачыннасцей, барацьбы, дысцыпліны, паслухмянасці, падпарадкавання» і г.д., то пасля Другой сусветнай вайны маятнік рушыў у процілеглы бок: сталі сцвярджаць, што ў абліччы спорту знаходзіць нішу бязмэтавая дзейнасць дзеля самой сябе [6, s. 17–18] альбо існуе абшар «свабоднага дзеяння», што вынікае з ідэалістычнага імпульсу прымяняць гульню як найвышэйшую катэгорыю чалавечага быцця (т.зв. «інстынкт гульні» Ф. Шылера). Такім чынам, тлумачэнне адбывалася ў межах расцягнутага паняцця гульні «культура як гульня» альбо і наогул «гульня як сусветны сімвал», дзе дыскусія павінна ісці пра «гульню Бога» ці нават «Абсалютнага духу», пра «Усё» альбо «Нішто» [1].

Філасофія спорту ў вымярэнні культурнай парадыгмы

У 1960-я гг. хутка набіраў сілу неамарксісцкі рух, які аспрэчыў права на існаванне спорту як самастойнай сферы жыцця і бачыў у ім адно толькі падваенне рэпрэсіўнай сістэмы прымусу капіталістычна-індустрыяльнага свету працы альбо дэфармаваную на капіталістычны лад форму гульні. З-за сваёй абсалютысцкай і аднабаковай манеры бачання гэтая плынь сваімі манёўрамі сябе загнала ў кут.

Аднак неамарксісцкая крытыка спорту дасягненняў мела каталітычны эфект на развіццё новай філасофіі спорту. Так, Х. Ленк паспрабаваў у аднолькавай ступені пазбегнуць абедзвюх крайніх пазіцый: эсэнцыялісцка-ідэалістычнай трактоўкі існасці і неамарксісцкай тэорыі маніпулявання і прыстасавання спорту пры капіталізме. Шляхам адэкватнага функцыянальнага аналізу і сістэмнага філасофскага абгрунтавання комплекснага антрапалага-грамадскага феномена спорту, у прыватнасці шляхам разважанняў на прадмет вартасна вызначанай праблематыкі поспеху з маючымі да яе дачыненне пытаннямі сацыяльнай канкурэнцыі і спаборніцтва, роўнасці шанцаў, замеры і параўнальнасці спартыўных вынікаў і г.д., ён хацеў дасягнуць больш справядлівай ацэнкі спорту як з'явы і адначасова выправіць перакосы ў практыцы спорту.

Х. Ленк бачыў задачу глыбока аргументаванай філасофіі спорту перадусім у тым, каб здзейсніць крытычны аналіз спартыўна-ідэалагічных канцэпцый і іх філасофскіх перадумоў, каб супрацьдзейнічаць, з аднаго боку, прымітыўным глабальным тлумачэнням грамадства, а з другога – індывідуалістычна-філасофскім выкладкам. Х. Ленк хацеў пераадолець пазітывізм «ідэалогіі дадзеных» і паказаць, што гэтыя дадзеныя заўсёды маюць у сабе тэорыю, а тэарэтычныя канцэпцыі пастаянна адштурхоўваюць філасофію [18, р. 43].

Па праблеме антрапалогіі спорту О. Групэ таксама абвясціў патрабаванне плюралістычнага бачання, каб закончыць з аднабаковасцю філасофска-антрапалагічнай традыцыі спорту і яе зацыкленасцю на віталістычных, ірацыянальных, гарманістычных шаблонах трактоўкі [16, s. 187] і пракласці такім чынам дарогу да філасофіі спорту, якую можна было б прыняць усур'ёз [16, s. 187]. О. Групэ скептычна паставіўся да антрапалогіі, якая меркавала, што яна яшчэ ў стане рабіць выказванні пра ўсяго чалавека, пра яго існасць, каб дасягнуць такім чынам цэласнага, вольнага ад супярэчнасцей вобраза чалавека. Гарманістычным і ідэалістычным уяўленням пра існасць чалавека (найперш у тэорыі гімнастыкі і традыцыйнай тэорыі фізічнага выхавання) О. Групэ супрацьпаставіў дыферэнцыяваную антрапалогію, якая сур'ёзна ўспрымае тэзу пра плюралізм і «шматслойнасць» людскай рэчаіснасці. Ён запатрабаваў адмежавання антрапалогіі ад глабальных выказванняў і адасаблення яе ўплыву на пэўныя прыватныя сферы чалавечай дзейнасці [16, s. 188].

Гэтыя папярэднія тэзісы да праграмы філасофіі спорту не страцілі сваёй актуальнасці і сёння. Больш за тое, яны ўмацавалі сваё становішча. Пры гэтым шлях філасофіі спорту напачатку XXI ст. адводзіць усё далей ад эmfатычна-апалагетычных катэгорый абсалютнасці. Перамагае выснова, што толькі плюралістычная канцэпцыя філасофіі спорту ў нейкай меры можа адпавядаць гістарычна-грамадскай з'яве «спорт». Пры гэтым філасофія спорту мусіць выканаць акт збалансавання, каб пазбегнуць спакус ірацыянальнага цэласнага разгляду і, наадварот, каб не ўпасці ў рэдукцыянізм ізаляваных манер аналізу альбо падкрэслівання асобных мадэляў. Ва ўмовах рацыяналізацыі, якая хутка расце, спецыялізацыі і тэхнізацыі ўсяго нашага жыцця, калі прыватныя навукі, якія амаль згубілі сябе ў джунглях квантытатыўнай экспансіі, якаснай дыверсіфікацыі, структурнай дэзынтэграцыі і функцыянальнай тэхнізацыі [23, s. 31], існуе патрэба ў спецыфічным філасофскім бачанні, што адпавядае свайму прадмету – «чалавеку ў спорце».

Філасофія спорту найперш азначае крытычную рэфлексію ў адказ на інтэрпрэтацыю феномена чалавека. Яе спецыфікай з'яўляецца тое, што яна мае «ламаную» прыроду: з аднаго боку, калі браць пад увагу «чалавечы індывід», яна маніфестуе яго амбівалентнае становішча паміж біялагічнай прыроднай вызначанасцю і духоўна-творчым быццём, а з другога – яна мусіць таксама рэфлексаваць ва ўзаемным стаўленні чалавека і сучаснага грамадства і супрацьлеглай скіраванасцю працэсаў [8]. Такім чынам, не адбываецца зацыкленасці на статычныя палярнасці (добры – дрэнны, прыгожы – агідны), а ўспрымаецца дынаміка-працэсавая дывергенцыя сучаснага грамадства, што фіксуецца ў паняццях. Спорт знаходзіцца недзе пасярэдзіне, на перакрываванні шляхоў грамадскасці, і павінен вытрымаць і вынесці ўсе супярэчнасці і антаганізм агульнасацыяльнай базавай сітуацыі. Таму філасофія спорту знаходзіцца ў канфрантацыі з сімпліфікацыйным мысленнем простых альтэрнатыў, дуалізмаў і дыхатамій, і яна адкрываецца для тых кірункаў, з якіх можа паўстаць развітая комплексная тэорыя спорту, што ўвязвае адзін з адным аспекты супярэчлівага.

Калі глядзець на развіццё спартыўна-філасофскай тэматыкі так, як яна ўспрымалася з пачатку мінулага стагоддзя, то можна заўважыць філасофскія карані гетэрагеннай прыроды – матывы герменеўтычных духоўных навук (прырода, дух) і фармальнай культурфіласофіі (індывідуалістычны і генералізацыйны метады, праблематыка вартасці). Яны вызначалі дыскусію гэтаксама, як і жыццёвыя філасофска-ірацыяналістычныя матывы (жыццё як абсалютны і невытлумачальны пункт апоры) альбо феноменалагічнае бачанне (погляд на існасць і свет жыцця), а да іх яшчэ і моўна-аналітычныя прынцыпы, якія паходзілі з англасаксонскага абшару.

Зачын да «новай антрапалогіі», барацьба за новае разуменне феномена чалавека і яго цялеснасці ў 20-х гг. мінулага стагоддзя вызначаліся найперш патрэбай пераадолець рацыяналістычна абгрунтаваны Р. Дэкартам дуалізм *res cogitans* (думка, дух) і *res extensa* (цела), які паўстаў на пачатку Новага часу, і дапамагчы пазбавіцца скажэнняў, што выкліканы ў тым ліку і ім, разумення чалавечага быцця. Хоць сканструяваная Дэкартам субстанцыянальная, г.зн. непераадольная дыхатамія духу і цела насуперак духа-цэнтрычнаму Сярэднявеччу, прывяла да набыткаў у пазнанні (бо цела цяпер можна было разглядаць як велічыню аўтаномную, прынцыпова роўнавялікую мысленню), але ў тым самым маштабе яна прынесла з сабой ідэалістычнае звужэнне ў выглядзе механістычнага рэдукцыянізму, у адпаведнасці з якім усе цэлы, а значыць і дух, мысліліся па-машыннаму аналагічна. Так, тэхнічная перавага здольнасці быць аб'ектам аперацый, здольнасці быць палічаным і вымераным пазачалавечымі і чалавечымі прыроднымі феноменамі выйшла сваёй процілегласцю – аднабаковай матэрыялістычнай манерай мыслення, якая з гэтага часу меркавала, што можна ўсе феномены гэтага свету звесці да фізічных альбо хімічных рэакцый. Формула больш за сто гадоў была «чалавек ёсць машына».

Механізацыя, якая ўзмацнялася на працягу індустрыялізацыі і эканамізацыі, была ўраўнаважана на пачатку XX ст. філасофскай антрапалогіяй, але яе нельга было ўжо цалкам завярнуць назад. Хоць, па М. Шэлеру, антрапалогія духу і ўспрымала пакінутую Р. Дэкартам спадчыну як пагрозу цэласнай ідэі чалавека альбо як замах на чалавечую свабоду, але яна паспрабавала ў манеры, падобнай да антычнага платанізму, стылізаваць дух да звышнатуральнага *ens a se* (існае дзякуючы сабе) і выявіць як чыстае актавае быццё, якое нельга больш раскрыць пытаннямі. Антрапалогія існасці, якая паўстала дзякуючы гэтаму, рабіла стаўку толькі на шчырасць унутранага вопыту і адкрыла новую супярэчнасць паміж чужым жыццю духам і інстынктыўным жыццесцвярджэннем, што, аднак, аспрэчвалася ў антрапалагічных тэорыях, якія з'явіліся пазней (эксцэнтрычная пазіцыянальнасць Х. Пleshнэра [23] альбо катэгарызацыя чалавека як біялагічнай «істоты недахопаў» А. Гэлена) [14; 15]. Аднак, нягледзячы на масіўную крытыку мета-

фізічнага паняцця дух, гэтыя антрапологі зрабілі спробы зразумець чалавека як цвёрдае адзінства альбо адзінства ў станаўленні [17, s. 226].

Разам з тым сутнасць выказванняў гэтых найважнейшых антрапалагічных дактрын была ўжо «зламана» дэфініцыямі *ex negativo* (ад негатыўнага), а тым самым прызнаннем немагчымасці ахапіць чалавека пазітыўным азначэннем. Гэтыя антрапалагічныя рэфлексіі мелі для філасофіі спорту, якая пачала ўжо фарміравацца, неаспрэчную прыцягальнасць, бо выдаваўся шанец ухіліцца ад гранічнага чыста механістычна-біялагічнага бачання і ад аднастойна-містычнага погляду на свет. Пасля дакладнага аналізу гэтых і іншых антрапалагічных канцэпцый, напрыклад тэорыі чалавечага руху Ф. Байтэндыйка [4] альбо феноменалогіі цялеснасці М. Мэрла-Понці як спецыфічнага «вазку быцця па дарозе ў свет» [22, s. 106], О. Групэ тлумачыць сітуацыю чалавека ў спорце як сітуацыю духоўна-цялеснага раздваення паміж «цялесным быццём» і «валоданнем целам», непасрэднага перажывання ідэнтычнасці і цэласнасці падчас спартыўнай акцыі адначасова з поспехам задавальнення ад здольнасці валодання сваёй цялеснасцю, успрымаць яе альбо назіраць за ёй з дыстанцыі. Пры гэтым асабліва напружанае ды інтэнсіўнае ў спорце дачыненне «я – цела – свет» замяняе традыцыйны вобраз пастаяннага, бесперапыннага дачынення чалавека да свайго цела на вобраз пастаянна зменнага ў сваім значэнні «дынамічнага і працэсавага характару чалавечага жыцця наогул» [16, s. 198].

У кірунку праблемна-амбівалентнага дачынення чалавека «дух – цела – свет» ёсць залежнасць ад псіхалогіі і псіхааналізу. У пытанні суадносінаў людскога цялеснага быцця з яго часткова дамінаванай, а часткова залежнай ад цела духоўнасці спорт прадстаўляе проста *experimentum crucis* (вырашальны эксперымент). Тут зноў і зноў паўстае дылема спорту – быць шанцам аўтэнтычнага існавання і сродкам «аб'ектывізацыі» і «ўрэчыўлення» чалавека. Так, антрапалогія павінна дасягнуць таго выніку, што кожнае з выгляду гарманічнае, непарушнае адзінства паміж целам, дзеямі і рухамі, як гэта выўляецца ў спартыўнай акцыі, хутка натыкаецца на межы, дзе праз стомленасць, боль альбо няздольнасць становіцца бачнай перашкода цела. Гаворка ідзе пра межы чалавечага быцця – часавасць і канчатковасць, якія экзистэнцыйна маніфестуюцца ў індывідуальных болі, пакутах і смерці. Гэтыя негатыўныя інстанцыі, наадварот, утвараюць сілкавальную глебу ўсялякага пазітыўнага чалавечага вопыту, робяць магчымым адкрыццё чалавека да свету. Так што чалавечае «цела – духоўнасць» мае прынцыпова апасродкаваны і комплексны характар: з аднаго боку, залучанасць у палярныя супрацьлегласці біялагічных механізмаў і рытмічных заканамернасцей, а з другога – закладзенасць у рэчышча інтэнцыянальнай ангажаванасці ў свеце, дзякуючы чаму яна набывае характар зменлівасці, якая свядома ўспрымаецца ў працэсе перманентных пераменаў.

Сфармуляваны яшчэ Ё.Г. Гердэрам у XVIII ст. тэрмін «адкрытасць да свету», які ўяўляў сабой нешта накшталт ключавага слова антрапалагічных поглядаў да XX ст., сігналізуе пра неабходнасць прынцыповай трансцэндэнцыі антрапалагічнай пастаноўкі пытання да гістарычнай філасофіі гуманнасці, якая толькі ў сучасную эпоху нарэшце прымае аблічча сацыяльнай філасофіі. Антрапалагічная думка «адкрытасці да свету» імплікуе істотныя моманты чалавечага быцця, да якіх нельга ажыццявіць непасрэдны падыход у межах сомацэнтраванай антрапалогіі, аднак яна адначасова адкрывае і магчымасць скіраваць яе да сацыяльнай філасофіі, якая мае прадметам асноўныя міжчалавечыя стасункі, сацыяльныя ўзоры паводзін, людскія формы дзеянняў і гістарычнае жыццё людзей у грамадстве наогул. Пры гэтым Х. Ленк у цэнтр сваіх разважанняў пра сацыяльна-філасофскую абгрунтаванасць філасофіі спорту ўносіць думку пра поспех і прытрымліваецца таго, што толькі дыферэнцыяваная і збалансаваная «філасофія поспеху» здольна даць сістэматычны аналіз шматузроўневага феномена спорту.

«Поспех» для Х. Ленка ёсць якасна-вартасным паняццем чалавечай сацыяльнай сферы. Ён непарыўна звязаны з гістарычна-грамадскімі нормама і не з’яўляецца пытаннем аб’ектыўнай замяральнасці фізічных заканамернасцей. У параўнанні са шматлікімі філасофскімі працамі пра мастацтва і тэхніку – парцыяльнымі феноменамі, што могуць быць параўнаны са спортам, – для філасофіі спорту існуе гіганцкая неабходнасць дагнаць іх. Паўстае тэрміновая задача складання арыентаванай на будучыню канцэпцыі крытычна-рацыянальнай філасофіі спорту і дыферэнцыяванай «філасофіі поспеху». Перад фактам амбівалентнага ўладкавання спорту дасягненняў (паміж самарэалізацыяй і камерцыяй) – гэта нялёгкае задача.

Нягледзячы на тое што зноў і зноў выстаўляецца патрабаванне сацыяльнай «філасофіі спорту», выкладкі Х. Ленка да гэтага часу не выканалі пастаўленыя ім самім запыты новай, перадусім сістэматычнай філасофіі спорту. У параўнанні з іншымі работамі па агульнай тэорыі дзеяння і інтэрпрэтацыі ён са сваімі напрацоўкамі па філасофіі спорту ўсё яшчэ застаецца ў коле традыцыяналістычнай, індывідуалістычна-персональнай філасофіі вартасцяў і сваёй цэнтральнай катэгорыяй «уласнае дасягненне» выразна схіляецца да мадэлей мыслення антычных вучэнняў пра дабрачыннасць, да тэорыі аўтаноміі І. Канта, а таксама да «*religio athletae*» П. дэ Кубертэна з яе асноўнай ідэяй самапазнання і самакантролю атлета. Да гэтага абшару належаць таксама ягоныя выкладкі этычнай ідэі *fairness* (тэрмін блізкі да паняцця *fair play*), пагарда да падвойнай маралі і спрыянне гуманізацыі спорту дасягненняў.

Насуперак гэтаму больш акрэсленую сацыяльна-філасофскую ацэнку маюць накіды тэорыі да крытыкі тэзы «ўласнага свету» і «мэтавай свабоды» і іх метафізічна-анталагічнага гіпастазавання выцяснення спорту ў свеце, што распрацавана Х. Ленкам і яго вучнямі Г. Гэбаўэрам і Э. Франкэ. Згодна з імі, спорт не ўяўляе сабой абшар, які адзелены ад грамадства і культуры, а залежыць ад нормаў культуры і іх гістарычных увасабленняў [18; 20]. Сама па сабе ідэя «ўласнага свету спорту» пераклікаецца з вялікай тэмай еўрапейскай метафізікі і людскай свабодай. Паводле І. Канта, свабода мае на ўвазе зусім спантанную магчымасць у дзеяннях і першародна стварае прычынны шэраг, г.зн. з’яўляецца цалкам незалежнай ад усялякіх прыродных дэтэрмінант. Пры дапамозе ідэі спорту як бязмэтавага абшару ўзнікае цесная сувязь з ідэяй гульні, якая ў сваёй метафізічна абсалютызаванай форме ўвасабляе абстрактнае ваганне (калі вяртацца да Г.В.Ф. Гегеля альбо К. Маркса) да асноўнага паняцця «праца». З адпаведнага пункту гледжання ўсе чаканні паляпшэння ўмоў жыцця і самаўдасканалення потым звязваліся з гэтым з аднаго альбо з другога боку.

Як ужо паказалі антрапалагічныя развагі, пытанне аўтаноміі альбо гетэраноміі людскога існавання нельга вырашыць шляхам абсалютызавання асобных фактараў быцця. Яно заўсёды застаецца ў вызначальным трохкутніку прыроды, цялеснасці і грамадства і тым самым высакамерна манкіруе ўсе спробы дасягнуць канчатковых рашэнняў. Спорт не ў стане вырабіць альтэрнатыўны альбо ўяўны свет: у спрыяльным выпадку ён здольны стварыць «грамадска самастойную сістэму функцыянавання альбо субсістэму» [2; 5]. Уяўная свабода ад мэты самазахавання і штодзённасць у спорце і гульні выклікаюць неадпаведныя дыхатаміі, як, прыкладам, дыхатаміі прыроды і культуры (цывілізацыі) альбо свабоды і неабходнасці, якія пры іх абстрактнасці робяць магчымымі толькі ілюзорныя рашэнні. Асноўнай была гіпотэза пра тое, што гульня (спорт) не ёсць прадметам кшталту рэчы і таму з-за сваёй своеасаблівасці і абумоўленасці ўласнымі законамі не падлягае такому тлумачэнню, як іншыя з’явы прасторы і часу. Роднаснай гэтаму з’яўляецца наміналістычнае тлумачэнне спорту, альбо тэза ірэальнасці. Згодна з ёй, спорт нібыта трэба вызначаць як сферу, у якой адменены нармальныя правілы жыцця [9, р. 27].

Калі прытрымлівацца ідэі антрапалагічнай незавершанасці і фарміраванасці чалавечай прыроды, то, гаварыць пра гэта можна толькі ў кантэксце грамадскага развіцця ў сэнсе філасофскага рэалізму, а не метафізічна-ўзвышана. Рэалістычная альтэрнатыва не можа гучаць, як «уласны свет спорту *versus* (супраць) рэчаісны свет». Яна павінна выглядаць так: рэчаісны свет, што пашыраны да абшару спорту [27]. Калі гэты свет спорту не дазваляе ўціснуць сябе ў якую-небудзь лагічную сістэму, не раствараецца ў няхай сабе аднародным, але герметычна зачыненым «антысвеце», у такім выпадку амбівалентнасць належыць да спорту, а менавіта датычыцца яго як у пытанні паходжання, так і ў пытанні ягоных мэтай. І ўтварэнне ідэнтычнасці ў спорце адбываецца шляхам грамадскага дзеяння ў часе пастаяннага працэсу станаўлення і амбівалентнасці. Гэтыя працэсы дапускаюць толькі тыя пазіцыі, якія падкрэсліваюць рэчаісны характар спартыўнай практыкі. Тут наглядны матэрыял прапануюць не толькі названыя тэорыі. Можна ўзгадаць яшчэ некаторыя, напрыклад спробу Э. Майнбэрга стварыць «суэкзістэнцыяльную спартыўную этыку», якая грунтуецца на ідэі «непераадольнай амбівалентнасці чалавечага існавання» і менавіта таму прыкладае намаганні, каб павялічыць долю рэальнасці сваёй дасведчанасці функцыянаваць як мага больш блізка да рэчаіснасці [21, s. 48, 168].

Аднак феномен спорту працівіцца таксама і сваёй загрунтаванасці ў тэорыі рэчаіснасці. Дуалізм рэальнасці і ірэальнасці выглядае занадта вузкім, каб цалкам спасцігнуць сваю комплекснасць. Чым больш дыферэнцыяванымі і шматузроўневымі становяцца формы і структуры сучаснай спартыўнай рэчаіснасці, тым больш яны расплываюцца і робяцца рэлятыўнымі. У прынцыпе гаворка ідзе не толькі пра амбівалентную, але і пра «полівалентную» рэчаіснасць, выдзеліць з якой асобныя моманты можна не без страты дасведчанасці. Спорт з'яўляецца шматаб'ёмным, шматперспектыўным, біялагічна-натуральным сацыякультурным феноменам, да існасці якога нельга наблізіцца ні з дапамогай тлумачэнняў фізікі, ні з дапамогай метафізічных альбо феноменалагічных трактовак. Супрацьстаяць рэдукцыяналісцкім вызначэнням сацыяльнай сферы (няхай яны будуць эсэнцыялістычнага альбо пазітывісцка-аб'ектывісцкага кшталту) дапамагае толькі «рацыянальнае пазнанне» ў тым выглядзе, у якім яно было ўстаноўлена яшчэ напачатку мінулага стагоддзя Г. Зімеlem, а потым К. Мангаймам, а пазней было сфармулявана як патрабаванне П. Бурдо: усталяванне такога пазнання абазначае разрыў з субстанцыялістычным мысленнем [3; 25; 27]. У сувязі з гэтым неабходна ўзгадаць Г. Гэбаўэра, які з 70-х гг. XX ст. апублікаваў шэраг артыкулаў, дзе даў крытычны аналіз метафізічна-ідэалістычных тлумачэнняў спорту. Г. Гэбаўэр прыйшоў да той высновы, што прадметнасць такіх быццам бы «аднародных» феноменаў, як «дасягненне» альбо ўяўленне «дасягнення ў чыстым выглядзе», г.зн. вызначэнне аб'ектыўных крытэрыяў добраахвотнасці, варта было б паставіць пад сумненне. Поспех у яго ператвараецца ў функцыю сацыяльных стандартаў і прадстаўляе сябе як прадукт сумеснага ўздзеяння «акцыі» і «прэзентацыі», суб'ектыўнага поспеху ў вузкім сэнсе слова і грамадскага фактару поспеху [11].

Г. Гэбаўэр падкрэслівае амбівалентнасць грамадскага быцця чалавека і абапіраецца на тэорыю мімезісу Т. Адорна і тэорыю сацыяльнай практыкі П. Бурдо, зводзіць іх у адно – да тэорыі спартыўнай практыкі як «кадыфікацыі грамадскай практыкі». Ён разглядае вырабленне штучнага, міметычнага прадукту як спартыўную практыку, якая праз і пры пасрэдніцтве правіл, цырымоній і г.д. стварае новыя парадкі, вынаходзіць новую тэхніку і калі нават не пры дапамозе артыкуляванай мовы паняццяў, дык пры дапамозе жэстаў асвойвае свет. Насуперак усім эmfатычна-перабольшаным «тэорыям паходжання» Г. Гэбаўэр надае спорту ў грамадскім кантэксце другасную функцыю. Для яго спорт з'яўляецца практыкай падпарадкавання, г.зн. у параўнанні з непразрыстымі агульнаграмадскімі дачыненнямі дзеянняў навучальна-рэгулятыўнай, скіраванай

на павышэнне ў пачуццёва-эмацыянальным сэнсе практыкі шматстайнага і па-рознаму культурна-спецыфічнага роду, якая да таго ж вытварае сябе толькі праз дыкурс, пост-фактумнае «гаварэнне пра». У лепшым выпадку ў ім узнікаюць «фіктыўныя антысветы», у якіх ажываюць «фантазіі велічы», спартыўнага гераізму, міфы пра пераможцу. Шляхам перманентнага прывядзення ў кантакт узроўню суб'ектаў і актараў з глядацкай перспектывай ствараецца «ўяўная ідэнтычнасць». «Драма» і «Маска» [12] прыводзяцца ва ўзаемадачыненне, зыходзяць з іх грэчаскага паходжання. Г. Гэбаўэр прыводзіць іх у прыклад, каб пацвердзіць амбівалентныя, штучна створаныя адзінствы і ідэнтычнасці грамадскай «правінцыі пачуццяў» спорту. Так, спорт артыкулюе звышпаралельную, паралельную і фіктыўную рэчаіснасць, а магчыма, і ўсё адначасова – як свет уласны альбо антысвет. Ён стварае «секулярызаваны міф», які, быццам разьбу па дрэве, выразае з адной дошкі саборніцтва з праціўнікам як драматычную дзею з ролямі-амплуа перамогі і паразы, з вытрываннем і здачай [20, s. 56]. Філасофія спорту даследуе фактычнасць гэтых міметычна-сімвалічных канструктаў, а таксама фактычнасць прысутнага да цела прынцыпу рэчаіснасці спорту [13].

Заклучэнне

Сур'ёзна даследаваць амбівалентнасць і супярэчнасці ў форме ўяўлення сучаснага спорту аргументаваная ў вялікай меры аб'ектывісцкі навука пра спорт да гэтага часу не справілася зрабіць. Нічога не маглі тут змяніць і яе раздзелы з герменеўтычна-духоўнай навуковай метадалогіяй. На асаблівых дэфіцыты гэтага праблемнага кола, а таксама на прыхаваныя тут для філасофіі спорту магчымасці і выклікі паказвае Э. Франкэ. Ён спрабуе звярнуць увагу на «тэорыю практыкі спорту», якая адмежавалася б як ад інтуітыўна-постфактавага разумення традыцыйнай герменеўтыкі, так і ад аб'ектывісцкай пазіцыі даследаванняў і выпрацавала б уласную, самастойную, адэкватную практыцы тэорыю. Важнай перадумовай тут з'яўляецца выключэнне з характэрнага для тэорыі пазнання суб'ектна-аб'ектнага мыслення. Але разрыў гэтага праксеалагічнага метаду пазнання з ідэалам аб'ектыўнага пазнання яшчэ ад пачатку мінулага стагоддзя з'яўляецца характэрнай тэмай сацыяльнай філасофіі і сацыялогіі ведаў, якая заўсёды рухалася ў полі напружанай аб'ектыўнай і неаб'ектыўнай формы мыслення, напрыклад, паміж верай у сацыяльныя факты і пытаннем пра сэнс. Пераўтварэнне праксеалагічнага досведу ў тэорыю спартыўнай практыкі можа быць цікавым для далейшага спартыўна-філасофскага мыслення, бо размова ідзе пра тое, каб зафіксаваць суб'ектыўныя імплікацыі таго, хто займаецца спортам, у ягонай дзейнасці, не гіпастазуючы пры гэтым якія-небудзь здольнасці, напрыклад здольнасць спачуваць [10, s. 56].

Акрэсленыя прынцыпы не прывялі яшчэ да парадыгматычнага зыходнага і пачатковага пункту для будучых тэарэтычных высілкаў. Праца над філасофскімі праблемамі заўсёды абазначае таксама жаданне вымкнуцца, як некалі выказаўся Л. Вітгенштайн, з «філасофскага тлуму», які з'яўляецца тлумам розуму, глыбінную прычыну якога, аднак, трэба шукаць у нашай непераадольнай антрапацэнтрчнай перспектыве і светапоглядзе, адкуль паходзяць жаданне і надзея, што мы зможам знайсці пры пастаяннай змене нашай часава-гістарычнай экзистэнцыі агульны пункт пастаянства і адзінства ў сваім мысленні, у тэорыі. Як казаў некалі К. Попэр, сапраўдныя філасофскія праблемы маюць свае карані па-за філасофіяй, яны адміраюць, калі гэтыя карані загнуваюць.

У якасці асноўнага тону пры аналізе тэмы філасофіі спорту ў сістэме культуры выкрышталізавалася тое, што спорт, хоць ён і павінен разглядацца ўласна як гістарычна-грамадскі феномен і поле навуковай дзейнасці, не з'яўляецца нечым першасным, дакладней, не з'яўляецца заснаваным у гульні першасным феноменам альбо нечым накіраваным гэтага, а найперш з'яўляецца формай дыферэнцыявання ў рухавай культуры на-

шага сучаснага комплекснага і складанага грамадства. Знайсці самую дакладную дэфініцыю спорту з гэтай прычыны вельмі цяжка, таму што вымярэнне цяперашняга часу адбываецца пад знакам плюралізму. Такім чынам, варта было б перад абліччам складанай сеткі сацыягенных падабенстваў, якія перакрываюцца і перасякаюцца адно з адным і якія ўсе нейкім чынам забяспечаны выразам «спорт», пакуль што задаволіцца формулай Л. Вітгенштайна пра «сямейнае падабенства» [7, s. 88]. Яна дапаможа мець правізарскі парадак і ў той жа час не адбярэ магчымасцей панавання непразрыстасцей. Гэта лепш, чым строгі прынцып верхавенства, які быў бы толькі безуплывовай фантазіяй і ўяўнай неабходнасцю мыслення. Увогуле, у пытаннях грамадства, значыць, і ў спорце, і ў філасофіі спорту трэба аддаць належнае парадзе Г. Зімеля і заўсёды абыходзіцца з апошнім дасягнутым пунктам пазнання так, як калі б ён быў перадапошнім.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
2. Becker, P. Steigerung und Knappheit. Zur Kontingenzformel des Sportsystems und ihren Folgen / P. Becker // Sport und Höchstleistung / P. Becker (Hrsg.). – Reinbek, 1987. – S. 17–37.
3. Bourdieu, P. Historische und soziale Voraussetzungen des modernen Sports / P. Bourdieu // Sport – Eros – Tod / G. Hortleder, G. Gebauer (Hrsg.). – Frankfurt am Mein, 1986. – S. 91–112.
4. Buytendijk, F. J. J. Prolegomena einer anthropologischen Physiologie / F. J. J. Buytendijk. – Salzburg, 1967. – S. 17–47.
5. De Wachter, F. Spielregeln und ethische Problematik / F. De Wachter // Aktuelle Probleme der Sportphilosophie / H. Lenk (Hrsg.). – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 278–294.
6. Diem, C. Sport als Wissenschaft / C. Diem // Deutsche Studentenzeitung. – 1958. – № 8/9. – S. 17–18.
7. Digel, H. Die Versportlichung unserer Kultur und deren Folgen für den Sport – ein Beitrag zur Uneigentlichkeit des Sports / H. Digel // Für einen besseren Sport... Themen, Entwicklungen und Perspektiven aus Sport und Sportwissenschaft. Ommo Grupe zum 60. Geburtstag / H. Gabler, U. Göhner (Hrsg.). – Schorndorf : Hofmann, 1990. – S. 73–96.
8. Elias, N. Zur Grundlegung einer Theorie sozialer Prozesse / N. Elias // Zeitschrift für Soziologie. – 1977. – № 6. – S. 127–149.
9. Elias, N. Sport and the mimetic society / N. Elias, E. Dunning // The cross-cultural analysis of sport and games / G. Lüschen (Hrsg.). – Champaign, 1969. – P. 27–52.
10. Franke, E. Theorie der Praxis – eine Herausforderung für die Sportphilosophie / E. Franke // Sport im Brennpunkt – philosophische Analysen / J. Court (Hrsg.). – St. Augustin : Academia Verlag, 1997. – S. 56–78.
11. Gebauer, G. «Leistung» als Aktion und Präsentation / G. Gebauer // Sportwissenschaft. – 1972. – № 2. – S. 182–203.
12. Gebauer, G. Masken und das Glück. Über die Idole des Sports / G. Gebauer // Sport und Einbildungskraft. Inszenierungen des Helden im Sport / G. Gebauer (Hrsg.). – Berlin : Springer Verlag, 1988. – S. 125–143.
13. Die Aktualität der Sportphilosophie / G. Gebauer (Hrsg.). – St. Augustin : Academia Verlag, 1993. – S. 15–33.
14. Gehlen, A. Studienausgabe der Hauptwerke : in 3 vol. / A. Gehlen. – Wiesbaden, 1986. – Vol. 2 : Urmensch und Spatkultur. – S. 23–33.
15. Gehlen, A. Studienausgabe der Hauptwerke : in 3 vol. / A. Gehlen. – Wiesbaden, 1986. – Vol. 3 : Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik. – S. 73–85.

16. Grupe, O. Philosophisch-anthropologische Grundlagen des Sports / O. Grupe // Philosophie des Sports / H. Lenk (Hrsg.). – Schorndorf : Hofmann, 1973. – S. 185–204.
17. Horkheimer, M. Zur Kritik der instrumentellen Vernunft / M. Horkheimer. – Frankfurt am Mein, 1968. – S. 118–279.
18. Lenk, H. Perspectives of the Philosophy of Sport / H. Lenk // The Scientific View of Sport. – Heidelberg ; New York, 1972. – P. 30–58.
19. Lenk, H. Philosophie des Sports / H. Lenk. – Schorndorf : Hofmann, 1973. – S. 5–15.
20. Lenk, H. Aktuelle Probleme der Sportphilosophie / H. Lenk. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 27–56.
21. Meinberg, E. Die Moral im Sport. Bausteine einer neuen Sportethik / E. Meinberg. – Aachen : Meyer & Meyer Verlag, 1991. – 352 s.
22. Merleau-Ponty, M. Phänomenologie der Wahrnehmung / M. Merleau-Ponty. – Berlin : Springer Verlag, 1966. – S. 21–109.
23. Nitsch, J. R. Die Entwicklung der Sportwissenschaft in sozial- und verhaltenswissenschaftlicher Perspektive / J. R. Nitsch // DVS-Informationen. – 1996. – № 4. – S. 31–36.
24. Plessner, H. Spiel und Sport / H. Plessner // Sport und Leibeserziehung / H. Plessner, H. E. Bock, O. Grupe (Hrsg.). – München, 1967. – S. 7–27.
25. Strube, C. Gründe für eine physikalistische Theorie der Sportwissenschaft / C. Strube // Court J. Sport im Brennpunkt – philosophische Analysen. – St. Augustin : Academia Verlag, 1997. – S. 73–91.
26. Weiss, P. Sport – A Philosophic Inquiry / P. Weiss. – Carbondale : Southern Illinois University Pressu, 1969. – P. 7–21.
27. Wirkus, B. Wirklichkeit und Fiktionalität. Zur Struktur einer philosophischen Theorie des Sports / B. Wirkus // Court J. Sport im Brennpunkt – philosophische Analysen. – St. Augustin : Academia Verlag, 1997. – S. 89–97.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.02.3018

Lukievich U.P. Sports in the Social Space of the Twentieth Century: Philosophical and Cultural Reflections

The twentieth century was a landmark in the process of the formation, development and dissemination of sport in the sociocultural space of society. It is clear that it was impossible to dispense with the philosophical understanding and substantiation of this phenomenon in the system of universal human culture. Therefore, those interpretations of the sport that took place at that time were based mainly on hermeneutic-spiritual traditions, expressed mainly in essayistic views on its content. Multilevel analysis of the philosophy of sports in the system of culture as a result leads to the fact that the sport itself, although it should be considered as a social and historical phenomenon and the field of scientific activity, is not something primary, that appears in the game. This is more likely the corresponding form of differentiation in the motor culture of our society with its complex structure. It is rather problematic to develop an adequately precise definition of sport, if one takes into account the fact that the measurement of the present time occurs under the sign of pluralism.

УДК 304.42:130.2(476):17.02336

В.А. Адзіночанка

канд. філас. навук, дац., дац. каф. філасофіі
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
e-mail: adzin28@gmail.com

**СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ КУЛЬТУРАЛОГІЯ:
ПРАБЛЕМА ПАБУДОВЫ ТЭОРЫІ**

Разгледжаны канцэптэуальныя схемы, з якіх зыходзяць беларускія даследчыкі культуры, падкрэсліваецца неабходнасць асэнсавання гэтых схем і абмеркавання перспектывы іх развіцця. Адзначаецца, што ў культуралогіі ўжываецца мноства тэарэтычных падыходаў, кожны з якіх раскрывае адзін з аспектаў культуры. У сучаснай беларускай культуралогіі важна выходзіць з характару тых працэсаў, якія ў дадзены момант адбываюцца ў краіне. Неабходны пераход ад назапашвання эмпірычнага матэрыялу па гісторыі і сучасным стане беларускай культуры да яго тэарэтычнага асэнсавання. Культуралагічныя даследаванні ва ўмовах сучаснай Беларусі маюць практычны характар. Праз іх асэнсоўваецца спецыфіка нашай культуры і вызначаюцца накірункі яе развіцця.

Уводзіны

Мэтай артыкула з'яўляецца аналіз сацыяльных і эпістэмалагічных перадумоў пабудовы тэорыі ў сучаснай беларускай культуралогіі. Будуць разгледжаны канцэптэуальныя схемы, з якіх зыходзяць беларускія даследчыкі культуры. Дадзены артыкул з'яўляецца найперш спробай абмеркаваць праблему пабудовы тэорыі ў сучаснай беларускай культуралогіі, а не прапанаваць спосабы яе вырашэння. Апошняе будзе паступова ажыццяўляцца ў ходзе развіцця культуралагічных даследаванняў і дыскусій паміж даследчыкамі.

Падкрэслім, што мы не імкнёмся да паўнаты разгляду стану культуралагічных ведаў у сучаснай Беларусі. Гэта зроблена ў працах прафесара А.І. Смоліка [1; 2], якія з'яўляюцца падмуркам для далейшых даследаванняў.

Праблема актуальнасці культуралогіі

Мы можам з упэўненасцю гаварыць аб практычнай значнасці культуралагічных даследаванняў у сучаснай Беларусі. Прынамсі, на падставе разумення культуры вызначаюцца шляхі яе развіцця і ажыццяўляецца культурная палітыка дзяржавы. Практычнае значэнне тэарэтычных палажэнняў сучаснай беларускай культуралогіі абумоўлена перш за ўсё характарам трансфармацыі ў нашай краіне.

Сучаснасць – ключавое паняцце для вызначэння спецыфікі тых працэсаў, якія цяпер адбываюцца ў беларускім грамадстве. У «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» сучаснасць вызначаецца як 'уласціvasць сучаснага (у 3 знач.). 1. Які мае адносіны да цяперашняга часу, да сваёй эпохі. 2. Які знаходзіцца на ўзроўні свайго веку, адпавядае патрабаванням свайго часу. 3. Які адбываецца цяпер, у дадзены час, цяперашні' [2, с. 401].

У адпаведнасці з тэмай нашых разважанняў важна ўлічваць два значэнні паняцця «сучаснасць»: гэта тое, што адбываецца менавіта зараз (мы б яшчэ дадалі «і тут»), і тое, што адпавядае наяўным праблемам. Такім чынам, мы імкнёмся падкрэсліць актуальнасць тых праблем, якія стаяць перад сучаснай беларускай культуралогіяй.

Для нас паняцце *сучаснасць* мае вельмі канкрэтны сэнс. Сучасная Беларусь бярэ свой пачатак з падзей 1991 г., калі Вярхоўным Саветам БССР была абвешчана дзяржаўная незалежнасць Беларусі. Пачынаюцца працэсы, якія і ўтвараюць спецыфіку нашай сучаснасці. Яна вызначаецца перш за ўсё фарміраваннем незалежнай краіны са сваёй уласнай эканомікай, палітыкай, культурай і г.д. Такім чынам, пачатак усеаб-

дымнай трансфармацыі нашага грамадства паклалі нядаўнія палітычныя падзеі, але трэба памятаць, што яны самі – вынік папярэдніх гістарычных працэсаў станаўлення беларускай нацыі. Узнікненне беларускай дзяржавы з’явілася моцным імпульсам для фарміравання сучаснай беларускай культуры: «Самаарганізаваўшыся ў цывілізаванае грамадства і дзяржаву, народ стварае сваю сістэму культуры, праз якую далучаецца да культуры сусветнай» [3, с. 705].

Цяпер перад беларускім грамадствам востра стаіць праблема культурнага самаасэнсавання. Трэба ўлічваць, што яна мае сваю традыцыю і неапрацаваныя схемы разважанняў. Сучасныя даследчыкі абапіраюцца шмат у чым на працы дзеячаў беларускай культуры пачатку ХХ ст. Змяняльнай для нас з’яўляецца назва артыкула М. Багдановіча «Хто мы такія?» і тыя палажэнні, якія ў ім змешчаны. Багдановіч пісаў: «Хто вы такія? Што вы за народ? Так пытаюцца ў нас, простых людзей. Але мы і самі не ведаем. Вакол усе кажуць: я – паляк, я – літвін, я – жyd. А мы нават імя свайго народа забыліся... Мы – трэці народ рускага караню, завёмся беларусамі, і старонка наша завецца Беларусь. Ёсць паміж нас праваслаўныя, ёсць і каталікі, але народ з нас адзін, бо ўва ўсіх адна гаворка, адны звычаі, адны песні, адна вопратка, адзін лад жыцця» [4, с. 126].

Пытанне, якое паставіў Багдановіч, актуальнае і сёння, але на яго павінен быць дадзены адказ у адпаведнасці з сучаснымі задачамі. Ва ўмовах небяспекі культурнай асіміляцыі, якая існавала ў пачатку ХХ ст., Багдановіч падкрэсліваў наша адрозненне ад палякаў і рускіх. Цяпер, калі ўзнікла самастойная беларуская дзяржава, стаіць задача выяўлення спецыфічнага зместу нашай культуры. Яна не зводзіцца толькі да выяўлення культурнай спецыфікі, хаця ў галіне мастацтва праблема стаіць менавіта такім чынам. Як адзначыў кінарэжысёр заслужаны дзеяч мастацтваў БССР В.А. Нікіфараў, «мы цікавыя толькі самабытнасцю» [5, с. 117]. Але ва ўмовах глабалізацыі і непазбежнай уніфікацыі культура – гэта тое, што адрознівае адну краіну ад другой і фарміруе нацыянальную свядомасць. Бо ўзмацненне падабенства еўрапейскіх краін у эканоміцы і палітыцы з’яўляецца відавочным. Перад Беларуссю стаіць задача ўключэння ў сусветныя эканамічныя працэсы. Нягледзячы на ўсе цяжкасці, у перспектыве ў Беларусі будзе сфарміравана дэмакратыя еўрапейскага тыпу. У той жа час па меры развіцця беларускай дзяржавы ўсё больш праяўляецца спецыфіка нашай культуры і відавочным робіцца яе адрозненне нават ад культур блізкіх нам усходнеславянскіх народаў. Паказальна, што гэтыя працэсы асэнсоўваюцца ў сучаснай беларускай культуралогіі як адпаведныя сусветным тэндэнцыям: «Культурныя адрозненні, якія абумоўлены ўнікальнасцю гістарычнага шляху і самабытнасці таго ці іншага народа, забяспечваюць унёсак нацыі ў скарбніцу сусветнай культуры і разам з тым месца краіны ў сучасным свеце» [6, с. 493].

Праблема прадмета і метадалогіі

У справе вывучэння культуры сучаснымі беларускімі даследчыкамі зроблена вельмі значная праца. Выйшаў шэраг выданняў абагульняльнага характару, найбольш значнымі з якіх з’яўляюцца пяцітомная энцыклапедыя «Культура Беларусі» (2010–2014) і чатырохтомныя «Нарысы гісторыі культуры Беларусі» (на гэты момант выдадзены тры тамы). Апублікаваны таксама іншыя працы, у якіх дадзена ўсебаковае і падрабязнае апісанне народнай творчасці, міфалогіі, фальклору, побыту і г.д. Назапашаны вялікі фактычны матэрыял па гісторыі і сучасным стане беларускай культуры.

На дадзеным этапе актуальнай для беларускай культуралогіі робіцца задача пераходу «ад разрозненых апісанняў і дэкларацый да сінтэтычнага, у першую чаргу – навуковага пазнання культуры, але дзеля гэтага трэба больш дакладна адмежаваць навуковае пазнанне ад філасофскага і гуманітарнага, арыентаваць айчынную навуку аб культуры на заходнія ўзоры» [7, с. 88]. Для вырашэння гэтай задачы, на наш погляд, трэба звярнуцца перш за ўсё да метадалогіі навуковага пазнання, у галіне якой у Беларусі

шмат зроблена. У 70–80-х гг. мінулага стагоддзя працавала сусветна вядомая мінская метадалагічная школа на чале з прафесарам В.С. Сцёпіным (цяпер акадэмік РАН). Яе напрацоўкі могуць быць выкарыстаны пры разважаннях аб праблеме пабудовы тэорыі ў сучаснай беларускай культуралогіі.

Мы ўлічваем, што пытанне аб суаднясенні філасофскіх і навуковых ведаў з’яўляецца надзвычай складаным. Для тэмы нашых разважанняў дастаткова адзначыць, што ў аснове філасофіі і навукі ляжаць прынцыпова розныя пазнавальныя ўстаноўкі. Філасофія сфарміравалася як імкненне да мудрасці, яна даследуе агульныя прынцыпы пабудовы рэчаіснасці як такой. У ёй можа рабіцца націск на розных аспектах рэчаіснасці і могуць прапанавацца розныя яе трактоўкі, але яна заўсёды імкнецца да цэласнасці бачання. Культуралогія як навуковая дысцыпліна мае канкрэтны прадмет, які імкнецца даследаваць. Яна карыстаецца для гэтага навуковай метадалогіяй, хаця гэтыя метады могуць быць распрацаваны ў межах філасофскіх накірункаў, напрыклад неакантыянства, феноменалогіі, герменеўтыкі, структуралізму, постмадэрнізму і г.д. Неабходнасць адмежавання культуралогіі ад гуманітарнага пазнання ў яго шырокім сэнсе з’яўляецца часткай агульнай праблемы розніцы паміж навуковымі і ненавуковымі ведамі, бо «гуманітарныя веды трактуюцца надзвычай шырока: у іх уключаюць філасофскія эсэ, публіцыстыку, мастацкую крытыку, мастацкую літаратуру і г.д.» [8, с. 101].

Адзначым, што мастацтва таксама з’яўляецца адным са спосабаў пазнання чалавечай рэчаіснасці. Культура можа быць глыбока асэнсавана ў вобразнай форме. Найбольш яскравым прыкладам гэтага для нас з’яўляюцца артыкулы Багдановіча, Купалы, Коласа, Абдзіраловіча, Быкава, Гілевіча. Але культуралогія, калі яна хоча быць навукай, павінна карыстацца навуковай метадалогіяй. Праблема заключаецца ў тым, што культуралогія – маладая навука са шмат у чым нявызначаным статусам, яна «яшчэ знаходзіцца ў стадыі станаўлення, удакладнення свайго зместу і метадаў, яе абрысы як навуковай дысцыпліны не набылі завершанага тэарэтычнага зместу» [9, с. 10].

Мы выходзім з прынятай большасцю беларускіх даследчыкаў трактоўкі культуралогіі як самастойнай навукі. Яе можна разглядаць як агульную тэорыю культуры, якая абапіраецца ў сваіх палажэннях на аналіз канкрэтных з’яў. «Культуралогія (ад лац. *cultura* і грэч. *logos* – навука) – галіна сацыягуманітарных ведаў; навуковая дысцыпліна пра сутнасць і тыпы культуры, яе сацыяльныя функцыі, заканамернасці і дынаміку гістарычнага развіцця» [10, с. 183].

Пытанне аб статусе культуралогіі застаецца, і, на наш погляд, прадуктыўным з’яўляецца яго далейшае абмеркаванне. Тым не менш расце значнасць яе як асобнай навукі і вучэбнай дысцыпліны. «Беларуская культуралогія як навука аб культуры ў першым дзесяцігоддзі XXI ст. дасягнула сталага ўзроўню развіцця і ўжо набыла пэўную сістэмнасць, якая дазваляе прэтэндаваць на асэнсаванне шэрагу праблем, якія ў сумежных навук да гэтага часу не атрымалі глыбокага асвятлення» [11, с. 18]. Ажыццявіць гэтыя прэтэнзіі культуралогія зможа толькі тады, калі яна прапануе свой уласны погляд на рэчаіснасць, а для гэтага ёй трэба выйсці на тэарэтычны ўзровень. Адзначым, што паняцце «тэорыя» ў перакладзе з грэчаскай мовы значыць «відовішча, інсцэніроўка» і вызначаецца як «вышэйшая, самая развітая форма арганізацыі навуковых ведаў, якая дае цэласнае ўяўленне пра заканамернасці і сутнасныя сувязі вызначанай галіны рэчаіснасці – аб’екта дадзенай тэорыі» [12, с. 45].

Зыходзячы з агульнага азначэння тэорыі, трэба ўлічваць, што ў розных навук яна мае розны выгляд і па-рознаму ўзаемадзейнічае з эмпірычным узроўнем. Мы схіляемся да таго, што вызначальным элементам культуралагічнай тэорыі з’яўляецца канцэптальная схема – сістэма паняццяў (лац. *conceptus*), праз якую задаецца пэўны спосаб бачання і разумення рэчаіснасці. Канцэптальная схема з’яўляецца базавым элемен-

там тэорыі, праз яе фарміруецца анталагічная база тэорыі («схема рэчаіснасці») і спосабы яго даследавання («схема метаду»).

Асаблівасцю культуралагічных ведаў з'яўляецца поліпарадыгмальнасць і адпаведна магчымасці многіх інтэрпрэтацый. Але кожная з апошніх павінна паддавацца рацыянальнаму разуменню і валодаць сваёй канцэптуальнай схемай. Як прыклад розных магчымых падыходаў у культуралогіі можна прывесці метадалогію, прапанаваную прафесарам М.І. Крукоўскім. Ён зыходзіць з таго, што «культуралогія, калі яна, як і ўсякая навука, прэтэндуе на ролю тэарэтычнай, павінна перш за ўсё мець у сваёй аснове пэўны катэгарыяльны апарат, пабудаваны на пэўнай лагічнай аснове» [13, с. 14]. Для распрацоўкі сістэмы культуралагічных катэгорый М.І. Крукоўскі выкарыстоўваў логіку Гегеля ў спалучэнні са структурна-функцыянальным падыходам, прынятым у агульнай тэорыі сістэм, што вядзе да «падтрыманага аўтарытэтам матэматыкі аб'ектыўна навуковага падыходу» [14, с. 10].

Безумоўна, канцэптуальныя схемы гуманітарных навук адрозніваюцца ад тых, якія ўжываюцца ў прыродазнаўстве. І тут слухным з'яўляецца выкарыстанне метадаў іх размежавання, якія былі распрацаваныя ў філасофіі. Гэта, напрыклад, адрозненне «тлумачэння» і «разумення», прапанаванае Дыльтэем. Тым не менш, як адзначыў вядомы амерыканскі даследчык культуры К. Гірц, «няма ніякіх прычын для таго, каб канцэптуальныя схемы культурнай інтэрпрэтацыі менш паддаваліся фармулёўкам і дакладным крытэрыям ацэнкі, чым, напрыклад, схемы вопытаў у біялогіі або эксперыментаў у фізіцы» [15, с. 32].

У аснове навукі знаходзіцца арыентацыя на прадметнае і аб'ектыўнае даследаванне рэчаіснасці, выяўленне заканамернасцей яе развіцця. Прадмет – гэта той аспект рэчаіснасці, які вывучае дадзеная навука. Ён вылучаецца пры дапамозе канцэптуальных схем. Культуралогія накіравана на вывучэнне культуры як асобнай з'явы. Адзначым, што выкарыстанне канцэптуальных схем у розных навукх вядзе не да спрашчэння рэчаіснасці, а да выяўлення яе структуры і заканамернасцей развіцця. Такім чынам, пры дапамозе паняцця «культура» мы выяўляем і пазначаем пэўную галіну рэчаіснасці. Трэба ўлічваць, што гэтае паняцце «з'яўляецца адным з самых шматзначных у сацыяльных і гуманітарных ведах. Аднак, нягледзячы на сваю шматзначнасць, яно прэтэндуе на ролю эфектыўнага канцэпта ў цэлым комплексе дысцыплін сучасных ведаў» [16, с. 35].

Шматзначнасць азначэнняў культуры абумоўлена, па-першае, яе складанасцю, і, па-другое, тым, што гэтае паняцце набывае новы змест у працэсе развіцця культуры і спосабаў яе асэнсавання. Адзначым, што самі спробы азначэння культуры з'яўляюцца фактарам яе развіцця. Сучасныя беларускія даследчыкі зыходзяць пераважна з дзейных трактовак культуры. Так, акадэмік Я.М. Бабосаў абазначае культуру як «спецыфічна чалавечы спосаб дзейнасці, накіраваны на стварэнне духоўных і матэрыяльных каштоўнасцей, вынікам якога з'яўляецца сістэма ідэалаў у дынамічным развіцці, каштоўнасцей, норм паводзін, якія ўвасабляюцца ў сацыяльным развіцці чалавека, у яго духоўным свеце» [17, с. 450]. Гэтаму адпавядае і азначэнне акадэміка В.С. Сцёпіна: «Культура – сістэма надбіялагічных праграм чалавечай дзейнасці, што гістарычна развіваюцца, паводзін і зносін, якія выступаюць умовай узнаўлення і змены сацыяльнага жыцця ва ўсіх яго асноўных праявах» [18, с. 524]. Такім чынам, культура разглядаецца як кампанент чалавечай жыццядзейнасці: «Культура выступае ў якасці асаблівай падсістэмы грамадскага жыцця, якая забяспечвае ўзнаўленне і развіццё чалавечай сацыяльнасці, нясе ў сабе нешта, што можа быць пазначана як “сацыякод”. Па аналогіі з генетычным кодам культура забяспечвае захаванне і перадачу праграм чалавечых зносін, паводзін і дзейнасці» [19, с. 92]. Культурны код «уяўляе сабой адшліфаваную стагоддзямі гістарычнага развіцця народа сістэму ўнікальных архетыпаў, вобразаў і каштоўнасцей, якія характарызуюць яго ідэнтычнасць, менталітэт і духоўна-маральныя ўста-

ноўкі» [20, с. 48]. Трэба ўлічваць, што сёння, ва ўмовах трансфармацыі нашага грамадства адбываюцца істотныя змены ва ўсіх яго сферах, у тым ліку і ў культуры, «калі папярэдняя “катэгарыяльная мадэль свету”, што гістарычна склалася і замацавалася традыцыйнай, перастае забяспечваць трансляцыю новага вопыту, счэпленне і ўзаемадзеянне неабходных грамадству відаў дзейнасці» [8, с. 277]. Тэа змены, якія цяпер адбываюцца, вядуць да пераасэнсавання ролі культуры ў грамадстве і на гэтай аснове – да іншага разумення яе сутнасці, структуры і механізмаў развіцця.

Марксізм, у межах якога вывучалася і трактавалася культура ў савецкім грамадстве, з’яўляецца адной з вялікіх сацыяльна-філасофскіх тэорый. Ён прапаноўваў стройную і ўсеабдымную карціну рэчаіснасці. Згодна з ім, у аснове грамадства знаходзіцца «базіс» – сукупнасць вытворчых узаемаадносін, а над ім узвышаецца «надбудова» – грамадская свядомасць. Менавіта да «грамадскай свядомасці» адносілася культура, а яе характар і развіццё вызначаліся «базісам».

Сёння даследчыкі імкнуча растлумачыць спецыфіку таго ці іншага грамадства менавіта яго культурай: «Культура ў межах розных сацыяльных тэорый ператвараецца ў нейкую базавую інстанцыю, тлумачальны прынцып, парадыгму, да якой звяртаюцца для даследавання тых або іншых праблем сацыяльнага развіцця... У пэўным сэнсе слова «“культура”» ў сацыягуманітарных тэорыях выступае як аналаг Марксавага паняцця «“базіс”» [11, с. 15]. Такі падыход неаднаразова і абгрунтавана падвяргаўся крытыцы, бо ён непазбежна прыводзіць да прынцыпу «культура тлумачыць усё», які з’яўляецца памылковым. Састарэлай і не адпавядаючай складанасці сучасных сацыяльных працэсаў здаецца сама спроба знайсці нейкі фундамент і, абапіраючыся на яго, пабудаваць карціну грамадства ва ўсіх яго разнастайных і разнакасных праявах. Больш адэкватным, на наш погляд, з’яўляецца сістэмны падыход, калі грамадства і культура разглядаюцца ва ўзаемадзеянні ўсіх іх кампанентаў, праз якое ўтвараецца якасна новая цэласнасць.

Праблема структуры культуры

У сучаснай беларускай культуралогіі захоўваецца традыцыйны падзел на матэрыяльную і духоўную культуру. Але ў адрозненне ад папярэдніх матэрыялістычных падыходаў лічыцца, што гэтыя кампаненты раўнапраўныя і знаходзяцца паміж сабой у стане дыялогу. Але большасць даследчыкаў зараз падкрэсліваюць перавагу духоўнай культуры: «Менавіта духоўная культура ўяўляе сабой галоўную частку цэласнай сістэмы культуры» [21, с. 293–294]. Гэта адпавядае сусветным тэндэнцыям узростання ролі духоўнай культуры. У гэтай сувязі яна павінна быць праінтэрпрэтавана і пазначана яе функцыянальная роля ў грамадстве. У прыватнасці, неабходна даць навуковую інтэрпрэтацыю катэгорыі «духоўнасць» і яе анталогічнага статусу. Ці з’яўляецца яна характарыстыкай унутранага свету чалавека, ці мае надындывідуальную прыроду (сацыяльную альбо транцэндэнтную)?

Таксама адной з тэм разважання для сучасных беларускіх даследчыкаў культуры можа стаць прапанаваная У.І. Крукоўскім трохчленная яе структура, у якой разам з духоўнай і матэрыяльнай культурай існуе яшчэ і мастацкая, якая «знаходзіцца як бы ў цэнтры культуры ў цэлым, уключаючы духоўны і матэрыяльны яе пласты» [22, с. 7].

Надзвычай важным для сучаснай беларускай культуралогіі ўяўляецца адказ на пытанне «Чым з’яўляецца гістарычны шлях чалавецтва – паслядоўным развіццём па нейкай абавязковай для ўсіх лінейнай схеме (стадыі, этапы) ці ўзаемадзеяннем розных тыпаў культур-цывілізацый?» [7, с. 85]. Ён вядзе да асэнсавання ролі культурнай спецыфікі ў развіцці грамадства. Падкрэслім, што гэта даволі складаная праблема, і існуюць розныя яе трактоўкі. Тым не менш вельмі прадуктыўным для развіцця нашай грамадскай свядомасці з’яўляецца вылучэнне і асэнсаванне спецыфічных рыс еўрапейскай культуры, у якасці асноўных з якіх Дэрыда і Хабермас назвалі наступныя: «хры-

сціянства і капіталізм, прыродазнаўчыя навукі і Кодэкс Напалеона, грамадзянска-грамадская форма жыцця, дэмакратыя і правы чалавека, секулярызацыя дзяржавы і грамадства» [23].

Выкарыстанне тэорыі лакальных тыпаў культур (ці цывілізацый) прыводзіць да асэнсавання нашай культурнай спецыфікі ў яе прасторавым вымярэнні. Але вельмі важна падкрэсліць, што сама актуальнасць гэтага выкарыстання абумоўлена тымі працэсамі, якія адбываюцца ў апошні час. У савецкім грамадстве лічылася, што ў краіне існуе адзіная культура, «сацыялістычная па змесце і нацыянальная па форме». Пасля распаду СССР выявілася істотная розніца паміж яго былымі рэспублікамі, і кожная з іх пайшла сваім шляхам развіцця, што абумоўлена спецыфікай у культуры.

Заклучэнне

Такім чынам, мы разгледзелі праблемы, якія неабходна ўлічваць пры стварэнні тэорыі ў сучаснай беларускай культуралогіі. У заключэнне скажам аб важным аспекце праблемы практычнай значнасці культуралагічных даследаванняў ва ўмовах сучаснай Беларусі. Навуковая тэорыя павінна не толькі тлумачыць рэчаіснасць, але і выяўляць заканамернасці яе развіцця, мець прагнастычны характар.

Вельмі цяжка зараз будаваць прагнозы адносна далейшага развіцця беларускай культуры. Але найбольш верагодным уяўляецца, што, па-першае, яна будзе развівацца ў накірунку прыняцця норм і прынцыпаў еўрапейскай культуры і, па-другое, будзе ўзмацняцца наша культурная спецыфіка.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Смолік, А. І. Беларуская культуралогія: гісторыя і сучаснасць / А. І. Смолік ; М-ва культуры Рэсп. Беларусь. – Мінск : БДУКМ, 2014. – 275 с.
2. Смолік, А. І. Гісторыя беларускай культуралагічнай думкі : вучэб.-метаад. дапам. для студэнтаў устаноў выш. адукацыі па спецыяльнасці 1-21 04 01 «Культуралогія» / А. І. Смолік, Л. К. Кухто. – Мінск : БДУКМ, 2014. – 235 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. М. Р. Суднік. – Мінск : Беларус. савец. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 1977–1984. – Т. 5, кн. 1 : С – У. – 1982. – 663 с.
4. Конан, У. М. Беларуская культура: нацыянальная самабытнасць і ўніверсальны кантэкст / У. М. Конан // Інфармацыйна-адукацыйны і выхавальныя стратэгіі в савременном обществе: национальный и глобальный контекст : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2009 г. ; редкол.: Т. И. Адула [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – С. 704–706.
5. Багдановіч, М. Хто мы такія? / М. Багдановіч // Поўны збор твораў : у 3 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 3. – 1995. – С. 126–127.
6. Никифоров, В. А. Наше будущее каждый миг превращается в наше прошлое / В. А. Никифоров // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2015. – № 2 (24). – С. 116–120.
7. Игнатович, П. Г. Культурный потенциал народа и формирование имиджа страны / П. Г. Игнатович // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2013. – Вып. 7. – С. 491–495.
8. Смолик, А. И. Белорусская культурология как научная дисциплина: становление и развитие / А. И. Смолик // Искусство и культура. – 2011. – № 1. – С. 83–89.
9. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
10. Грыгаровіч, Я. Д. Прыкладная культуралогія : вучэб. дапам. / Я. Д. Грыгаровіч, А. І. Смолік. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2005. – 216 с.

10. Дубянецкі, Э. С. Культуралогія : энцыкл. давед. / Э. С. Дубянецкі. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2003. – 384 с.
11. Смолік, А. І. Беларуская культура ў кантэксце сучасных гуманітарных ведаў / А. І. Смолік // Асноўныя тэндэнцыі развіцця сучаснай беларускай культуры : матэрыялы навук. канф., Мінск, 23–24 лістап. 2011 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2013. – С. 12–18.
12. Швырев, В. С. Теория / В. С. Швырев // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч. ред.: В. С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 42–45.
13. Крукоўскі, М. І. Тэарэтычная культуралогія: яе сутнасць і перспектывы / М. І. Крукоўскі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2006. – № 6. – С. 10–18.
14. Крукоўскі, М. І. Тэарэтычная культуралогія: наколькі яна можа быць дакладнай навукай / М. І. Крукоўскі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2008. – № 9. – С. 5–11.
15. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.
16. Абушенко, В. Л. Культурсоциологический анализ: предметная рамка / В. Л. Абушенко // Социология. – 2015. – № 3. – С. 35–44.
17. Бабосов, Е. М. Философия науки и культуры / Е. М. Бабосов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 581с.
18. Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ ; Минск : Харвест ; Совет. литератор, 2001. – С. 524–526.
19. Игнатович, П. Г. Роль культурной политики в формировании международного имиджа Беларуси / П. Г. Игнатович // Навуковы пошук у сферы сучаснай культуры і мастацтва : матэрыялы навук. канф., Мінск, 28 лістап. 2013 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2014. – С. 92–98.
20. Бабосов, Е. М. Культурный код нации: сущность и особенности / Е. М. Бабосов // Наука и инновации. – 2016. – № 3. – С. 48–50.
21. Бабосов, Е. М. Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Белорус. наука, 2013. – 481 с.
22. Крукоўскі, М. І. Да праблемы матэматычнага мадэліравання асноўных катэгорый і паняццяў тэарэтычнай культуралогіі / М. І. Крукоўскі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2012. – № 1 (17). – С. 5–16.
23. Деррида, Ж. Наше обновление после войны: второе рождение Европы [Электронный ресурс] / Ж. Деррида, Ю. Хабермас // Отечеств. зап. – 2003. – № 6 (14). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy2>. – Дата доступа: 03.10.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.10.2017

Adzinohanka V.A. Modern Belarusian Culturology: the Problem of Theory Construction

The problem of theory construction in modern Belarusian culturology is considered in the article. Conceptual schemes from which emanate the Belarusian researchers of culture are described. The need of understanding these schemes and discussion of the prospects of their development is also emphasized. It is noted that many theoretical approaches are applied in culturology, each of which exposes one of the aspects of culture. It is important to proceed from the nature of the processes that are currently taking place in the country in modern Belarusian culturology. Now you should go by the accumulation of empirical material on the history and current state of Belarusian culture to its theoretical understanding. Cultural studies in modern Belarus are practical. Through them comprehended the specifics of our culture and the direction of its development are determined.

УДК 130.2:2+159.9

Н.А. Никонович

канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник
Центра историко-философских и компаративных исследований
Института философии НАН Беларуси
e-mail: ol_ra@list.ru

**СОВРЕМЕННАЯ ТРАСПЕРСОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

Представлен теоретико-методологический и концептуальный анализ современных трансперсональных парадигм гуманитарного знания. Эксплицированы особенности и осуществлена дифференциация парадигм внутри трансперсональной теории. В исследовании показана структуризация подходов в рамках трансперсональной философии. В развитии трансперсональной теории выделяются классическая (А. Маслоу, С. Гроф, А. Минделл и др.) и модернизированная (Х. Феррер) стадии. Постулируется идея о том, что когнитивный потенциал трансперсональной теории может быть использован для построения современных моделей феноменологии религиозного опыта. Анализ методологического потенциала данных стратегий позволяет концептуализировать специфику функционирования религиозного, мифологического сознания в разных ракурсах (трансперсональном, психоаналитическом, феноменологическом), а также с точки зрения гуманистической и экзистенциальной психологии.

Введение

Трансперсональная теория является продуктивным подходом в современной гуманитарной науке, новой парадигмой в изучении мифо-архетипических и религиозных констант в сознании и культуре. Теоретические положения этой парадигмы базируются на многомерном исследовании состояний сознания, которые оказываются наполненными имеющим культурную значимость содержанием. Традиционно возникновение трансперсональной парадигмы связывают с работами С. Грофа и А. Маслоу. В контексте гуманистической психологии А. Маслоу трансперсональные переживания связываются с глубинными процессами, трансцендирующими «я» человека и расширяющими границы его личности. В работе [1] были проанализированы особенности трансперсональной парадигмы и намечены пути синтеза теоретико-религиоведческого, трансперсонального и аналитико-психологического подходов. С научной точки зрения представляет интерес тема экспликации особенностей и дифференциации парадигм внутри трансперсональной теории. В данном исследовании рассматривается структуризация подходов в рамках трансперсональной философии, и, если говорить шире, в рамках философии и антропологии мифа, религии, религиозной философии, философии духовной жизни. Выделяются такие стадии в развитии трансперсональной теории, как классическая (А. Маслоу, С. Гроф, А. Минделл и др.) и модернизированная (Х. Феррер) версии. К последней, содержащей определенный пересмотр концептуальных оснований трансперсональных идей, относятся, в первую очередь, работы Хорхе Н. Феррера, современного американского исследователя, профессора Калифорнийского института интегральных исследований, специалиста в области восточной и западной, интегральной и трансперсональной психологии. В 2000 г. Феррер получил Президентскую премию Института Фетцера за работу по изучению сознания [2]. С теоретико-методологической точки зрения имеют значение помимо трудов представителей трансперсональной теории работы таких авторов, как М. Анри [3], Л. Хьелл [4], Д. Кэмпбелл [5], российских религиоведов и философов [6–9] и ряд других. В работе использовалась компаративная, кросс-культурная, герменевтическая методология.

* Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ, проект № Г17-032.

В статье постулируется идея о том, что когнитивный потенциал трансперсональной теории может быть использован для построения современных моделей феноменологии религиозного опыта. Также следует отметить, что для того, чтобы философия и гуманитарное знание могли полноценно развиваться, необходима, на наш взгляд, актуализация современных западных и трансатлантических подходов к истории, мифу, культуре, личности, осмысление и операционализация новых концепций.

Феноменология религиозных переживаний в контексте трансперсональной психологии А. Маслоу

В рамках анализа специфики современной трансперсональной теории представляет научный интерес такая парадигма, как гуманистическая психология А. Маслоу. На самом деле спектр проблем, представленных и решаемых в рамках данного подхода, намного шире, чем концептуальные схемы гуманистической психологии, поэтому может быть целесообразным обращение к научным результатам данного подхода в рамках анализа темы статьи.

Исследования А. Маслоу затрагивают не только глубинные психологические структуры личности, но и переживания, которые можно отнести к метаантропологическим и трансперсональным. В данном контексте представляет интерес изучение и типологизация Маслоу т.н. «переживаний пике». Исследование этих переживаний представляет интерес с точки зрения феноменологии религиозного опыта. Это экзистенциальные переживания, сопровождающиеся ощущением полноты бытия, гармонией, а иногда и религиозно окрашенные.

А. Маслоу дефинирует пиковые переживания следующим образом: «Все бытие, если смотреть на него с “олимпийской” точки зрения и видеть лучшую его сторону, является нейтральным или хорошим, а зло, боль или опасность представляют собой феномен неполноты как результат неумения увидеть мир в его целостности и единстве и восприятия его только с эгоцентрической или слишком низкой точки зрения» [10, с. 37]. Идеи основателя гуманистической психологии, связанные с изучением «переживаний пике», настолько глубоки и многоаспектны, что представляют значительный научный интерес в дальнейшем развитии эпистемологии и феноменологии пиковых переживаний.

Разновидности пиковых переживаний можно обнаружить в религиозно-мистических традициях различных религий. Хотя типология «пиковых переживаний» у исследователя обширна и включает разнообразные эмоционально значимые экзистенциальные переживания, в контексте данного исследования нас интересует религиозный модус этих переживаний. В этом смысле «пиковые переживания» А. Маслоу вписываются в общую концепцию феноменологии религиозных и мифологических форм, развиваемую нами на основе трансперсональной философии и феноменологии религии.

В своем анализе «пиковых переживаний» известный американский ученый объединяет философские и психологические подходы, что явилось основой создания экзистенциальной психологии. Когнитивный потенциал схемы «пиковых переживаний» А. Маслоу и, если рассматривать более широко, всей его концепции саморазвития и самоактуализации личности заключается в введении понятия «познание Бытия», или Б-познания, как его обозначает ученый, а также «психологии бытия» [10, с. 22]. Пиковые переживания в данном контексте выступают как способ познания бытия, личности, социума. Важно отметить, что подобные переживания характеризуются целостностью. Таким образом, мы можем говорить о когнитивной, эпистемологической размерности концепции Маслоу, которая заключается в том, что в его структуре личности «пиковые переживания» отвечают также за познавательный ресурс человека.

«Психология бытия», развиваемая А. Маслоу, расширяет границы человеческой личности посредством онтологизации базовых переживаний, в том числе религиозных.

Сам Маслоу такжэ указывае на тое, што для разумення гэтага тыпа пережываньняў і гэтай псіхалогіі неабходна пагружэнне ў гісторыка-тэалагічны кантэкст. Глыбіня чалавечаскай асобы, па А. Маслоу, вызначаецца здольнасцю саотнесення з Б-познаваннем. Для поўнаты разумення можна абратыцца да самаму вызначэнню: «Пры Б-познаванні індывід мае тэндэнцыю прымаць адчуванне ці аб'ект як цэлае, як завершенную рэч, у адрыве ад яе сувязей, магчай яе карыснасці, цэласаобразнасці і прызначэння. Адчуванне (аб'ект) прымаецца так, словна яно адно ў усёй, словна з яго аднаго ўсёцэла складаецца Быццё, яно прымаецца як сінанім усёй» [10, с. 22]. Гэтыя ідэі выходзяць за межы экзистэнцыйнай і гуманістычнай псіхалогіі, адкрываючы магчымасць стварэння інтэграванага філасофіі.

Гэтыя ідэі вельмі созвучны ідэям рэлігійнай філасофіі. Імяна ідэнтыфікацыя з вышнім пачаткам, быццём у яго глыбінным сэнсе складае ядро многіх рэлігійных доктрын. У даследаваных амерыканскім псіхологам пережываньнях прадстаўлена цэластнае прадстаўленне аб быцці без домінавання якіх-лібо палярнасцей і дыхотомій. Даннае прадстаўленне фундуе «пережываньня піке». Цэннасць гэтага тыпа пережываньняў заключаецца ў тым, што яны дазваляюць індывіду бачыць свет цэластна, завершаным і менш антаганістычным. Вынікам такога прыняцця рэальнасці з'яўляецца асобны рост. Слдуе такжэ адзначыць, што Б-познаванне і піковыя пережываньня становяцца вначаснымі, інкарпаванымі ў матрыцу быцця як такога. Піковыя пережываньня выходзяць за межы Яго і ў гэтым сэнсе становяцца трансперсональнымі.

У межах тэмы даннага даследавання можа прадстаўляць інтарэс сакральны статус «піковых пережываньняў» ў розных рэлігійных тыпах. Гэта кацаецца прадстаўленняў ў міфалагічных і рэлігійных сістэмах. «Містыкі заўсёды гаворылі аб гэтай велікай цэннасці містычнага пережываньня, якое наведае чалавека ў лічаныя моманты яго жыцця», – адзначае даследавальнік [10, с. 24]. Другая характэрная рыца «піковых пережываньняў» – змяненне прыняцця часу. Пацверждзенне гэтай ідэі мы такжэ аднаражываем у творах па феноменалогіі міфа вядомага рэлігійнага М. Эліада, а такжэ ў працах егіптолага Я. Ассмана. Як адзначае Я. Ассман, у егіпцянаў было спецыфічнае паняцце часу: гэта і не час-вечнасць, но і не час у традыцыйным разуменні. «Каждый з двух тэрмінаў (і нехех, і джет) адчаста заключае ў сабе сэнс нашага паняцця “час”, а адчаста – нашага паняцця “вечнасць”: саотвественно, ў пераходнай практыцы іх можна перадаваць то адным, то другім словам. Аб тэрмінаў адносяцца да цэласці касмічнага часу, якая як такая з'яўляецца сакральнай, ў вызначаным сэнсе трансцэндэнтнай і таму – “вечнай”» [11, с. 119].

Такім абразам, ў «піковых пережываньнях» прыняцце часу претерпевае змяненне. А. Маслоу сраўняе «пережываньня піке» з уподобленнем божественнаму пачатку ў тым сэнсе, што яны выходзяць за межы чалавечаскага «я» і парой надзелены рэлігійнымі атрыбутамі. Гэта «субстытут усяго свету», які ляжыць вначасці індывідуалізуючага разумення. Сам мысліцель праводзіць паралелі між сваёй канцэпцыяй Б-познавання і усходняй філасофіяй. Рэальна, такое сраўненне правомэрна, такжэ як і паралелі з сучаснай філасофіяй рэлігій. Безотнасіцельна да пытання аб канкрэтнай ці абстрактнай сутнасці «піковых пережываньняў» Маслоу затрагвае тэму вначаснасці і невыразнасці даннага тыпа апыту. Здаць можна правесці аналогію з сакральным апытам старажытных культур, які, прыналежыць канкрэтнаму гісторычнаму часу, ў тое ж час універсальны і метаісторычны.

У кантэксте вучэння экзистэнцыйна-гуманістычнай псіхалогіі А. Маслоу аб Б-познаванні ўмястна правесці паралелі з ідэямі фундаментальнай онталогіі М. Хайдеггера. Для позднага Хайдеггера аказваюцца важнымі паняцця быцця, міфа, мовы. Для разумення данных ідэяў і кампаратывнага аналізу з другімі парадыгмамі асоб-

но значим такой концепт, как «четверица» (das Geviert). Это понятие является квинтэссенцией синкретичности философии Хайдеггера и обнаруживает близость мифологическим концепциям. Это понятие подразумевает недетерминированную бытийственность, открытость мира вещам, где они существуют в недихотомическом единстве. Подобные идеи коррелируют с идеями А. Маслоу о человеческом и бытийственном познании.

Переживания единства в аспекте их вовлеченности в экзистенциально-духовную жизнь человека составляют ядро концепции «пиковых переживаний» современного американского исследователя. «Эмоциональная реакция на пиковое переживание имеет особый привкус удивления, благоговения, почтения, смирения и подчинения величию переживания», – замечает он [10, с. 26]. Эмоциональный опыт «пиковых переживаний» становится частью экзистенциального развития личности.

Связанной с этой темой является проблема идентичности личности у А. Маслоу. Из идей американского ученого следует, что «пиковые переживания» формируют идентичность человека. Человек самотождественен в «пиковых переживаниях», что открывает возможности для интеграции; так же, как в юнгенианской психологии самость предстает как конечный пункт развития человеческой личности, предельная реализация всех возможностей человека, центр его существа, к которому ему надлежит прийти в своем личностном развитии.

В данном контексте целесообразно затронуть тему эпистемологии опыта «пиковых переживаний». Создатель гуманистической психологии задается вопросом о верифицируемости подобного опыта. Критерий верифицируемости лежит в плоскости субъективной значимости этих переживаний для индивида. Как и любой внутренний опыт, он реален с точки зрения внутренней интроспекции личности, как опыт, значимый и реально существующий для данного индивида. Однако А. Маслоу оставляет этот вопрос открытым и признает, что здесь не существует абсолютной верификации.

В целом из концепции А. Маслоу следует важный вывод: в «пиковых переживаниях» в человеке помимо всего прочего проявляется религиозное начало. Повторим, «пиковые переживания» носят различный характер и не являются сугубо религиозными, но могут иметь также и религиозный аспект. Изучение данного вопроса приводит к мысли о том, что обнаружению целостности личности способствует раскрытие религиозного начала. «Пиковые переживания» могут быть не только психотерапевтически по своей сути, но и обладают способностью аккумулировать религиозный опыт и знания. Можно привести еще одну цитату из работы А. Маслоу «По направлению к психологии бытия», характеризующую внутреннее, духовное содержание «переживаний пике»: «В этот момент человек в большей мере есть чистая *psyche* и в меньшей – мирская вещь, подчиняющаяся законам мира. То есть он больше подчиняется интрапсихическим законам, чем законам непсихической реальности, постольку, поскольку они отличаются друг от друга» [10, с. 32].

Идеи А. Маслоу помогают понять суть религиозного сознания и религиозных переживаний с психоаналитической и гуманистической точек зрения, с точки зрения современных подходов в психологии и психоанализе. Религиозные переживания можно понимать как акт самоактуализации. Еще один важный аспект «пиковых переживаний» – личностные изменения. В заключение анализа сущности концепции А. Маслоу «пиковых переживаний» будет уместно привести следующее высказывание ученого: «Бытие и Становление не противоречат друг другу и не исключают друг друга» [10, с. 43].

Неклассический проект современной трансперсональной парадигмы: Хорхе Н. Феррер

Трансперсональная теория является новым и малоизученным подходом в изучении феномена архетипов и мифологических форм в сознании и культуре. На первона-

чальном этапе создания теории (разработки С. и К. Гроф) концептуализация идей данной парадигмы происходила в русле признания базовой недуалистической константы культуры и сознания в виде единой основы, объединяющей трансперсональные символы, знаки и архетипы. Классическая трансперсональная теория, связанная с работами С. Грофа, А. Минделла и других, опиралась на теоретическое допущение о единстве сознания, фундированного ключевыми смыслообразами, существующими в измененных состояниях сознания.

Р. Тарнас, современный западный философ, дает многоаспектное определение термину трансперсональный: «Здесь понятие “трансперсональный” многозначно признает священное измерение жизни, динамично развивающееся вне, равно как и внутри человека, посредством и в качестве него, взаимно преобразующим сложным творческим образом, открывающим к более полному участию в божественном творении, каковым является человеческое существо и вечно развертывающийся космос» [12]. Хорхе Н. Феррер предлагает следующую дефиницию: «Трансперсональная теория занимается изучением трансперсонального и духовного измерений человеческой природы и бытия» [13, с. 36]. Если в классическом варианте трансперсональной теории (С. Гроф, К. Уилбер) превалировала идея концептуального единства трансперсональных переживаний, то в более позднем, модернизированном варианте это представление заменяется идеей несоизмеримости состояний трансперсонального опыта.

Таким образом, мы выделяем следующие стадии в развитии трансперсональной теории: классическая (С. Гроф, А. Минделл и др.) и модернизированная (Х. Феррер) версии. Хорхе Феррер предлагает дальнейшую концептуализацию трансперсональной идеи в виде локализации интроспективного духовного опыта. Фундаментальной идеей здесь является представление не о единстве духовного опыта, а его тематической спецификации в зависимости от типа религиозной либо духовной системы.

Модернизированная версия трансперсональной теории отличается критицизмом по отношению к предшествующим идеям. В реформированном варианте трансперсональной теории Х. Феррера подвергается сомнению тезис о том, что духовный опыт имеет интересубъективный характер. Одной из посылок критицизма американского ученого является отрицание т.н. перенниализма – идеи о всеобщем характере духовного опыта. Феррер предлагает рассматривать трансперсональную реальность с точки зрения соучастия и мультилокальности. В его концепции одним из постулатов становится утверждение о плюральности интерпретаций этой реальности. Для прояснения своих идей он использует следующую метафору: «У Океана Освобождения много берегов». Однако, критикуя универсализм, Феррер упускает из виду, что он не является привнесенным извне, но следует из результатов трансперсонального опыта. Данная тема более полно исследовалась нами в [14].

Х. Феррер также выступает против субъективизма трансперсонального подхода, называя его «интрасубъективным редукционизмом (т.е. сведением духовных и трансперсональных феноменов к индивидуальным внутренним переживаниям)» [13, с. 58]. Таким образом, исследователь намечает два крайних полюса трансперсональной теории – универсализм и субъективизм, которым он противопоставляет свою «точку зрения соучастия». Здесь заложена креативная мысль об инкорпорировании индивидуального духовно-ментального опыта в культурно-социальную реальность. Доминантная дихотомия «универсализм – плюрализм» присуща, по мнению Феррера, всей предшествующей трансперсональной теории, причем идеи С. Грофа он подвергает критике как нивелирующие особенности духовного опыта индивида. В данном контексте следует отметить, что основоположники трансперсональной теории (С. и К. Гроф и др.) предлагали синкретичную модель индивида и универсума, в которой обособленные переживания индивида становились частью той или иной мифо-религиозной картины мира.

Для расширения горизонтов трансперсональной теории Х. Феррер предлагает рассматривать трансперсональные факты как «мультилокальные события», акцентируя внимание на их культургетерогенной природе. Здесь открываются возможности для симбиоза культурно обусловленного и личностного начал. Для раскрытия этой идеи исследователь использует термин «воплощенное присутствие», в котором объединяются онтологический и антропологический горизонты.

Свою аналитическую модель Х. Феррер обозначает как контекстуальную, подчеркивая различия трансперсональных переживаний. В сфере философии религии его воззрения находят продолжение в идее взаимовлияния божественного и человеческого, а в сфере межрелигиозного диалога – в постулировании равноценности различных точек зрения на природу духовной реальности. Можно констатировать, что более поздняя, модернизированная версия трансперсональной теории, представленная Феррером, смещается к коммуникативному полюсу.

Таким образом, коренное различие двух вариантов трансперсональной теории – классической и модернизированной – заключается в различии подходов к проблеме культурной детерминации: если у С. Грофа и других трансперсональный опыт не является культурно детерминированным, то у Х. Феррера такая детерминация присутствует.

Новации в работах Хорхе Н. Феррера заключаются в критическом осмыслении унифицированной духовной реальности, унифицированной системы координат трансперсонального опыта. Духовная реальность в представлении ученого становится не универсальной, а индивидуализированной, обусловленной многообразием человеческой личности. В этом содержится существенное и кардинальное отличие трансперсональной системы Феррера не только от предшествовавших парадигм в области гуманистического и трансперсонального знания, но и всей системы религиозной философии в целом.

Классическая философия религии в целом базируется на идее онтологии единой реальности (Бог, святое и т.д.), доступной индивиду в опыте религиозных переживаний. Хорхе Феррер строит свою концепцию на отрицании подобной унифицированной реальности, унифицированной онтологии, предлагая вместо этого многомерность индивидуальных интенциональностей. Эта точка зрения не является бесспорной, но расширяет теоретический ракурс понимания рассматриваемых феноменов и показывает методологический потенциал стратегий исследования мифа и религии. Подобный вектор исследований важен для развития такого направления, как обозначенная Р. Тарнасом «межкультурная философия религии».

Для более детального прояснения новизны подхода Хорхе Феррера к анализу трансперсонального дискурса будет уместно привести цитату из его труда «Новый взгляд на трансперсональную теорию»: «По мере того, как мы начинаем в большей степени осознавать свою внутреннюю живую связь со священным, трансперсональное постепенно открывается как все более личностное» [13, с. 21]. Эта идея важна для современного как религиоведческого, так и трансперсонального дискурса. В то же время здесь мы можем заметить своего рода «антропологический поворот» в рамках трансперсональной парадигмы. Эта точка зрения позволяет проследить развитие трансперсональной теории в динамике, хотя по сути является контрпозиционной предшествующим версиям трансперсональной теории, и, если рассматривать более широко, базируется на иных постулатах, чем классическая и даже неклассическая философия и феноменология религии.

Каким образом в данном подходе решается проблема субъективизма? Для решения этого вопроса Х. Феррер предлагает термин «соучастие», в котором заложен интерсубъективный контекст. Ученый предлагает воззрение, которое обозначено нами как своего рода «трансперсональный экзистенциализм», в котором большое значение придается внутрисубъективной интроспекции. Подход Х. Феррера содержит критику онто-

логизма, заключающуюся в отрицании общезначимого характера философской и религиозной традиций. В рамках данного подхода происходит переосмысление и отказ также и от субъективистского редукционизма, что в данной терминологии означает «познание-соучастие» (participatory knowledge) [13, с. 32], однако остается дискуссионным вопрос, снимает ли подобная точка зрения, акцентирующая внимание на «мультилокальном трансперсональном событии», по выражению Х. Феррера, индивидуалистический редукционизм. Рассматривая данную концепцию, уместно остановиться на методологических проблемах исследования. Методом элиминации редукционизма, согласно Х. Ферреру, является «межличностная верификация». Нельзя не отметить, что вопрос достоверности духовного опыта важен в современной гуманитарной науке, и проблема его статуса остается сложной и малоисследованной. Резюме взглядов американского автора – уже приведенная нами выше идея-метафора о том, что «у океана Освобождения много берегов». Эта мысль является одной из ключевых для понимания данной интерпретационной модели трансперсонального опыта. Эта модель также может означать плюрализм онтологий.

Несмотря на многие методологические новации, содержащиеся в работах Х. Феррера, следует отметить, что он придерживается классического взгляда на многомерность трансперсонального опыта, разделяемого многими теоретиками трансперсональной парадигмы. Согласно взглядам испано-американского ученого, трансперсональная картина мира включает многомерность трансперсональных онтологий, а также взгляд на мир, который можно обозначить как интересубъективный. Важным выводом из взглядов американского автора является то, что трансперсональная теория подразумевает собственную эпистемологию.

Решение эпистемологических проблем – новый вектор в рамках трансперсональной теории, который заслуживает более глубокого рассмотрения. В определенной степени это было осуществлено нами в [15], где были разработаны вопросы онтологии и эпистемологии мифо-религиозного опыта, в том числе на основании достижений трансперсональной школы. На основе концепций М. Элиаде, С. Грофа, К.-Г. Юнга, Д. Кэмпбелла нами создана интегрированная модель мифо-религиозного опыта: экзистенциально-личностный уровень дополняется надличностно-трансперсональным. Предложен новый подход к проблеме мифо-религиозного сознания: оно имеет как психологическую, так и онтологическую природу. Метатеоретическая модель мифо-религиозного опыта, его типология построена нами с учетом теоретико-мифологического, трансперсонального и психоаналитического векторов.

Проблема концептуализации трансперсонального знания представлена в разных ракурсах у разных авторов. Одной из своих задач Феррер видит создание «трансперсональной эпистемологии», в теоретико-методологической сфере которой находятся проблемы трансперсонального познания. Схема проекта «трансперсональной эпистемологии», предложенная Х. Феррером, ингибирует следующие критерии верифицируемости трансперсонального знания: объективное/конструируемое, непосредственное/опосредованное, универсальное/контекстуальное, абсолютное/относительное и ряд других категорий [13, с. 42]. Эти дихотомии представляют научный интерес и могут быть использованы не только в рамках системы эпистемологии трансперсональной парадигмы. Когнитивным средством, снимающим, по Х. Ферреру, подобные гносеологические дихотомии, является уже упоминаемый подход «соучастия», который, на наш взгляд, нивелирует базовую дихотомию «свой/чужой», следствием чего может явиться методологический и концептуальный плюрализм в понимании культурных и персональных различий.

Заклучение

Говоря о методологическом потенциале исследуемых парадигм и стратегий гуманитарного знания, следует отметить, что анализ данных подходов позволяет рассмотреть такие феномены, как миф и религия, многомерно, в их структурных элементах и характерных особенностях, моделировать более полную картину религиозного сознания и его специфики в различных модификациях. Это касается прежде всего анализа когнитивного потенциала данных стратегий, который позволяет рассмотреть функционирование религиозного, мифологического сознания в разных измерениях: трансперсональном, психоаналитическом, феноменологическом – с точки зрения гуманистической и экзистенциальной психологии.

Это дает основания и может явиться базисом создания эпистемологической модели религиозного сознания, методологией экспликации особенностей механизма его функционирования. Очевидно, что анализ особенностей человеческой психики, в том числе ее религиозных и мифологических констант, с точки зрения феноменологии, трансперсонального подхода, гуманистической психологии расширяет концептуальное и проблемное поле их многовекторного анализа в различных ракурсах.

Нами предложено рассмотрение концепции «пиковых переживаний» А. Маслоу в новом ракурсе – когнитивно-религиоведческом. Отметим, что исследования основателя гуманистической психологии затрагивают не только глубинные психологические структуры личности, но и переживания, которые можно отнести к метаантропологическим и трансперсональным. Доминантные идеи Маслоу, связанные с анализом «переживаний пике», вписываются в парадигму развития современной феноменологии религиозных и мифологических форм, развиваемую нами на основе трансперсональной философии и феноменологии религии. Таким образом, мы можем говорить о когнитивной, эпистемологической размерности концепции А. Маслоу. Идеи А. Маслоу способствуют пониманию сути религиозного сознания и религиозных переживаний с психоаналитической и гуманистической точек зрения, с точки зрения современных подходов в психологии и психоанализе.

Значение рассматриваемых парадигм данной тематики заключается в возможности построения эпистемологии мифологического и религиозного знания, а также более глубокого проникновения в «картографию» (термин С. Грофа) человеческого сознания в его архетипических и религиозных формах. Важным является то, что современная трансперсональная картина мира включает плюрализм трансперсональных онтологий. Рассмотренные концептуальные подходы расширяют интеллектуальную сферу развития современного философского знания, эксплицируя феноменологические, онтологические и культурологические константы мифологического и религиозного сознания, что позволяет глубже проникнуть в его природу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никонович, Н. А. Проблемы онтологии и эпистемологии мифо-религиозного опыта: синтез идей М. Элиаде, К.-Г. Юнга и С. Грофа / Н. А. Никонович // Религиоведение. – 2017. – № 1. – С. 90–98.
2. California Institute of Integral Studies. Jorje N. Ferrer [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ciis.edu/faculty-and-staff-directory/jorge-n-ferrer>. – Date of access: 08.09.2017.
3. Анри, М. Феноменология жизни / М. Анри ; пер. с фр. Г. Вдовиной // Логос. – 2011. – № 3. – С. 172–185.
4. Hjelle, L. A. Current research and applications in personality theories / L. A. Hjelle. – New York : McGraw-Hill, 1992. – 156 p.

5. Кэмпбелл, Д. Герой с тысячу лицами: миф, архетип, бессознательное / Д. Кэмпбелл ; пер. с англ. К. Семенова. – Киев : София, 1997. – 335 с.
6. Забияко, А. П. Феноменология религии / А. П. Забияко // Религиоведение. – 2010. – № 4. – С. 152–164.
7. Кимелев, Ю. А. Философия религии. Систематический очерк / Ю. А. Кимелев. – М. : Nota Bene, 1998. – 424 с.
8. Красников, А. Н. Тенденции современного религиоведения / А. Н. Красников // Религиоведение. – 2001. – № 1. – С. 5–9.
9. Торчинов, Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 1997. – 384 с.
10. Маслоу, А. По направлению к психологии бытия. Религии, ценности и пиковые переживания / А. Маслоу. – М. : Эксмо-пресс, 2002. – 64 с.
11. Ассман, Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации : пер. с нем. / Я. Ассман. – М. : Присцельс, 1999. – 368 с.
12. Tarnas, R. The Passion of the Western Mind / R. Tarnas. – New York : Harmony Books (a division of Crown Publishers), 1991. – P. 543.
13. Феррер, Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию: Человеческая духовность с точки зрения соучастия : пер. с англ. / Х. Феррер. – М. : АСТ, 2004. – 397 с.
14. Никонович, Н. А. Трансперсональная теория: этапы концептуализации / Н. А. Никонович // Личность – слово – социум : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 апр. 2007 г. : в 3 ч. / Ин-т соврем. знаний ; отв. ред. Т. А. Фалалеева. – Минск, 2007. – Ч. 1. – С. 222–224.
15. Nikonovich, N. El proyecto de la ontología religiosa de M. Eliade y el problema de la síntesis de los paradigmas / N. Nikonovich // Pensamiento Americano. Revista de la Facultad de Humanidades y Ciencias Sociales de la Corporación Universitaria Americana. – 2016. – № 9 (16). – P. 45–57.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.02.2018

Nikonovich N.A. Modern Transpersonal Paradigm: Theoretical and Methodological Analysis

The article presents the theoretical-methodological and conceptual analysis of modern transpersonal paradigms of humanitarian knowledge. The features of paradigms are explicated; the differentiation of paradigms is conducted within the transpersonal theory. The research presents structuring of approaches within the framework of the transpersonal philosophy. The following stages in the development of the transpersonal theory are determined: classic (A. Maslow, S. Grof, A. Mindell and others) and modernized versions (J. Ferrer). The idea is postulated that cognitive potential of transpersonal theory can be used for building modern models of phenomenology of religious experience. The analysis of the methodological potential of these strategies allows conceptualizing the specifics of functioning of religious, mythological consciousness in different angles – transpersonal, psychoanalytical, phenomenological ones, from the point of view of humanistic and existential psychology.

УДК 141.2: 17.0353

Б.А. Мохамад¹, В.Л. Петрушак²¹канд. филос. наук, ст. преподаватель каф. китайской филологии
Белорусского государственного университета²канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: ¹bashar1984@mail.ru; ²valentin70060@mail.ru**ВОЛНОВАЯ ДИНАМИКА ЭТНОСА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПАССИОНАРНОСТИ ГУМИЛЕВА**

Изложены основы теории пассионарности Л.Н. Гумилева и особенности волновой динамики этноса, которая напоминает затухающую спираль убывания пассионарности. Обращено внимание на наличие волновой модели развития этноса. Результаты реконструкции идей известного этнографа позволяют считать Л.Н. Гумилева предшественником цикло-волновой модели социальной динамики. Высказывается предположение, что, несмотря на затухание пассионарности, возможна дальнейшая эволюция этноса, которая является проявлением более масштабного процесса цикло-волновой активности этносферы, способствующей возникновению новых общностей в местах этнических контактов.

Введение

Этногенез – это значимое явление исторического процесса, который определяет ход истории как отдельных территорий Земли, так и всего человечества. В этой связи цель статьи заключается в прояснении волновой динамики этноса на основе исследования теории пассионарности Л.Н. Гумилева. Важнейшей задачей является изучение причин упадка пассионарности этноса как результата волновой природы колебательных процессов этногенеза и возможности нового этнического подъема как результата деятельности этносферы. Одной из основных в понимании этногенеза (от греч. ἔθνος, ‘племя, народ’ и γένεσις, ‘происхождение’) как процесса сложения этнической общности (этноса) на базе различных этнических компонентов является теория этнической пассионарности Л.Н. Гумилева (1912–1992). В понимании основ исторического процесса Гумилев исходит из того, что ни один этнос не вечен. Древние шумеры, хетты, филистимляне, дарданы, этруски и венецы уступили свое место парфянам, эллинам, латинам и римлянам, которые выделились из латинов и других италиков. Но и эти народности сменили итальянцы, испанцы, французы, греки, турки, таджики, узбеки и казахи и т.д. Разгадка такого хода истории заключается в общих закономерностях их этнической истории.

С целью поиска причин образования этносов Л. Гумилев опирался на учение В. Вернадского о биосфере [4, с. 22]. Он описал этапы самоорганизации «природных факторов, этногенеза и социально-культурного развития» [3, с. 244], порождаемые особой этносферной оболочкой Земли, что вызывает генетические мутации поколений людей и ведет к смене этносов. Необходимо отметить, что Л.Н. Гумилев понимает этнос как социоприродное, или географическое, явление, которое одновременно «принадлежит двум сферам в едином биосферном комплексе» [1, с. 34], соединяющее в своем существовании «биосферу и социальноорганизованную совместную деятельность людей» [2, с. 13]. Этнос, – утверждает ученый, – не биологическое и не социальное, а географическое явление, «всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы» [7, с. 29]. Как отмечает Н.Г. Лагойда, этнос у Гумилева, будучи «пограничной» биосоциальной реальностью, «есть одновременно и естественная данность и социокультурно оформленное образование» [14, с. 40]. Такой подход опровергает мнение, будто «этнос» у Гумилева – это чисто биологическое или чисто геофизическое явление, хотя недооценка фактора социального развития этноса присутствует в его концепции. Историческая же судьба народности (этноса), является, по Гумилеву, результатом ее

хозяйственной деятельности, которая «проявляется в приспособлении этнического коллектива к определенным условиям» [12, с. 107] и, в свою очередь, обусловлена специфическими особенностями культуры народа. Она «не определяется, но связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта» [9, с. 32]. Внешнее воздействие, осуществляемое на социокультурную среду, может корректировать процессы внутри общества, но решающей будет внутренняя динамика его развития.

Формирование и развитие этносов связано как с географическими условиями местности (вмещающий ландшафт), взаимоотношениями с другими этносами (комплиментарность) и с ростом и угасанием пассионарности. Начало этногенеза, согласно Гумилеву, есть результат мутации (пассионарного толчка), инициированного космической энергией, которая образует внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию, что определяет изменение генофонда народа. «Новые этносы возникали на стыке этносов древних путем контактов и переноса повышенной пассионарности» [5, с. 718], где сохранялись живые силы и традиции, иссякавшие в центре этнического ареала. Компоненты становящегося этноса в момент флуктуации «энергии живого вещества биосферы сливаются и образуют единую систему – новый, оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность» [6, с. 606].

Л. Гумилев рассматривает пассионарность как движущую силу этногенеза, которая проявляется как необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Подобная доминанта поведения «представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников» [7, с. 48]. Он подчеркивает определяющее значение для этногенеза культурно-мировоззренческой позиции различных социальных субъектов истории. Субъекты-пассионарии (А. Македонский, Наполеон I, Жанна д'Арк и т.д.) способны на радикальные изменения, несмотря на их ничтожное меньшинство в составе этнических общностей. «Ведь пассионариями в полном смысле слова мы называем людей, у которых этот импульс сильнее, чем инстинкт самосохранения, как индивидуального, так я видового» [11, с. 333]. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, «они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения» [8, с. 13].

Кроме пассионариев существуют гармоничные личности. «У подавляющего большинства нормальных особей оба эти импульса уравниваются, что создает гармоническую личность, интеллектуально полноценную, работоспособную, уживчивую, но не сверхактивную. Более того, безудержное сгорание другого человека, невыносимое без пассионарного принесения себя в жертву, таким людям чуждо и антипатично» [11, с. 333–334]. В этносе есть также люди с отрицательной пассионарностью – субпассионарии, которые не могут проявить себя без пассионариев; это бродяги, разбойники или солдаты-наемники. «Они способны на нищенство или на разбой, жертвами которого становятся носители нулевой пассионарности, т.е. основная масса населения. Но в таком случае «бродяги» обречены: их выслеживают и уничтожают. Однако они появляются в каждом новом поколении» [11, с. 337–338].

Таким образом, пассионарность играет важнейшую роль в трансформационных процессах, присущих этносу, обеспечивая как его расцвет, так и упадок, и исчезновение во всемирном историческом процессе. В результате создается этническая доминанта социокультурного развития, «которая организует пассионарность системы и направляет ее к намеченной цели» [11, с. 315]. Этот пассионарный дух придает этносу волновую историческую динамику, инициируя активность субъектов.

Становление этноса осуществляется по модели, где этнокультурное развитие «дискретно, волнообразно и локально» [12, с. 104]. Гумилев подчеркивал ее отличие

как от циклической модели, так и от прогрессивно-поступательной. Он писал: «Но есть и третья форма движения – колебательная... Именно эта форма движения – затухающая вибрация отвечает параметрам этнической истории» [13, с. 6]. Этногенез, по учению Гумилева, сопровождается ростом и падением уровня пассионарности, а также усложнением и упрощением этнической структуры. Вырисовывается следующая модель волнового развития этноса:

1. Точка начала этногенеза.
2. Восходящая фаза. Она включает подъем, «акматическую фазу» и надлом, когда наблюдается расширение пассионарной активности и экспансия этноса.
3. Серединная точка – это критический пункт перехода из периода надлома в нисходящую фазу развития.
4. Нисходящая фаза включает инерционный, обскурационный и мемориальный периоды развития, с точкой минимума, когда этнос постепенно утрачивает пассионарность.

На восходящей фазе развития после пассионарного толчка, или этнического взрыва, этнос «расширяет свой ареал, усложняет систему, создавая дополнительные звенья и блоки – сословия, секты, торговые компании и т.п.» [12, с. 28], проходя период социального подъема. Около 200 лет длится его скрытая фаза. Цикло-волновая динамика этноса определяется сложностью социальной структуры и противоречивостью интересов различных субэтнических групп, обуславливающих неравновесность общества. Такая социальная среда вызывает пассионарные этнические колебания. В ней определенные группы населения используются как этнический ресурс, например субпассионарии, для организации профессиональной армии. В частности, в Древнем Риме политический деятель Марий предложил легионеров «нанимать в армию с уплатой им пайка и небольшого жалования. Таким образом, народное ополчение превратилось в армию наемных солдат» [7, с. 236], образовав в дальнейшем свою субэтническую группу.

Наибольший подъем пассионарности характерен для «акматической фазы», когда волновой процесс развития достигает точки максимума. В этот период у людей появляется стремление «не создавать целостности, а, напротив, “быть самими собой”: не подчиняться общим установлениям, считаться с собственной природой» [5, с. 67]. Происходит кровавое соперничество пассионариев, подрывающее продуктивную силу этноса. «Пассионарный перегрев ведет к жестким кровопролитиям как внутри системы, так и на границах ее в зонах этнических контактов» [10, с. 13], дополненных и внешнеполитическими осложнениями, что означает наступление смутного времени. Так, в начале XVII в. в России обнаружилась слабость центрального правительства. «Именно схватка за власть между представителями разных субэтносов севера и юга страны, находящейся в акматической фазе этногенеза, и вызвала первую русскую Смуту» [5, с. 220].

Уменьшаясь из-за междоусобиц, пассионарный импульс воплощается в артефактах культуры. Согласно Гумилеву, расцвет общества соответствует спаду пассионарности, что свидетельствует о фазе надлома – последней восходящей стадии развития. «Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства» [13, с. 14], и началом утраты этнического единства. «Для фазы надлома характерна потеря ощущения единства, как бы раскол этнического поля, когда идеологические споры обретают реальное политическое бытие» [5, с. 79]. Пример такого раскола – это разделение западноевропейского суперэтноса на католиков и протестантов во время реформации. Конец фазы надлома свидетельствует о наступлении серединной точки волнового процесса, что нередко завершается кровопролитием. «Во Франции фаза надлома обрамлена именами Жанны д'Арк и Генриха IV, в Англии – короля Генриха VIII Тюдора и генерала Монка» [13, с. 116].

Опасность серединной точки перемены фаз связана с резким убыванием уровня пассионарности и возможностью раскола этнического поля. Правда, раскол этнического поля характерен не только для фазы надлома. В конечной стадии нисходящей фазы

развития, как указывал Гумилев, этнос-реликт также «рассыпается разном» [5, с. 17], и, следовательно, может образовать группу реликтовых этносов, т.е. расколоть свое этническое поле. Очевидно, такая возможность раскола связана в этом случае с прохождением критической точки минимума.

В результате кровопролития общество избавляется от излишней пассионарности, перемещаясь в нисходящую фазу волнового развития. На этой стадии происходит смена периодов инерции, обскурации и, наконец, «мемориальной фазы», которые характеризуются упрощением системы. Происходит ее распад на отдельные персоны, т.е. «снижение уровня на один порядок, от популяционного до организменного» [5, с. 823].

На нисходящей фазе идет процесс упрощения этнической организации: «Количество подсистем уменьшается, энергетический баланс системы уменьшается настолько, что у нее остается либо один элемент-реликт, либо и он рассыпается между отдельными системами» [12, с. 28]. Этнос впадает в состояние видимого равновесия, живя по инерции на основе приобретенных культурных ценностей. Инерционную фазу характеризует образование больших государств, накопление материальных благ и господство порядка в обществе. Пассионарность уходит в сферу науки и искусства. В течение этой фазы «накопленные богатства обеспечивают комфорт, и даже роскошь, после чего приобретения сменяются утратами» [5, с. 391].

Вследствие утраты этносом пассионарности он постепенно вступает в период обскурации. В обществе в это время занимают ведущее место субпассионарии – люди, имеющие пониженную социальную активность. Они стремятся уничтожить всякое проявление не только пассионарности, но и трудолюбия гармоничных людей. Процессы распада становятся необратимыми.

Наконец, наступает мемориальная фаза, когда этнос сохраняет лишь память о своей истории. В конце своего существования этнос снова растворяется в природной и социальной среде, попадая в состояние гомеостаза, когда люди лишь поддерживают налаженное предками хозяйство, живут в гармонии с ландшафтом и предпочитают «обывательский покой». Затем исчезает и память о великом прошлом. Остаются лишь легенды, былины и сказки, которые не способны практически ничего прояснить.

Заключение

В целом схема этногенеза Гумилева внешне приобретает черты замкнутого цикла. Однако мы полагаем, цикличность развития этноса в концепции Гумилева все же открыта для дальнейшей эволюции. Во-первых, большинство народов вследствие взаимодействия друг с другом образуют новые этносы или входит в состав других этнических сообществ (инкорпорация). Следовательно, они продолжают свою культурную жизнь в новом этносе, способствуя его развитию. Во-вторых, процесс этногенеза может быть нарушен в любой момент пассионарным толчком, выводящим этнос на качественно более высокий уровень культурного развития. В-третьих, возможна регенерация этноса в результате межкультурных этнических контактов, и даже реанимация реликтового этноса как в случае с хазарами [5, с. 42]. В-четвертых, энергия пассионарного толчка у Гумилева имеет колебательную цикло-волновую динамику, хотя и в форме затухания. Дело в том, что затухающая волна представляет разновидность колебательного процесса, которая существует наряду с гармонической волной. Более того, она есть проявление более масштабного процесса цикло-волновой активности этносферы, способствующей возникновению новых общностей в местах этнических контактов.

Вместе с тем в концепции Гумилева конечный источник этногенеза в целом и действия субъектов истории в частности оказываются вне человека и общества, что упрощает реальный процесс социокультурного развития. Методологическая недостаточность этой позиции состоит в том, что недооценивается субъективная составляющая эволюции общества. Но без учета способности людей к внутренне мотивированным це-

леполагающим действиям невозможно понять ход истории, место и роль в нем культуры и дать обоснованный прогноз развертывания ожидаемых событий. Именно субъективный фактор обеспечивает в первую очередь многовариантность социокультурного развития, что находит эмпирическое подтверждение в логике исторических событий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахраменко, Л. П. Биосферная концепция этногенеза Гумилева : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Л. П. Ахраменко ; Рос. акад. управления. – М., 1994. – 24 с.
2. Ахраменко, Л. П. Биосферная концепция этногенеза Гумилева : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Л. П. Ахраменко. – М., 1994. – 143 л.
3. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 480 с.
4. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
5. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2002. – 848 с.
6. Гумилев, Л. Н. История народа хунну / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 700 с.
7. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народонаселению / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 384 с.
8. Гумилев, Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2000. – 320 с.
9. Гумилев, Л. Н. Поиски вымышленного царства / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2002. – 457 с.
10. Гумилев, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2002. – 439 с.
11. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Кристалл, 2001. – 642 с.
12. Гумилев, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Кристалл, 2003. – 576 с.
13. Гумилев, Л. Н. Чтобы свеча не погасла. Диалог / Л. Н. Гумилев, А. Н. Панченко. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 128 с.
14. Лагойда, Н. Г. Социально-философский аспект концепции этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Н. Г. Лагойда. – Улан-Удэ, 1998. – 161 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.01.23018

Mohamad B.A., Petrushak V.L. Wave Dynamics of Ethnos in the Light of Passionarity Theory of Gumilev

The article contains the foundations of the theory of Gumilev's passionarity and the features of the wave dynamics of ethnos, which resembles a dying spiral of fading passionarity. The attention is drawn to the existence of a wave model of the development of ethnos, which includes the ascending and entering phases of development and the critical points of its dynamics, which is refined with the use on the basis of the theory of passionarity, laid down in the fundamental monographs of L.N. Gumilev. The results of the reconstruction of the ideas of a well-known ethnographer allow us to consider L.N. Gumilev as the precursor of the cycle-wave model of social dynamics. It is suggested that, despite the fading of passionarity, further evolution of the ethnos is possible, which is the manifestation of a more extensive process of cycle-wave activity of the ethno sphere, which favors the emergence of new communities in places of ethnic contacts.

УДК: 392.6

Д.В. Столяров

магістр сацыял. наук,
аспірант Інстытута філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
e-mail: nizshe@mail.ru

**«МУЖЧИНЫ, ИДУЩИЕ СВОИМ ПУТЕМ»:
РАДИКАЛЬНАЯ ГЕНДЕРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ,
НАПРАВЛЕННАЯ НА БОРЬБУ С ДИСКРИМИНАЦИЕЙ МУЖЧИН
(НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ MGTOW)**

Проводится аналитический обзор ключевых принципов и целей радикального социального движения MGTOW (мужчины, идущие своим путем). Описывается история и основные причины его возникновения. Осуществляется попытка описать и объяснить концептуальную сущность его мировоззренческих основ. Анализируется деятельность данного движения, ее направленность и характерные особенности. Исследуются основные перспективы развития подобных мировоззренческих установок и вероятность их широкого распространения. Выделяются характерные черты и специфика мировоззрения MGTOW, отличающие движение от других гендерных теорий, фокусирующихся на проблеме дискриминации мужчин. Приводится статистика развития MGTOW в рамках интернет-пространства. Изучается распространенность данной гендерной концепции в мире. Обозначаются положительные и отрицательные стороны деятельности MGTOW. Исследуется соответствие его теоретической базы принципам гендерного равенства.

Введение

Проблемы гендерных взаимоотношений всегда были одними из самых острых и дискуссионных. Необходимость разрешения таковых проблем приводила к образованию различных интеллектуальных течений и социальных движений, которые пытались разрешить определенные задачи и предложить концепции выхода из сложившихся кризисов. В силу маскулинной гегемонии большей части обществ женские движения зародились и оформились раньше движений, борющихся за права мужчин. Тем не менее со временем возникли и такие. И мужские, и женские феминистские движения условно можно разделить на умеренные, направленные на сотрудничество с противоположным гендером в процессе достижения гендерного равенства, и радикальные, обосновывающие превосходство одного гендера над другим, тем самым заявляя о большем праве мужчин или женщин на социальные блага и ресурсы. Возникновение и деятельность таких движений, как женских феминистских, так и мужских, привела к существенному обострению в отношениях между полами, что в последующем может привести к деконструкции и разрушению многих фундаментальных социальных институтов.

Радикальные мужские движения образовались сравнительно недавно не только как оппозиция радикальному феминизму, но в ряде случаев и как оппозиция всей существующей социальной системе. Они активно критикуют как радикальных феминисток, так и определенные принципы и явления традиционалистского общества. Радикальные мужские движения подразделяются на маскулинные, предполагающие активное утверждение патриархальной идеологии с последующим установлением в обществе непрерываемого мужского господства, и движения своеобразных самоизоляциистов, которые стремятся не к прямому противоборству с женщинами с целью их подчинения, а к иг-

Научный руководитель – М.А. Можейко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

норированию их как таковых. Т.е. если для патриархального маскулиста конечная цель – подчинить женщину, то главная цель сторонника концепции пассивного сопротивления – обесценить ее. Представитель маскулинного течения видит в женщине ресурс, награду, за которую нужно побороться и которую нужно завоевать и подчинить. Она для него – ценность. Представитель же мужского изоляционистского движения в женщине не видит ничего. Женщина для него никакой ценности не представляет. Единственной формой взаимодействия с ней может быть сексуальная, однако и это среди сторонников гендерного изоляционизма подвергается критике. Одним из таких движений является MGTOW. Важно отметить, что философия данного движения делает акцент в первую очередь на отказ мужчин от социальных установок, негативно влияющих на их благополучие. Таким образом, вопрос о гендерных взаимоотношениях – лишь одна из проблемных сфер, рассматриваемых MGTOW [1].

Цель исследования – объяснить специфику мировоззренческой концепции мужского движения MGTOW (мужчины, идущие своим путем). Для достижения этой цели решаются такие задачи:

- 1) описание базовых принципов и основных целей движения;
- 2) обозначение отличительных особенностей MGTOW;
- 3) определение уровня распространенности изучаемого мировоззрения;
- 4) оценка перспектив развития MGTOW;
- 5) определение роли движения в разрешении современных гендерных вопросов.

Общая характеристика сущностной концепции движения MGTOW

Men Going Their Own Way (MGTOW) «мужчины, идущие своим путем», – одна из наиболее ярких и радикальных форм современных мужских движений. Его участники пропагандируют различные поведенческие концепции, объединенные общей целью – уменьшить зависимость мужчин как от женщин, так и от традиционных социальных установок в целом. Важно сказать, что MGTOW видят себя в качестве оппозиции не только к феминизму, но и к патриархату, утверждая, что он выгоден только женщинам. Это обосновывается рядом законопроектов о военной службе, трудоустройстве, в которых для мужчин всегда отводятся наиболее тяжелые и ответственные функции. Для MGTOW становится важным не диалог с существующим обществом, а создание альтернативного мира [2]. Интерес представляет и то, что в отличие от традиционных радикальных маскулистов, участники данного движения хоть и радикалы, но, как бы странно это ни звучало, радикалы созидающие, предпочитающие создавать нечто новое, не воюя напрямую со старым, но и не сохраняя его, не сотрудничая с ним в силу неперспективности такого союза и обреченности, по мнению MGTOW, существующих социальных систем и отношений. Несмотря на такой мягкий путь собственного утверждения, следует отметить чрезвычайную догматичность MGTOW, которая в совокупности с ультракрайними взглядами делает его деструктивным социальным движением, обостряющим существующие гендерные проблемы и отрицая принципы гендерного равенства.

Точкой его зарождения можно считать 2003 г., когда несколько активистов собрались и определили потенциальную концепцию будущей организации, включающую в себя децентрализованность и аполитичность. Можно сразу сказать, что сутью деятельности MGTOW является сохранение и защита личного суверенитета современных мужчин и отрицание общественных стереотипов, старающихся навязать мужчине тот или иной образ. Философию данного движения можно интерпретировать как своеобразное сопротивление посредством кардинального отчуждения. Для того чтобы иметь более точное представление о сущности взглядов MGTOW, важно рассмотреть их фундаментальные принципы [3, с. 9].

Объяснение и обоснование основных принципов MGTOW

Первый принцип говорит о бесперспективности институтов семьи и брака, ибо они выгодны лишь женщинам, посему женатые мужчины не могут быть членами MGTOW [4, с.13].

С позиции сторонников данной теории современное брачное законодательство многих стран учитывает лишь женские интересы, спекулируя на патриархальных гендерных стереотипах о мужских и женских ролях и качествах, навязывая мужчине образ сильного и доминантного начала, что делает его заложником данного образа. Параллельно с этим судопроизводство многих стран ссылается и на феминистские концепции часто откровенно радикального характера, вследствие чего и общественное мнение, и конкретные законопроекты предназначены для подавления той самой силы и brutality, которую вместе с этим усиленно приписывают мужчинам. В современных отношениях мужчины зачастую обнаруживают себя в проигрышной ситуации.

Женщины, с одной стороны, упрекают мужчин в отсутствии эмоциональной близости и теплоты, с другой – фактически сами часто ищут мужчин, которых они могут оценить как самодостаточных, контролирующих себя и посвятивших себя миру работы. Женщинам в итоге не нравятся те самые черты, которых они в процессе требуют, потому что эти качества характера мужчин обесценивают те способы заботы о женщинах, которые мужчины в большей степени способны обеспечить [5, с. 164].

Из первого принципа вытекает второй, раскрывающий суть классической патриархальной концепции. Вторым принципом MGTOW четко противопоставляет движение другим мужским организациям патриархально-маскулинного характера, отрицая и критикуя патриархат, как систему гендерного уклада на основании того, что это такой же инструмент эксплуатации мужчин, как и матриархат [4, с. 13].

Как уже было сказано, патриархат навязывает мужчине классический маскулинный образ, который, с одной стороны, провозглашает определенные вольности для мужчин, в ряде случаев даже прямо утверждая их превосходство над женщиной, с другой, по мнению MGTOW, – этот же образ используется женщинами против мужчин, навязывая им множество обязанностей, исполнение которых аргументируется исключительно в рамках полоролевой концепции.

Третий принцип сообщества гласит об отрицании критерия успешности у женщин как значимого для мужской самооценки [4, с. 13]. Мужчинам, по мнению сторонников MGTOW, необходимо отказаться от желания нравиться женщинам, а совершенствоваться во всех сферах нужно исключительно по собственному желанию. Женское одобрение должно перестать быть мотивирующим фактором. Так, мужчин призывают активнее и чутче прислушиваться к своему внутреннему Я, не оглядываясь на гендерные стереотипы. Данный посыл включает в себя весьма обширный перечень сфер. Это и право мужчины на женские, в классическом патриархальном понимании, качества характера, это и возможность образовательного и трудового выбора, это и самостоятельное и независимое формирование своего материального уровня, что позволяет сфокусироваться на потребностях собственной индивидуальности, а не на общественных ожиданиях, агрессивно вторгающихся в сферу личного.

Четвертый принцип делает акцент на необходимости объединения мужчин на основе идей равенства в совокупности с тезисами MGTOW [4, с. 14]. Более четко это выражается в призыве к отказу от систем деления мужчин на альфа, бета и т.д. в зависимости от их психических особенностей. Такой подход, согласно сторонникам MGTOW, лишь разобщает мужчин, провоцируя ненужное и даже вредоносное чувство конкуренции за различного рода ресурсы как материального, так и нематериального характера, а это в конечном итоге приведет к тому, что является главной проблемой для данного движения – конкуренции за женское внимание. Таким образом, этологические теории

порождают конкуренцию среди мужчин, а такая конкуренция лишь подпитывает позиции женского радикализма.

Пятый принцип – отказ от насилия при достижении своих целей [4, с. 14]. Именно этот принцип отражает идею MGTOW, которая состоит не в прямой борьбе с оппонентом и даже не в его бойкотировании (поскольку бойкотирование – временная мера, призванная заставить оппонента выполнить выдвинутые условия), а в самоизоляции, изъятии себя из полоролевых отношений. MGTOW обвиняют женщин и максимально устраняются, строя свой параллельный мир, соответствующий их ценностям и ожиданиям. Примечательно, что в отличие от многих мужских движений MGTOW ничего не требуют от женщин и общества в целом. Они просто вынесли традиционному обществу определенный диагноз и устранились, предлагая своим участникам не тратить время и силы на противостояния, а принять участие в создании альтернативного общества с альтернативной картиной мира, делая акцент на созидании и неприятии неприемлемого. Такой подход, по их мнению, оправдан тем, что традиционный социум и так в непреодолимом кризисе и неизбежно погибнет сам, поэтому для борьбы с ним просто нет смысла тратить силы и средства. Женская же его часть вообще является абсолютным злом, прошедшим точку невозврата и неспособным к принятию идей доверия и равенства.

Шестой принцип провозглашает аполитичность движения MGTOW. «Нет ни одной политической партии, которая бы по-настоящему была заинтересована в решении проблем мужчин», – говорится в нем [4, с. 14]. Этот принцип отражает неверие MGTOW политическим институтам и системам существующего общества и косвенно намекает на бессмысленность участия в них и игры по их правилам. На основании этого можно полагать, что участники данного объединения предполагают создание альтернативной площадки по продвижению и реализации мужских прав и интересов, не носящей строгой политической, культурной или какой-либо иной направленности, участники которой будут объединены лишь идеями MGTOW. Подобные ресурсы уже сейчас представлены в различных электронных форматах. Здесь можно упомянуть и группы MGTOW в соцсетях, и официальный сайт этой организации, а также различные YouTube-каналы, транслирующие контент соответствующей направленности.

Седьмой принцип подчеркивает отделенность MGTOW как от традиционалистских мужских движений, провозглашающих классическую маскулинность и патриархат, так и от мужских организаций либерального толка [4, с. 14]. В связи с этим опять же акцентируется внимание на женщине как абсолютном зле. Таким образом, данный пункт помимо женщин как основной противоборствующей силы выделяет и два типа мужчин, представляющих собой оппозицию указанному движению. Первый тип – маскулинные традиционалисты, сторонники патриархата, второй тип – реформаторы, стремящиеся обратить внимание на соблюдение и развитие женских прав, убежденные в разноплановости как мужского, так и женского гендера. Маскулинный мужской тип, в понимании MGTOW, пагубно влияет на мужскую часть общества, навязывая определенные образы и типы поведения, провоцируя стрессовые ситуации для мужчин, тем самым разрушая их психическое и физическое здоровье. Так, в одной из статей, опубликованной на официальном сайте сообщества, посвященных этой проблеме, указывается: «Вера в то, что власть принадлежит мужчинам, всего лишь стратегический ход женщин, дабы подавить мужской инстинкт самосохранения». Примерно в таком же ключе звучит еще одно утверждение: «Мужчина не сможет осознать в полной мере свои сильные стороны, пока он не позволит себе узнать свою слабость. Важно ликвидировать монополию женщин на слабую и уязвимую позицию» [4, с. 14].

Более того, под давлением традиционалистских движений происходит разобщение мужчин, повышается уровень недоверия и отчужденности их друг от друга во всех социальных сферах. В этом контексте весьма актуальной может быть одна из важных

идей Э. Фромма, который в своей работе «Искусство любить» писал: «Наша цивилизация предлагает массу паллиативов, помогающих не ощущать своей отчужденности. В первую очередь, это строгий шаблон бюрократизированного, механизированного труда, который дает возможность оставаться вне осознания своих самых основных человеческих желаний, стремлений к высшим целям и единству» [6, с. 42].

Что касается реформистско-либерально настроенной части мужского общества, то, по мнению MGTOW, основной вред мужчинам она наносит именно попытками обратить внимание на женскую дискриминацию и на соблюдение женских прав. Любая женщина для сторонников данной организации – изначально противоборствующая сторона, неспособная понять и поддержать мужчину. Такая установка MGTOW роднит их с некоторыми радикальными феминистскими движениями, любого мужчину априори воспринимающих как насильника и угнетателя, если не фактического, то потенциального. Любопытно отметить, что феминистские движения такого плана также настаивают на самоизоляции женского гендера от мужского и систематически практикуют показательные мероприятия подобного характера, например: женские собрания, женские туристические походы и т.д.

Восьмой принцип MGTOW делает еще больший акцент на разрыве между мужским и женским и полностью отрицает возможность как участия женщин в MGTOW, так и в решении мужских проблем в целом [4, с. 14]. Это аргументируется отсутствием у женщин искренней мотивации для решения мужских проблем. Всякая же активность их в этой сфере объясняется просто попытками приспособиться к изменяющимся социальным обстоятельствам. Кроме того, участники MGTOW однозначно обвиняют женщин в выживании за счет мужчин, посему любые попытки первых принять участие в мужской жизни расцениваются как обман и лицемерие для усиления влияния и дальнейшей эксплуатации мужского потенциала. Касательно этого пункта можно также отметить, что примерно похожую риторику проводят и радикальные феминистки с той лишь разницей, что эксплуатируемыми и используемыми у них являются женщины, а мужчины предстают в образах деспотов и приспособленцев.

Девятый принцип также утверждает самоизоляцию MGTOW и призывает не спорить и не вести переговоров с женщинами [4, с. 14]. Эта позиция основательно закрепляет специфический вектор движения организации, направленный не на прямую борьбу с феминистскими движениями, а на отчуждение от женщин в целом.

Десятый принцип призван в первую очередь опровергнуть возможные стереотипы о гомосексуальности или асексуальности движения (хотя асексуальность в некоторой степени и поощряется): MGTOW – движение гетеросексуальных мужчин [4, с. 14]. Впрочем, данный пункт говорит и о том, что в MGTOW нейтрально относятся и к любой другой ориентации, ибо это сфера личного, посему не является важной характеристикой для участника движения. Вместе с тем в десятом принципе строго оговаривается, что MGTOW не являются защитниками каких-либо сексуальных или иных меньшинств и не приемлют пропаганды чего-либо подобного.

Деятельность MGTOW и оценка распространенности других гендерных концепций данного характера в мире

Как уже было отмечено, у MGTOW присутствует двойное отношение к сексуальной жизни и контактам с женщинами. С одной стороны, они допускают сексуальные отношения, не предполагающие трансформации в ту или иную форму брака или сожительства; с другой стороны, мировоззренческая система MGTOW призывает к полному отказу от сексуальной жизни, поскольку секс в их понимании лишь инструмент женщин, способствующий манипуляции мужчинами.

Одной из наиболее острых проблем, возникающих на пути данной концепции, является проблема деторождения. Следует отметить, что на данный момент идеологи MGTOW не предлагают сколько-либо эффективного и осуществимого пути ее решения. В силу того, что, по их мнению, традиционная семья утратила свою актуальность, а дети, рожденные в ней, не принадлежат в полной мере отцам, то подобная система воспроизводства населения также непригодна для человечества. Вследствие этого активисты движения во многом возлагают надежды на развитие современных репродуктивных технологий, которые в будущем позволят решить данную задачу [7].

Зародившееся на Западе движение MGTOW уже находит сторонников не только в постсоветских странах, но и в восточных регионах, в частности, в Японии и Южной Корее. Что касается Японии, то в этой стране уже достаточно давно сформировалось движение «травоядных мужчин». Такое название, вероятно, было выбрано в качестве противопоставления мужчинам-традиционалистам, исповедующим классическую маскулинность. Впервые термин «травоядный мужчина» появился в 2006 г. На сегодняшний день приверженность многих молодых японцев к подобному типу поведения вызывает как понимание, так и неприятие. Сторонники говорят о том, что именно такой тип мужчины в будущем способен понять женщину и обеспечить гендерное равенство. По их мнению, патриархат лишь вредит мужчинам, поскольку в рамках такой системы они не могут правильно совместить в себе мужское от отца и женское от матери. Мужчину называли мужчиной лишь в том случае, когда он полностью отказывался от материнской женственности, вместо того чтобы соединить в себе эти первичную и вторичную сущности [8, с. 195]. Противники апеллируют к статистике рождаемости и брачности, которая в Японии неутешительна. Также они говорят о потенциальном снижении экономических показателей страны в случае, если влияние движения будет усиливаться. Существуют и откровенно коммерческие фирмы, предлагающие клиенткам-женщинам специальные методики для упрощения знакомства с последующим склонением к браку «травоядного мужчины». Стоит это около 200 долл. США.

Принципы жизни «травоядных мужчин» во многом схожи с принципами MGTOW как в плане личной, так и в плане экономической сторон жизни. Так, в качестве фундаментальных основ движения «травоядных мужчин» можно выделить:

1. Отказ от брака.
2. Отказ от сексуальных отношений с целью продолжения рода.
3. Преимущественная трата материальных средств на свои нужды.
4. Отказ от активного общения с женщинами с целью построения отношений.
5. Отказ от карьерных амбиций.

Можно отметить, что первые четыре пункта практически полностью повторяют по смыслу определенные принципы MGTOW. Обоснование актуальности данных тезисов также во многом схожее, опирающееся преимущественно на экономический, рациональный аспект жизни. Современный «травоядный мужчина» своей мягкостью и подчеркнута небрутальными увлечениями как бы протестует против устоявшегося в традиционном японском обществе делового и напористого альфа-самца.

6. Уделение существенного внимания собственному внешнему и внутреннему самосовершенствованию.

В данном пункте наблюдаются некоторые расхождения движения «Травоядные мужчины» с движением MGTOW, поскольку последние не делают существенного акцента на заботе о внешности, в то время как первые сделали это одной из ключевых идей своего движения. Поэтому можно сделать вывод о том, что японские «травоядные мужчины» имеют своей целью не полностью пассивное самоотчуждение, как западные MGTOW, а осуществление некоего вызова социуму, противопоставление ему себя как

чего-то лучшего. В таком контексте акцент на ухоженном и привлекательном внешнем виде полностью объясним.

7. Культ одиночества является, пожалуй, заключительным и наиболее отличительным признаком движения травоядных мужчин [9].

В мировоззрении «травоядных мужчин» большое значение придается именно обособленной от других людей жизни. Тем не менее нельзя понимать данное одиночество как нечто абсолютное. «Травоядные мужчины» не исключают для себя полноценного живого общения с себе подобными, но, придавая большое значение развитию технологий, настаивают на решающей роли именно виртуального общения. Также в качестве альтернативы социальным контактам они устраивают себе досуг посредством интерактивных видеоигр и домашних роботов. Еще они одобряют и классические занятия вроде чтения книг, просмотра фильмов и одиноких прогулок. «Травоядные мужчины» в отличие от MGTOW менее категорично настроены в отношении самоизоляции мужчин от женщин и вполне допускают дружбу с ними. Несмотря на это «травоядные мужчины» полностью отрицают активное мужское начало и принципиально либо в силу психологических особенностей не проявляют инициативы ни в общении с женщинами, ни в иных социальных вопросах, в том числе и карьерных. С одной стороны, данная позиция объясняется спецификой характера конкретных людей, с другой – целенаправленным протестом молодежи против устоявшихся патриархально-консервативных принципов. В данном случае движение «травоядных мужчин» приобретает социальный контекст, что во многом роднит его с MGTOW.

Распространение и деятельность MGTOW в Интернете

Можно сказать, что описанные радикальные мужские движения, носящие непривлеченческий характер, при всей резкости своих взглядов находят определенное количество сторонников. Это подтверждается и данными, полученными при анализе электронных ресурсов, размещающих материалы подобной тематики. Так, в Интернете существуют англоязычный и русскоязычный сайты движения MGTOW, контент на которых систематически обновляется, что косвенно свидетельствует о некоем стабильном интересе определенного числа людей к публикуемым материалам. Русскоязычный сайт основан в 2014 г. Конкретные цифры как сторонников, так и просто интересующихся движением MGTOW можно получить при анализе социальных сетей. В ходе рассмотрения наиболее известных социальных сетей, в которых представлены группы MGTOW. К примеру, сообщество в сети «ВКонтакте» на 20 февраля 2018 г. насчитывало 5 588 человек. Англоязычная страница в «Twitter» MGTOW COM., созданная в марте 2014 г., насчитывала 6 714 подписчиков. В группе в «Facebook» было уже 27 752 участника. У сообщества есть также YouTube-канал «MGTOW 101» с англоязычным контентом, зарегистрированный 17 апреля 2016 г. и имеющий 121 000 подписчиков.

На основании этого можно сказать, что на данный момент у описанных движений нет такой масштабной социальной поддержки, которая могла бы сделать их серьезной альтернативой существующим социальным системам. Некоторым исключением можно считать только канал на YouTube. Тем не менее, учитывая радикальность рассмотренных идей, следует отметить пусть относительно небольшое, но стабильное количество участников, что при хорошей организации и оформленности данного движения в интернет-пространстве может послужить его дальнейшему распространению.

Заключение

Проанализировав основные принципы и характер мужского движения MGTOW, можно выделить некоторые положительные и отрицательные характеристики его деятельности. В качестве положительного, в первую очередь, можно выделить неприятие

насилия при достижении своих целей. Подобная установка уже снижает риск негативного воздействия на социум и не делает MGTOW движением агрессивно-экстремистского характера. Еще одной важной положительной установкой MGTOW является критика патриархата, обличение и обоснование недостатков агрессивной маскулинности. Именно идеологи MGTOW сумели подвергнуть серьезной и основательной критике разрушительную маскулинную культуру, принудительно конструирующую мужественность определенного «настоящего» типа, которая якобы существует отдельно от анатомической мужественности. Такая культура заставляет взрослеющих юношей бороться за обретение этого типа мужественности, проблематизируя ситуацию и травмируя подрастающее поколение [10, с. 882].

Кроме того, активисты сумели поднять ряд действительно важных вопросов законодательного характера, связанных с дискриминацией мужчин. Однако, как и для любого радикального мировоззрения, для MGTOW присущи и характерные недостатки, а именно: догматичность и бездоказательность некоторых доводов, что проявляется прежде всего в обвинении женщин в причинах всех бед. На них возложена исключительная односторонняя ответственность за различные социальные проблемы, в том числе и гендерного характера. Любая без исключения женщина представляется как некое негативное начало, что является бесспорной дискриминацией по признаку пола.

Из этого негативного фактора деятельности MGTOW вытекает и второй, заключающийся в том, что они разобщают общество по гендерному признаку: вместо консолидации и взаимопонимания пропагандируется самоизоляция, вместо поиска общей духовной первоосновы предлагается отстранение мужчин от женщин.

Поэтому можно сказать о том, что данное движение не соответствует требованиям принципов гендерного равенства и не ставит себе цели в борьбе за них, но создает равновесие и осуществляет сохранение некоторого баланса между радикальным феминизмом и радикальными мужскими движениями.

Выводы:

1. Отличительные особенности движения MGTOW заключаются в систематическом обосновании необходимости социального разделения ненасильственного характера мужчин и женщин.

2. Необходимость социального разделения мужчин и женщин обосновывается участниками MGTOW экономической рациональностью и ущемлением прав мужчин в современном мире.

3. Распространенность изучаемого движения в интернет-пространстве остается на уровне ниже среднего, но существующие позиции стабильно удерживаются.

4. Перспективы развития движения MGTOW находятся в зависимости от деятельности феминистских организаций, а также от методов и характера регулирования законодательства в современных обществах.

5. Активная деятельность радикального феминизма в совокупности с законодательной деятельностью, нацеленной во многом только на решение женских проблем и защиту женских интересов, будет способствовать ответной радикализации и активизации движения MGTOW и родственных ему концепций.

6. Активистам движения удалось обозначить ряд проблемных гендерных вопросов современного мира, но, учитывая радикальность и утопичность некоторых установок, продвигаемых ими, влияние MGTOW не сможет в полной мере широко распространиться в обществах традиционно-консервативного уклада и полномасштабно воздействовать в них на решение гендерных проблем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Что не так с MGTOW? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mghow.ru/chto-ne-tak-s-mgtow/>. – Дата доступа: 20.02.2018.
2. О MGTOW [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mghow.ru/about/>. – Дата доступа: 20.02.2018.
3. История создания MGTOW [Электронный ресурс] // MGTOW: Мужчины, идущие своим путем. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.by/view/11300000148353-31/?*=VTw%2F3N6QKd1pS50RHQu4nz0iZ3d7InVybcI6InlhLWRpc2stcHVibGljOi8vcG5PQzF2aVRISkQ5czRxWGE5NGIPL0J3TkhhWHI4TDhyWTFaaURyWkJTvt0iLCJ0aXRzZSI6Ik1HVE9XLnBkZiIsInVpZCI6IjExMzAwMDAwMTQ4MzUzMzEiLCJ5dSI6IjI0OTQ1NTk2NTE0NDA1NzAzMDgiLCJub2lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInRzIjoxNTI1MjYyNjA5NTg0fQ%3D%3D. – Дата доступа: 20.02.2018.
4. Базовые принципы [Электронный ресурс] // MGTOW: Мужчины, идущие своим путем. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.by/view/0/?*=Gmfq1jQGKM3OPi0-5syXUhc3xC5h7InVybCI6InlhLWRpc2stcHVibGljOi8vcG5PQzF2aVRISkQ5czRxWGE5NGIPL0J3TkhhWHI4TDhyWTFaaURyWkJTvt0iLCJ0aXRzZSI6Ik1HVE9XLnBkZiIsInVpZCI6IjAiLCJ5dSI6Ijg3MTQ0ODMyMjE1MDY4MzI2MDciLCJub2lmcmFtZSI6ZmFsc2UsIRzIjoxNTE4NTI5MzczMjI2fQ%3D%3D. – Дата доступа: 20.02.2018.
5. Гидденс, Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.
6. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2009. – 224 с.
7. Дивный новый мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mghow.ru/divnyj-novuj-mir-tehnologii-kak-garant-muzhskoj-nezavisimosti/>. – Дата доступа: 20.02.2018.
8. Бадентэр, Э. Мужская сущность / Э. Бадентэр. – М. : Новости, 1995. – 304 с.
9. «Травоядные мужчины» – социальный феномен Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mghow.ru/travoyadnye-muzhchiny-sotsialnyj-fenomen-yaponii/>. – Дата доступа: 20.02.2018.
10. Гилмор, Д. Загадка мужественности / Д. Гилмор // Введение в гендерные исследования : в 2 ч. / под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. – Ч. II : Хрестоматия. – С. 880–904.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.03.2018

Stolyarov D.V. «Men Going Their Own Way»: Radical Gender Concept, Aimed at Combating Discrimination Against Men (on the Example of Social Movement MGTOW)

An analytical review of the key principles and objectives of MGTOW (men going their own way) radical social movement is carried out. The history and the main reasons of its emergence are described. An attempt is made to describe and explain the conceptual essence of its ideological foundations. The activity of this movement, its direction and characteristic features are analyzed. The basic prospects of development of similar world outlook installations and probability of their wide distribution are investigated. The characteristic features and specificity of MGTOW's world view that distinguish the movement from other gender theories focusing on the problem of men's discrimination are highlighted. The statistics of the development of MGTOW in the framework of the Internet space is provided. The prevalence of this gender concept in the world is studied. Positive and negative aspects of MGTOW activity are indicated. The correspondence of its theoretical base to the principles of gender equality is investigated.

УДК 165.62

Е.И. Жук

*магистр филос. наук, аспирант 2 года обучения каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: zhuke93@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ М. ДЕ СЕРТО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Статья посвящена содержательной реконструкции философии М. де Серто в качестве методологического базиса феноменологических исследований языка и речи. Именно мыслители феноменологического направления ставят речь на первый план в изучении языковой способности, поскольку не столько системный характер языка, сколько адресность и индивидуальность речи связывает Я и Другого в пространстве диалога. В книге «Изобретение повседневности» М. де Серто рассматривает такие языковые практики, как чтение и говорение, в качестве особых способов производства, осуществляемых считающимся пассивным потребителем. Данные практики участвуют в постоянном преобразовании смыслов, навязываемых письмом как стратегией, открывают пространство для полифонии и встречи с Другим. Таким образом, рассмотрение языковых практик в контексте концепции повседневности М. де Серто оказывается весьма продуктивно в экспликации основополагающего для феноменологии характера речи как феномена, связующего Я и Другого.

Введение

Целью статьи является содержательная реконструкция теории М. де Серто как методологического базиса феноменологических исследований языка и речи. К осуществляемым в статье задачам относятся рассмотрение философии М. де Серто в рамках ее соотношения с феноменологической традицией и экспликация тактического характера чтения и говорения в качестве повседневных языковых практик. В качестве базового источника выступает книга «Изобретение повседневности», в которой М. де Серто представляет свою концепцию стратегий и тактик в контексте исследования практик повседневной жизни.

Практика живого звучащего говорения, которое осуществляется всеми людьми в пространстве «здесь и сейчас», долгое время выпадала из поля зрения философских исследований. Многие авторы, разводящие феномены языка и речи, как, например, это делает Ф. де Соссюр, основное внимание уделяли именно исследованию языка как системы, предпочитая его исследованию речи как практики звучащего говорения. Речь же называли фактически языком в использовании, говорили о множественности и индивидуальности речей, но не пытались раскрыть, в чем состоит собственный потенциал феномена речи. Обсуждалось, в чем состоит потенциал языка в творении культуры, но ключевыми в таких исследованиях оказывались именно системные элементы языка, так как в них можно уловить некоторую стабильность и всеобщность. Например, показывали, как национальная культура вырастает из национального языка, как роднит представителей этой культуры погруженность в общую систему, насколько важна для рода человеческого погруженность в язык как некую надсистему, вбирающую все национальные языки, имеющую особый структурно-функциональный порядок. За границами обсуждения оставалось то, какой потенциал несет в себе языковая практика речи. Можно предположить, что это связано именно со спецификой практики речи: она разлита во времени, она текуча, она принадлежит всем и каждому, т.е. видоизменяется бесконечное количество раз. Речь оказывается трудноуловимой для философского

Научный руководитель – Е.В. Беляева, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

взгляда, как и все феномены повседневной жизни, как сама повседневная жизнь. Даже в работах таких ярких представителей феноменологии, как М. Мерло-Понти и М.М. Бахтин, для чьих концепций выдвигание на первый план феномена речи оказывается содержательно важным (поскольку прежде всего речь связывает Я и Другого), не обнаруживается эксплицитного описания всех существенных особенностей речи. Систематизация данных особенностей позволила бы продемонстрировать, почему анализ феномена речи помогает разобраться в онтологических предпочтениях феноменологической традиции и почему именно живая речь (а не система языка) есть практика, связующая все ключевые аспекты человеческого бытия.

Подобную систематизацию можно отыскать в концепции М. де Серто, предпринявшего смелую и успешную попытку анализа ускользающих практик и скрытого производства. Посему именно идеи М. де Серто могут представить продуктивную методологическую базу для феноменологического исследования языка и речи.

Философия М. де Серто и феноменологическая традиция

Мишель де Серто – многогранный французский мыслитель, вовлеченный одновременно и в философские, и в социологические, и в исторические исследования; наибольшую известность он получил как автор одной из самых проработанных концепций повседневности. Наиболее продуктивным аспектом теории М. де Серто является то, что он подчеркивает амбивалентную природу человеческого существования, погруженность одновременно в повседневное и неповседневное, в переплетение места и времени, публичного и частного и т.д. Впрочем, замечая погруженность человека в подобного рода переплетения, М. де Серто в определенном смысле наследует концепции М. Мерло-Понти, поскольку с помощью введенного последним термина «*l'ineinander*» можно охарактеризовать отношение между повседневным и неповседневным, хотя автор концепта изначально применял его к описанию особенностей нашего телесного присутствия в мире. М. де Серто близок феноменологической традиции не только кругом рассматриваемых им проблем, но самим подходом. М. де Серто не стремится избавиться от наблюдения двойственности и не стремится иерархизировать различные «парные» феномены. Он делает попытку по-иному взглянуть на антиномии: «В мышлении, которое полагает эти антиномии, они основываются на принципе единственного истока (археология основоположений) или окончательного примирения (телеологическое понятие), и таким образом на дискурсе, поддерживаемом этим референциальным единством. Напротив, я полагаю, хотя здесь и не место объяснять это подробно, что изначально является множественное; что различие является конституирующим началом для собственных границ и что язык предназначен постоянно скрывать структурирующее разделение посредством символического» [1, с. 52–53]. Целое человеческого существования творится, таким образом, именно в различии, на пересечении, в том числе повседневного и неповседневного, языка и речи и т.д.

Только подобный подход, улавливающий различия, не стремящийся выстроить последовательную монологичную объяснительную схему, и мог состояться в отношении повседневных практик, необходимость теоретического исследования которых обострилась в связи с непредсказуемостью Парижских событий 1968 г. Не только современные этим событиям мыслители вынуждены были признать несостоятельность многих теоретических моделей для объяснения поведения обычного человека (известный лозунг «Структуры не выходят на улицы»), но и французское правительство обеспокоилось тем, что подобный ход развития событий не был предусмотрен. «Изобретение повседневности» стало результатом научной работы целой группы специально объединившихся под руководством М. де Серто исследователей, которые трудились над данным проектом по заказу и при финансировании французских правительственных струк-

тур. Исследование М. де Серто (хотя и незаконченное) действительно открыло новые горизонты в понимании повседневности, а его идеи могут быть продуктивно переосмыслены и встроены в рассмотрение самых разных аспектов человеческого существования и сегодня. Концепция М. де Серто занимает значимое место и потому, что он анализировал собственно языковые практики (говорение, письмо, чтение), и потому, что в терминах его концепции можно продемонстрировать, как речь не только сопутствует встрече с Другим и диалогу, открывая путь в большое время человеческой жизни, но, сама являясь повседневной практикой, помогает «выжить» в малом времени. Чтобы проиллюстрировать это, необходимо детально разобрать представление М. де Серто о повседневной жизни.

Наиболее продуктивными в методологическом плане являются два аспекта концепции М. де Серто: 1) его исследование повседневных практик как особого способа производства и 2) его идея о разведении стратегий и тактик. О М. де Серто пишут, что «он предлагает гипотезу, согласно которой существует альтернативный способ деятельности, производимый теми, кто потребляет. Активность потребителей всегда скрыта, более того, их роль описывается как пассивная. Однако в действительности потребители создают обширную сеть сопротивления превосходству, учреждаемому производством... Примеры такого “молчаливого производства” можно видеть практически всюду, но мы не привыкли замечать их. Они растворены в многочисленных культурных практиках, особенно в тех, что являются ежедневными» [2, с. 86–87].

Разграничение М. де Серто стратегий и тактик позволяет ему эксплицировать характер повседневным практик, являющихся корнем производственной активности потребителей: «Чтобы “схватить” специфику этого потребительского производства, Серто предлагает концепт “тактики”. Повседневные практики по своему характеру тактические. Но их тактическая сущность обнаруживается в их противоположности стратегиям... Официальная культура базируется на производстве стратегий. Они учреждают определенную структуру с помощью системы собственных мест, которые становятся точками подавления. Девиантные и рассеянные тактики допускают возможность ускользнуть от власти стратегий с помощью ряда операций, специфической мудрости, которую античные греки называли “metis”» [2, с. 91–92]. Обычный человек, зачастую неосознанно, пытается ускользнуть от авторитарной силы стратегии, вовлекаясь в разнообразную сеть тактик, – и именно так, прочерчивая собственные эскапистские пути, человек и существует, погруженный одновременно в повседневное и неповседневное.

Чтение и говорение как повседневные языковые практики

М. де Серто посвящает целую главу своей книги исследованию языковых практик: письму, чтению, говорению. Он полагает, что исследование языка и того, как он существует в повседневности, облегчит теоретическую задачу исследователя этих трудноуловимых повседневных практик, ведь в данном случае язык оказывается и предметом, и полем исследования. Разумеется, и сам язык предстает здесь через языковые практики: «Рассуждать о языке “изнутри” обыденного языка, не имея возможности “владеть картиной”, наблюдать с удаленной позиции, – значит схватывать его как ряд практик, в которые мы вовлечены и через которые действует проза мира» [1, с. 77]. Кроме того, М. де Серто утверждает, что само наше общество настолько проникнуто письменными практиками, что пара «письмо – чтение» вполне является эквивалентом паре «производство – потребление»: «Чтение – это лишь один, но наиболее фундаментальный аспект потребления. В обществе, которое становится все более и более письменным, в основании которого лежит власть менять вещи и преобразовывать структуры исходя из моделей письма (научных, экономических, политических), которое постепенно превращается в многоаспектные “тексты” (административные, урбанистические,

индустриальные и т.д.), пару “производство – потребление” можно нередко заменить ее эквивалентом и основным выразителем – парой “письмо – чтение”» [1, с. 282–283].

Данная пара языковых практик действительно прекрасно иллюстрирует оба факта, которые называет М. де Серто касательно феномена потребления: во-первых, существуют позиции в нашем обществе, которые признаны пассивными и остаются незамеченными (это позиция обычного человека), и, во-вторых, такие позиции всегда на самом деле характеризуются особым рода активностью, скрытым производством. Позицию читателя принято считать непременно пассивной, что имеет под собой многовековую историю. В Средние века – пассивная восприимчивость прихожанина по отношению к тексту Священного Писания, в век Просвещения – убежденность, что книга и популяризация знаний способны реформировать общество, в наше время – массмедиа как новая церковь.

М. де Серто пишет: «Социальное и техническое функционирование современной культуры устанавливает иерархию этих двух видов деятельности. Писать – значит производить текст; читать – значит получать его от другого, не отмечая в нем своего места, не переделывая его» [1, с. 284]. Чтение предстает как получение текста, впрочем, текст этот также можно понимать не буквально, раз мы проецируем практику чтения на потребление в целом: «читать» можно общественный порядок, «текстом» которого будет являться закон, который мы, «обычные» люди, воспринимаем, но не изменяем; «читать» можно структуру супермаркета, в который мы приходим якобы потреблять, но не изменять. Разделение двух видов деятельности в нашем обществе – производства и потребления текста – неоспоримо, но не следует забывать, что потребление не характеризуется полной пассивностью, оно запускает в ход новое производство. «Читать, – пишет М. де Серто, – значит странствовать внутри навязанной системы (системы текста, аналогичной сконструированному порядку города или супермаркета)» [1, с. 284–285]. Конечно, это новое производство, скрытое в практиках повседневной жизни, не анонсируется в СМИ, не становится законом, не превращается в письмо, фундируемое властными стратегиями. Однако оно осуществляется ежедневно каждым из нас, каждым «обычным» человеком; это постоянное преобразование поступающих к нам текстов детерминирует нашу повседневную активность, способы восприятия мира, способы отношений с миром. Оставаясь долгое время не замеченным властными стратегиями, это молчаливое преобразование, это создание собственных способов отношений с миром может ярко вырваться на поверхность общественной жизни под влиянием крупных потрясений, как это случилось в 1968 г. Разумеется, зафиксированный в СМИ, этот взрыв становится очередным монологичным текстом, исходящим из лона стратегии, который может использоваться в построении новых стратегий структурирования общественных практик. Публика снова возвращается на свои места «пассивных потребителей». Однако считать, что эта «муравьиная деятельность» (как ее называет М. де Серто) по созданию собственных способов делания хоть на время прекращается, – значит не понимать самой сути акта потребления, что, впрочем, характеризовало до недавнего времени наш теоретический горизонт и поныне характеризует многие общественные институты. «Власть, учрежденная волей (реформистской, научной, революционной или педагогической) переделывать историю, благодаря операциям письма, осуществлявшимся первоначально в ограниченном поле, имеет следствием основополагающее разделение между письмом и чтением» [1, с. 283], и она оказывается неготовой к тому, что история делается каждый день обычным человеком, что иногда выливается в поистине громкие исторические всплески.

М. де Серто демонстрирует, что даже данная такая непризнанная деятельность, как чтение, является на самом деле скрытым производством. Но в таком случае практика говорения должна, безусловно, восприниматься как практика производящая, ведь,

казалось бы, активность говорящего субъекта несомненна: она воспринимается нами элементарно телесно, через органы слуха. Как бы то ни было, речь обычного человека часто оказывается как бы погруженной в небытие: ее производящий потенциал игнорируется общественными институциями, ведь креативная деятельность обычного человека как бы нелегитимна. Можно предположить, что это приводит к тому, что сам обычный человек начинает несерьезно, снисходительно относиться к своей повседневной речи (как к некоей болтовне), а затем начинает сомневаться в своем голосе, в праве голоса, даже в тот момент, когда ему предоставляют пространство для «общественного» высказывания. В свою очередь, определенная теоретическая невнимательность к феномену речи связана, очевидно, не только с тем, что эту тактическую практику стремятся игнорировать властные стратегии, но с определенными трудностями в ее анализе. Тем не менее именно тактические социальные практики, постоянно видоизменяющиеся и принадлежащие всем и никому в отдельности, способны предоставить площадку для сопротивления монологизирующим стратегиям. Ведь эти практики, из которых состоит вся повседневная жизнь, способны вобрать в себя бесконечное множество других, оставляя за ними при этом право на постоянное видоизменение. И практика говорения как одна из тактических практик повседневности оказывается, таким образом, открыта полифонии. Следовательно, именно в пространстве наших повседневных речей мы должны быть готовы к встрече с подлинным другим и к завязыванию диалога. Значит, такие языковые практики, как чтение и говорение, несмотря на его кажущуюся пассивную природу, погруженные в пространство повседневности, являются постоянным преобразованием навязываемых извне смыслов и предоставляют обычному человеку площадку для встречи с другим, понимания и диалога.

Заключение

Практика говорения долгое время занимала вторичное место в философских исследованиях, даже когда т.н. лингвистический поворот в философии знаменовал новую эпоху в изучении языковой способности человека. В исследованиях структуралистского и аналитического направлений на первый план выходил язык как система. Его стабильный и всеобъемлющий характер позволял исследовать соотношение высказывания и истины, возможности «искусственного» языка математики, значимость языка в построении культурного мира. За пределами рассмотрения оказывался феномен речи, понимаемой как способ повседневного использования языка. Собственный потенциал речи, живого говорения, раскрывается в исследованиях мыслителей феноменологического толка, поскольку они обращают внимание на адресность высказывания и основополагающий характер говорения в построении диалога Я и Другого. В рамках этого направления концепция М. де Серто может быть представлена как подходящий методологический базис, который при рассмотрении функционирования пространства повседневности в целом особое внимание обращает на языковые практики: письмо, чтение, говорение. Две базовые идеи, которые М. де Серто выдвигает относительно общества, представляющего собой сегодня «маргинальное большинство», оказываются продуктивными с точки зрения выдвижения на первый план живой индивидуализированной речи в исследованиях языковой способности. М. де Серто утверждает, что статус обычного человека, потребителя ложным образом воспринимают как пассивный: обычный человек вовлечен в ежедневное производство, так как потребление есть всегда преобразование навязываемых извне смыслов и способов делания. Также М. де Серто заявляет о тактическом характере повседневных практик, составляющих корень этого ежедневного производства: каждая практика преобразует систематизированный порядок вещей и, сопротивляясь монологизирующим стратегиям, обращает смыслы и способы делания «в свою пользу». Таким образом, чтение не есть лишь пассивное потребление письма

(а эта опозиция, по М. де Серто, дублирует соотношение «производство – потребление»), но является творческим преобразованием и переосмыслением. В свою очередь, речь как практика говорения в контексте повседневности не обладает угнетенным статусом по отношению к стратегическому письму, навязывающему смыслы системы, а наделена собственной смысложизненной функцией: будучи способной ускользать от диктата письма и монологизма, она открывает пространство полифонии и встречи с другим, благодаря чему индивидуализированные голоса и новые смыслы постепенно преобразуют пространство культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
2. Феноменология повседневности / под ред. И. М. Наливайко и М. Б. Тина. – Вильнюс : Логвінаў, 2015. – 380 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.03.2018

Zhuk E.I. M. De Certeau's Philosophy as Methodological Basis for Phenomenological Studies of Language and Speech

This article is dedicated to the substantial reconstruction of Certeau's philosophy as methodological basis for phenomenological studies of language and speech. It is the thinkers of phenomenological approach who bring speech to the forefront in the study of the linguistic ability, because not only the systematic character of language, but, largely, addressability and individuality of speech connects I and the Other in the space of dialogue. In his book «Practice of Everyday Life», Certeau describes linguistic practices of reading and speaking as the specific modes of production carried out by a consumer, who is usually seen as passive. These practices participate in the constant transformation of meanings, which are imposed by strategic writing, and open up the space for polyphony and meeting with the Other. Thus, studying the linguistic practices within the context of Certeau's philosophy of everyday life is productive for explication of speech as basic phenomenon connecting I and the Other.

УДК 141.3

И.М. Наливайко

канд. филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: niminna3@gmail.com

КРИТИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ АНРИ ЛЕФЕВРА

Обосновывается особый эвристический статус созданной французским неомарксистом А. Лефевром теории повседневной жизни, что ознаменовало собой рождение принципиально нового направления в исследовании проблематики повседневности – «критики повседневной жизни», к которому принято причислять таких известных мыслителей, как М. Бахтин, Х. Арндт, М. де Серто и др. Новизна и специфика данного направления обусловлена тем, что в нем впервые признается амбивалентный характер повседневности, которая не только нивелирует, стереотипизирует и обезличивает человеческое бытие в мире, но и обладает мощным бытийным потенциалом и специфической креативностью, открывающей человеку в окружающем его существе и в нем самом уникальное и небывалое. С точки зрения А. Лефевра, только в повседневной жизни становится возможным преодоление отчуждения и формирование человека как целостности.

Введение

Фраза «критика повседневной жизни», вынесенная в заглавие данной статьи, может быть понята одновременно в нескольких значениях. Прежде всего, это название одного из фундаментальных сочинений французского философа, социолога и теоретика культуры Анри Лефевра, который сделал повседневность сквозной темой своего научного творчества. Во-вторых, именно этим термином Лефевр маркирует основную задачу современной философии марксистского толка, которая должна предложить реальные пути преодоления отчуждения и переустройства социальной жизни на основе революционного преобразования повседневности. И в третьих, это выражение Лефевра стало наименованием нового направления в исследовании повседневной жизни, которое объединяет достаточно разных, на первый взгляд, философов в общем устремлении обосновать, исследовать и использовать творческую природу повседневности для преодоления новейших социальных и экзистенциальных кризисов.

Это направление действительно вправе претендовать на радикальную новизну, так как до возникновения концепции Лефевра повседневность преимущественно рассматривалась в односторонне, а именно как анонимно-усредняющий модус социальности. Исключением может служить только творчество русского философа Василия Розанова, которое, к сожалению, до сих пор остается малоизученным на Западе как в силу исторических перипетий XX ст., так и вследствие особой стилистики розановского письма, которая с трудом вписывается в академический контекст. Идеи Лефевра дали импульс пересмотру и преодолению этой тенденции и закрепили за проблематикой повседневности статус одного из самых приоритетных направлений современной гуманитаристики. Канадский исследователь Мишель Гардинер, посвятивший этому направлению обширную монографию, так характеризует роль А. Лефевра в новейшей философии: «Его почти безграничная вера в регенеративную способность повседневной жизни, сопротивляемость тела и неугасимый дух противоречия и радикальная субъективность выделяют его как философа, имеющего лишь несколько аналогов в современной интеллектуальной жизни» [1, с. 99].

Все это позволяет обозначить в качестве цели нашего исследования содержательную реконструкцию концепции повседневной жизни А. Лефевра и обоснование ее

эвристического потенциала. Эта цель может быть реализована посредством постановки и решения следующих задач:

- 1) обнаружение и экспликация методологических оснований критики повседневной жизни А. Лефевра;
- 2) определение критического подхода к повседневности как фундаментальной характеристики нового направления в исследовании повседневной жизни;
- 3) выделение основных характеристик повседневной жизни и обоснование определяющей роли темы повседневности в философском творчестве А. Лефевра.

Методологические основания критики повседневной жизни А. Лефевра

Если верить исследователям творчества А. Лефевра, замысел его книги «Критика повседневной жизни», три тома которой увидели свет в 1947, 1961 и 1981 гг., начал складываться еще в 1930-е гг. Доподлинно неизвестно, был ли Лефевр знаком с домарксистским этапом творчества Д. Лукача, который в 1911 г. впервые использовал термин «повседневность» в качестве философского понятия, но он, бесспорно, был знаком с ранними работами М. Хайдеггера, сделавшего повседневность одним из ключевых концептов «Бытия и времени». Таким образом, можно утверждать, что концепция Лефевра, получившего известность прежде всего в качестве адепта неомарксизма, складывается на пересечении марксистского и экзистенциально-онтологического подходов.

Базовой методологической идеей всего творчества Лефевра, несомненно, является критика отчуждения. Отчуждение и экономический фетишизм приводят к появлению т.н. фрагментированного человека и господству мистифицированного сознания. Несомненной заслугой А. Лефевра является попытка выявить не только социально-экономические, но и экзистенциальные проекции отчуждения. Распространение отчуждения на экзистенциальную сферу приводит к невозможности услышать и помыслить Другого, а тем самым, – к непониманию самого себя, к ущербному и фрагментарному существованию. Следовательно, первоочередной задачей марксистской теории и основанной на ней социальной практики должно стать преодоление всех видов отчуждения. Реанимирование критического пафоса марксизма означало на деле и поиск нового направления этой критики, равно как и поиск нового метода, объединяющего теорию и жизнь. Эти поиски приводят Лефевра к феномену повседневной жизни, поскольку именно она является той сферой, где рождается всякое живое начинание и где встречаются и переплетаются фрагментарные виды человеческой активности. Она несет в себе изначальное нерасчлененное многообразие и единство и, что самое главное, является практической по самой своей природе. Повседневность есть праксис, а только праксис способен преодолеть отчуждение и привести к созданию целостного человека.

Таким образом, Лефевр фактически призывает к новому рождению марксизма как критической теории – критике повседневной жизни. Реабилитация мистифицированного сознания должна начинаться с портрета самого прозаичного человека в его повседневном существовании. Более того, это одновременно реабилитация человека как такового, преодоление пресловутого субъект-объектного дуализма, теории и практики, жизни и рефлексии, поскольку, «если человек существует, он может существовать только как повседневный» [2, с. 10]. Поэтому именно повседневность должна стать предметом изучения всякой философской теории, но сам этот предмет требует весьма серьезного и ответственного подхода: «Некоторые изучают повседневность с нетерпением; они хотят “изменить жизнь” и сделать это быстро; они хотят все и сейчас! Другие верят, что живой опыт не является ни важным, ни интересным, и вместо того, чтобы пытаться его понять, нужно его минимизировать, вывести за скобки, чтобы очистить путь науке, технологии, экономическому росту и т.д.» [2, с. 11]. Позиция Лефевра противостоит обеим крайностям. Критика повседневной жизни в полном соответствии с пафо-

сом марксизма означает для него революционное переустройство последней, но само это переустройство должно основываться на тщательном и скрупулезном анализе и пояснении специфики повседневности как особого способа человеческого бытия в мире. Именно этому и посвящена как работа «Критика повседневной жизни», так и ряд других известных трудов Лefевра по «производству пространства».

Критика повседневной жизни как новое направление в исследовании повседневности

Несмотря на то, что текст «Критики повседневной жизни» может смутить академического читателя некой поэтической вольностью изложения (один из исследователей даже назвал его «сказаниями рапсода»), Лefевру удалось сформулировать в ней ряд предельно важных философских идей относительно природы и специфики повседневной жизни, послуживших регулятивными источниками нового направления, названного по имени данной работы.

Прежде всего, Лefевр открывает амбивалентный характер повседневности. В противовес господствовавшим до него односторонним трактовкам, понимавшим повседневность как неподлинный, фрагментарный, анонимный и усредняющий способ человеческого существования, Лefевр утверждает, что именно повседневная жизнь таит в себе изначальную полноту и единство: полноту человеческой самости, единство между человеком и миром, между Я и Другим. Однако в современной культуре мы имеем дело с феноменом повседневности, уже подвергшимся воздействию отчуждения, с ситуацией, где повседневная жизнь репрезентирует не саму бытийную полноту, а ее остатки, следы, которые тем не менее могут быть «схвачены» и прочитаны как руководство к ее революционному переустройству.

Вышесказанное имплицитно удерживает в себе еще два важнейших методологических открытия:

1. Повседневная жизнь есть историческое образование, которое сущностно зависит от социально-экономических процессов и в то же время оказывает на них обратное воздействие.

2. Следует содержательно разграничивать понятия «повседневная жизнь» и «повседневность», поскольку последняя как неподлинный, нивелирующий способ человеческого существования есть результат негативного воздействия процессов отчуждения, следствие выхолащивания полновесных сценариев повседневной жизни: «Лefевр был также первым, кто провел четкое различие между повседневной жизнью и повседневностью. Именно повседневность является сферой отчуждения, в то время как повседневная жизнь хранит остатки былой полноты. С его точки зрения, Новое время вызвало вырождение повседневной жизни в повседневность. В то время как повседневная жизнь, существовавшая всегда, содержит в себе многообразие, основанное на онтологическом единстве человека и мира, повседневность вырождается в односторонность и монотонность» [3, с. 48].

Исторический характер повседневности дает основания полагать, что и она может быть преодолена посредством победы над отчуждением, путем революции повседневной жизни, возможность которой выводится из еще одного фундаментального методологического положения Лefевра: повседневная жизнь продуцируется как труд, она по определению носит практический характер. «Только предписанная повседневному человеку практика может освободить его от отчуждения и привести к единству “целостного человека”, в котором преодолен субъект-объектный дуализм. И революция повседневной жизни может вернуть эту утраченную полноту, восстановить целостность с помощью особого рода производственной деятельности – *повседневного произ-*

водства, продуцируя жизнь как *труд*. То есть лефевровская критика повседневной жизни в то же время становится ее реабилитацией» [3, с. 49–50].

Именно эти методологические открытия легли в основу формирования отдельного направления исследования повседневного бытия, в рамках которого встречаются такие неординарные фигуры, как М. Бахтин, М. де Серто, Х. Арендт и др.

Самого Лефевра они ведут к попытке теоретической и историко-культурной реконструкции и осмыслению тех трансформаций, которые претерпевает повседневная жизнь, что, собственно, и стало основным пафосом и главной темой всех его работ.

Критика повседневной жизни как главная тема философского творчества А. Лефевра

Признание исторического характера повседневности позволяет Лефевру проследить начало иссушения и деградации сценариев повседневной жизни, активированное рождением буржуазного способа производства. Уже в первом томе «Критики повседневной жизни» он констатирует, что отчуждение стирает нерасчлененность традиционной повседневной жизни, ее связь с космическим порядком, связывающим человека и природу в недифференцируемое единство. Машинный способ производства и рождение буржуазных социальных институтов трансформируют повседневную жизнь в монотонную неподлинную повседневность.

Лефевр описывает как формальный механизм, так и содержание этого процесса, затрагивая в числе прочих одну из самых актуальных философских проблем – проблему природы повторения, повторяемости: «В изучении повседневности мы сталкиваемся с серьезной проблемой повторяемости, одной из самых сложных из стоящих перед нами проблем. Повседневность расположена на пересечении двух способов повторения: циклического, который доминирует в природе, и линейного, который доминирует в процессах, известных как “рациональные”. Повседневность, с одной стороны, подразумевает циклы: дни и ночи, сезоны и урожаи, активность и отдых, голод и насыщение, желание и его исполнение, жизнь и смерть, но, с другой стороны, она включает в себя повторяющиеся жесты труда и потребления. В современной жизни эти повторяющиеся жесты направлены на то, чтобы маскировать и разрушать циклы. Повседневности навязывается ее монотонность» [2, с. 10]. Эта навязываемая монотонность приводит к тому, что повседневное становится «продуктом» «наиболее общим из продуктов той эры, где производство порождает потребление, и где потребление манипулируется производителями: не «рабочими», а менеджерами и собственниками средств производства (интеллектуальных, инструментальных, научных). Повседневность, таким образом, есть наиболее универсальное и наиболее уникальное условие, самое социальное и самое индивидуализированное, наиболее очевидное и наиболее скрытое. Условие, предусматривающее четкость форм, predetermined средствами производства, вписанное в структуры; повседневность создает платформы, над которыми поднимается бюрократическое общество контролируемого консюмеризма [2, с. 9].

В то же время, по мнению Лефевра, в современной повседневной жизни еще сохранились лакуны, где можно заметить следы былой полноты и единства. Это прежде всего патриархальная жизнь сельской провинции (в противовес урбанизированному пространству больших городов). Полная скрытой поэзии зарисовка воскресного дня, проведенного во французской провинции, актуализирует целый спектр тем, прошедших красной нитью через все творчество Лефевра: тему праздника как отражения единства человека и природы и фестивализации жизни; тему роли социальных институтов в превращениях, претерпеваемых повседневной жизнью; и наконец, тему социального производства пространства, ставшую доминирующей на позднем этапе его творчества. Именно эта тема делает Лефевра одним из идеологов современных урбанистических

исследований, поскольку методологические послы критики повседневной жизни приводят его к предположению, что пространство есть социальный продукт. Оно сформировано властными инстанциями, и революционное переустройство повседневной жизни с необходимостью включает в себя работу с пространством. Самой востребованной идеей Лefевра в этот период оказалась констатация «права на город», которая лежит в основе множества новейших урбанистических концепций.

Заклучение

Можно утверждать, что теория критики повседневной жизни Анри Лefевра, возникшая на пересечении марксистского и экзистенциально-феноменологического подходов, знаменовала собой начало принципиально нового направления в исследовании повседневности. Это направление базируется на признании неустранимо двойственной природы повседневной жизни и ее позитивного онтологического статуса, что, в свою очередь, приводит к признанию необходимости ее революционного переустройства. Проводя своего рода реабилитацию повседневной жизни, Лefевр вскрывает ее существенные характеристики и впервые проблематизирует ряд тем, логически вытекающих из его новаторского подхода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gardiner, M. E. *Critiques of Everyday Life* / M. E. Gardiner. – London : Routledge, 2000. – 256 p.
2. Lefebvre, H. *The Everyday and Everydayness* / H. Lefebvre // *Yale French Studies* (73). – Yale, 1987. – P. 7–11.
3. Феноменология повседневности / под ред. И. М. Наливайко и М. Б. Тина. – Вильнюс : Логвінаў, 2015. – 380 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.03.2018

Nalivaiko I.M. The Critique of Everyday Life in Henri Lefebvre's Social Philosophy

The article substantiates the specific heuristic status of the theory of everyday life created by the French neo-Marxist H. Lefebvre, which marked the birth of a fundamentally new approach to the study of everyday life, the so-called «critique of everyday life», which unites such noted thinkers as M. Bakhtin, H. Arendt, M. de Certeau, etc. The novelty and specificity of this approach lies in the fact that, for the first time, it recognizes the ambivalent character of everyday life, which not only levels, stereotypes and depersonalizes human being in the world, but also has a powerful existential potential and a specific creativity, which reveals the unique and the extraordinary in the human being and the surrounding entities. According to H. Lefebvre, a possibility of overcoming of alienation and shaping human being as integrity lies only within the everyday life.

УДК 130.1 : 316.4

А.М. Дубравина

*магістр іст. наук, аспірант 3 года обучения каф. философии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: adubravina@ya.ru*

ГЕНЕЗИС И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Представлены научные взгляды ученых, занимавшихся проблемами генезиса и механизмов функционирования социальных иллюзий и близких к ним понятий: К. Маркса, З. Фрейда, С.В. Белоусовой, К. Беккера, Р. Дж. Херста, Л.В. Шукшиной, П.А. Плютто, Т.А. Логвиновских, А.М. Юсуповой, К.Ю. Багаева. Автор, основываясь на существующих подходах к генезису и механизмам функционирования социальных иллюзий, анализируя и дополняя их, разрабатывает собственный оригинальный подход к изучаемому вопросу. Выделены основания, факторы возникновения социальных иллюзий, определены механизмы их функционирования. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшего исследования темы социальных иллюзий, а также в преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла для повышения квалификации педагогических кадров, задействованных в воспитательном процессе.

Введение

Современный мир, охваченный процессами глобализации, технологизации, информатизации, стремительно меняется. И эти изменения наблюдаются не только во внешнем облике природных и социальных объектов, процессов, самого человека и общества, но и в сфере общественного и индивидуального сознания. Представления о реальности, выраженные в обыденном сознании, научных теориях, концепциях, постоянно видоизменяются, накладываются одно на другое или вступают в конфронтацию. Ускорение темпов смены идей и взглядов, калейдоскоп представлений приводят к стиранию границ между реальным и иллюзорным миром, порождают умножение реальностей. Ввиду возрастания количества иллюзорного компонента в сознании и увеличения интенсивности его воздействия особенно актуальным становится рассмотрение разных аспектов социальных иллюзий, в частности процесса их генезиса и механизмов функционирования.

Целью статьи является анализ тех факторов, которые могут влиять на возникновение и жизнестойкость социальных иллюзий, а также рассмотрение оснований изучаемого феномена. Реализации поставленной цели служит решение следующих задач:

- 1) историографический обзор исследований прямо или косвенно затрагивающих условия зарождения, формирования и функционирования социальных иллюзий;
- 2) выделение оснований социальных иллюзий;
- 3) определение факторов их возникновения;
- 4) анализ механизмов функционирования фактора социокультурной динамики.

Вопросом о том, что служит социокультурным основанием для социальных иллюзий, каким образом они функционируют, задавались многие исследователи. Среди них можно назвать следующие имена: К. Маркс, З. Фрейд, С.В. Белоусова, К. Беккер, Р.Дж. Херст, Л.В. Шукшина, П.А. Плютто, Т.А. Логвиновских, А.М. Юсупова, К.Ю. Багаев. В качестве причин возникновения социальных иллюзий различные авторы видят биологические, психологические и непосредственно социальные предпосылки.

Научный руководитель – С.З. Семерник, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Согласно *К. Марксу*, иллюзии, которые он называл «ложные идеи», производятся следующим образом: в процессе познавательной деятельности люди создают абстракции, мысленно отражающие реальный мир. Критикуя идеализм, *К. Маркс* утверждает, что данное, по его мнению, спекулятивное философское мышление отрывает эти абстракции от действительной жизни, от реального мира. Идеализм превращает их в самостоятельные сущности, ставит над миром, в то время как в отрыве от реальной истории они не имеют никакого значения, а являются средством упорядочения эмпирического материала. Таким образом, в процессе идеологизации создаются предвзятые схемы, под которые подгоняется действительность [1, с. 113]. Действительно, в процессе идеологизации абстракции в той или иной мере отрываются от реальности, превращаясь в иллюзии. Но происходит это безотносительно от того, какое философское направление лежит в основе идеологии, материализм или идеализм.

Объяснение процесса создания иллюзий с точки зрения психоанализа дает *З. Фрейд*. Привязанность к иллюзиям, считает он, обусловлена поиском удовольствия и двойным движением отрицания: человек знает, что изображаемые действия, персонажи, обстоятельства не имеют к нему прямого отношения, что это всего лишь видимость, игра воображения, но определенная часть психической энергии с энтузиазмом вовлекается в эту игру, идентифицирует субъекта с изображаемыми героями, переживаниями и реакциями, соответствующими вымышленной ситуации. В результате многостороннего психологического взаимодействия индивидуальной психики и иллюзорного материала происходит интеграция вытесненных бессознательных массивов с диссоциированными конфликтующими частями души, открывается канал из недифференцированного бессознательного в сферу сознания, провоцируется катарсический эффект. Индивидуальное бессознательное встречается с аналогичным либо противоположным по значимости коллективным бессознательным. В непрерывном колебании между символами и воображаемым создается обширное поле виртуального обмена метафорических потоков, смысловых ассоциаций, архетипических и мифологических сюжетов. Это пространство, куда устремляются противоречивые и взаимоисключающие желания, где фантазм разворачивает перед субъективностью сферу недоступного. Оттуда же «реальное» Я возвращается к привычному обыденному миру, уже более отчетливо и остро воспринимая границы своей идентичности, границы действительно реального, еще недавно атакованные необузданной и безответственной фантазией, невероятными приключениями и потрясениями основ мира, оказавшимися всего лишь добровольным самообманом, искусным наваждением [2]. Психоаналитическая концепция может быть полезна для всестороннего раскрытия сути генезиса социальных иллюзий, но не является основной для изучения иллюзий как социокультурного феномена.

Перечислим аспекты, которые, как считает *С.В. Белоусова*, необходимо учитывать, когда мы говорим о механизме образования социальных иллюзий:

1. Социально-экономические (уровень развития экономики, наличие определенных технологий, стабильность или нестабильность экономики и др.).

2. Социально-исторические (обуславливают тип мышления, например, кардинально отличается мышление человека аграрного и индустриального обществ). Мы бы не выделяли социально-исторический аспект в качестве самостоятельного, поскольку он является не чем иным, как обобщением социально-экономических, социально-политических, идеологических, культурных и некоторых других аспектов, которые обуславливают самобытность определенных типов обществ.

3. Социально-политические (форма государственной власти: монархия, диктатура или демократия).

4. Идеологические (наличие специализированных институтов, уровень технологий внушения и манипулирования массовым сознанием, средствами массовой информации).

5. Культурные (уровень развития науки, владение этими знаниями членами данного общества, традиции, обычаи, семья, школа, церковь и т.п.).

6. Психологические:

а) предрасположенность человека к восприятию мифа, иллюзии (здесь автор, видимо, имеет в виду тип личности, склонной к мечтам и фантазированию);

б) вытеснение индивидуального социальным бессознательным (в нашей классификации существует разделение иллюзий на коллективные и индивидуальные, поэтому данный пункт представляется уместным только в отношении коллективных иллюзий);

в) особенности подсознания человека (автор, к сожалению, не уточняет, какие именно особенности имеются в виду);

г) архетипичность сознания (следовало бы добавить, что и в двух других, помимо сознания, составляющих психики: в индивидуальном бессознательном и коллективном бессознательном – могут находиться архетипы);

д) потребность в сублимированных формах переживания.

7. Эмоциональные:

а) усталость от нестабильности собственного переживания (конкретизируя формулировку данного пункта, следует заметить, что разочарование в различных аспектах личной и общественной жизни приводит к склонности предаваться иллюзиям ввиду наличия у них компенсаторной функции утешения);

б) осознание деструктивных моментов в развитии общества;

в) неуверенность, горе, скорбь, одиночество, тоска, страх;

г) потребность в утешении даже в сублимированных формах [3, с. 46–49].

Автор заостряет внимание на переживании субъектом негативно окрашенных чувств. Представляется, что проживание ярких положительных чувств (счастья, восторга, эйфории) в равной мере может генерировать социальные иллюзии.

С.В. Белоусова составила самую полную характеристику аспектов генезиса социальных иллюзий. К сожалению, она обошла вниманием основания формирования изучаемых нами философских понятий.

К. Беккер считает, что в качестве оснований иллюзий могут выступать: заблуждения самоуспокоения; доверчивость; простота представлений; доступность; вероятностная слепота; сказочное мышление – ситуация, когда субъект, даже зная, что нечто неверно, продолжает считать, что это так [4, с. 38]. Этот автор конкретизирует детали лишь психологических и эмоциональных факторов, оставляя без внимания все остальные.

Факторами, обуславливающими склонность к формированию и принятию социальных иллюзий, *Л.В. Шукишина* называет возрастные и гендерные особенности социальных групп, уровень воспитания и образования, потребности, ценностные ориентации и направленность личности, социальное самочувствие, парадоксальность личности, аттитюды (устойчивые тенденции к конкретной форме поведения в определенной ситуации), социальные установки, национальную специфику [5, с. 121]. Однако *Л.В. Шукишина* не структурирует факторы, не разделяет их на группы по направленности (биологические, психологические, социальные), а представляет как общий неразделенный список.

К важнейшим источникам социальных иллюзий данный исследователь относит обыденное сознание, социокультурные основания, а также бессознательное и архетипы [6, с. 51]. Обыденное сознание формируется на основе повседневной практики и жизненного опыта человека, отражает противоречивость, изменения тех или иных сторон объективного мира, поскольку оно часто является объектом манипуляций.

Социокультурные основания широки и многообразны по своему содержанию. В их число, по мнению *Л.В. Шукишиной*, должны быть включены: «а) символическая природа культурных феноменов и коннотативная деятельность человека на основе естественных и искусственных языков; б) культурные феномены, содержащие большой

объем символики и коннотативных интерпретаций: мифология, коллективные архетипы сознания рас и этносов, фольклор, идеология, институционализируемая мифология современных обществ, собственность, справедливость, мораль и т.п.» [7, с. 117].

Представляется более обоснованным мнение, избирающее в качестве оснований социальных иллюзий не природу феноменов и деятельность человека, а сами культурные феномены за счет содержащейся в них символики и коннотативных интерпретаций. Другими словами, источником иллюзий могут выступать следующие культурные формы отражения действительности: мифология, фольклор, идеология. Если говорить об архетипах, то это составная часть перечисленных выше форм. А такие стороны человеческих отношений, как собственность, справедливость, мораль, представляются нам элементами системы общественных отношений, а не ведущими основаниями социальных иллюзий.

По мнению *П.А. Плютто*, основаниями генезиса социальных иллюзий служат три дополняющих друг друга аспекта: незнание, вера и желание. Главную конституирующую роль в деле создания иллюзий, как считает российский исследователь, играет вера. Речь идет о безоговорочной вере в реальность иллюзий, которая успешно восполняет нехватку знаний. Аспект незнания – это неполнота имеющегося у данной группы людей или отдельного индивида знания относительно реальности, в которой они существуют. Эта нехватка восполняется деятельностью социального и индивидуального воображения, а также работой заранее принятых на уровне общества и культуры или индивида социальных и индивидуально-психологических установок, заставляющих человека заранее «знать» то, что он, строго говоря, не знает. Аспект желания автор истолковывает как «расхождение между человеческими желаниями, мечтаниями, идеалами и реальностью» (мы бы назвали это скорее не «аспект желания», а «аспект несовпадения желаемого и действительного»).

Социальные иллюзии возникают в тот момент, когда «группа людей или отдельный человек начинает видеть то, что они настоятельно хотят видеть, т.е. считать реальным то, существование чего по каким-то причинам (для них, безусловно, веским) они считают категорически необходимым, единственно возможным, морально должным и т.д. Или, наоборот, начинают не видеть то, что настоятельно не хотят видеть, т.е. когда они не считают реальным то, существование чего они по каким-то причинам рассматривают как невозможное, категорически недолжное и т.д. [8, с. 31–33]. Автор использует психологический подход, излагая скорее механизмы образования социальных иллюзий, чем их основания.

К генетическим основаниям социальных иллюзий, опять-таки с позиции психологии, меньше интересующей нас в рамках данного исследования, *Т.А. Логвиновских* относит предельные основания деятельности сознания, а именно: креативность сознания, творческое воображение, социокультурную детерминацию сознания [9, с. 54].

По мнению *А.М. Юсуповой* источниками возникновения иллюзий является обыденное, художественное и массовое сознание [10, с. 39]. Этим источникам соответствуют и уровни формирования социальных иллюзий. Основные каналы социализации человека: семья, малая группа, школа, вуз – способствуют формированию иллюзий на уровне обыденного сознания. На уровне художественного сознания социальные иллюзии формируют национальная культура: фольклор, литература, живопись, музыка, театр.

Представляется необходимым акцентировать внимание на том, что в настоящее время в связи с развитием техники, процессами глобализации не только и не столько национальная культура воздействует на сознание. Зачастую образцы зарубежной культуры представляются среднестатистическому обывателю более авторитетным примером для подражания.

На уровне массового сознания определяющую роль играют СМИ. Этот источник иллюзий, на наш взгляд, наиболее действенный, он имеет влияние на иллюзии и обыденного, и художественного сознания. Это связано с тем, что современный человек имеет практически неограниченный доступ к получению любой информации посредством СМИ. Данный фактор вызывает утрату способности аналитической обработки информации.

Исследователи уже в XX в. говорили о преобладании у большинства жителей планеты фрагментарного мышления, т.е. об отсутствии навыков строить логические цепочки и осознавать причинно-следственные связи [11–13]. Поэтому многие выводы и заключения человек склонен принимать на веру, особенно, если сведения поступают из таких традиционно авторитетных источников, как СМИ и СМК. Поскольку среднестатистический человек не может являться экспертом во многих областях знания одновременно, он нуждается в объяснении, оценке и интерпретации. Именно эти потребности и открывают широкие возможности для продуцирования социальных иллюзий.

Среди факторов, обуславливающих имманентность иллюзорного элемента в процессе познания, *А. М. Юсупова* называет:

- 1) сложность объекта познания, необходимость формирования целостной картины мира;
- 2) специфику человеческого разума;
- 3) утилитарные политические и социальные цели;
- 4) страх изоляции;
- 5) особенности менталитета [10, с. 24].

Рассмотрев условия и основания образования социальных иллюзий, обратимся к анализу механизмов их генезиса. Для определения механизма функционирования социокультурных иллюзий полезно наблюдение за механизмом развития утопий, описанном в труде *К. Манхейма* «Идеология и утопия». По мнению немецкого философа, идеология – это апология существующего в обществе и культуре положения вещей, а утопия – критика этого положения, которая толкает к новой борьбе. Борьба, завершившаяся победой утопий, означает «начало их конца»: утопии «застывают» в виде идеологий, что снова вызывает критику существующего положения дел [14]. Здесь можно провести некоторые параллели, тем более что утопии мы представляем как формы объективации социальных иллюзий. У последних за периодом кульминации и кажущейся стабильности также наступает стадия постепенного регресса.

К.Ю. Багаев, рассуждая о генезисе всех иллюзий, а не только социальных, полагает, что иллюзия образуется в результате ошибочного, неадекватного восприятия, т.е. происходит замена реального и подлинного тем, что есть фикция (вымысел), видимость, имитация, приблизительная копия, схематическая модель или описание отдельных внешних свойств реально существующих объектов, игнорирующее другие, существенно значимые в условном контексте наблюдения качества. В итоге воспринимается не сам реальный объект, а его искаженный или деформированный в процессе восприятия образ. К уже существующему объекту добавляется фантомная часть (иллюзия ассимиляции) или исключаются реальные фрагменты (контрастная иллюзия). В рамках психологического подхода этот российский исследователь предполагает, что психологическая установка субъекта экстраполирует предшествующий опыт на материал настоящего и будущего. Иллюзия связана с эффектом реальности, производимым ее демонстрацией; она основывается на психологическом и идеологическом признании феноменов, ранее уже знакомых зрителю.

Наиболее интересно исследованно *К.Ю. Багаевым* семиологическое значение иллюзии. Оно заключается в «элиминации (стирании) знака, его тела, манифестации и установлении непосредственного отношения между означающим и референтной группой означаемых с помощью специфического кода достоверности и правдоподобия, имею-

щего, в свою очередь, основания в ряде условностей, принятых в том или ином сообществе, в правилах коммуникации и стереотипах восприятия. Разнообразие и многочисленность иллюзий обусловлены множеством иконических и эйдетических стратегий, наложение и пересечение которых затрудняет прямое, неметафорическое использование знаковых систем, нарушает иерархические отношения внутри дискурсов, между языками и метаязыками» [2]. *К.Ю. Багаев* приходит к выводу, что «в виде фантомных проекций иллюзорные содержания могут структурировать повседневный опыт индивида, проявляя и подчеркивая личностно значимые детали и фрагменты внешнего мира, делая на них акценты и увязывая их в контекст целостного жизненного мира, в то же время маскируя или игнорируя вытесняемые, подавляемые, иррациональные либо концептуально непроясненные аспекты реальности».

Современный английский исследователь *Р.Дж. Хёрст* в статье «Иллюзии» рассуждает о причине живучести и широкой распространенности иллюзорных образований: «Несмотря на то, насколько мы (субъекты восприятия – *А. Д.*) уверены в истинности своего восприятия, всегда сохраняется вероятность, что мы введены в заблуждение какой-нибудь из многочисленных иллюзий или галлюцинаций, так как для таких состояний как раз характерным является то, что мы не в состоянии заметить, что страдаем от них» (перевод наш. – *А. Д.*) [15, р. 586]. Действительно, прочность любых, даже очевидно губительных для их носителей иллюзорных представлений объясняется тем, что субъект, принявший иллюзию, сознательно или бессознательно игнорирует подчас явные несовпадения с реальной картиной мира, избегает или не замечает знания и сведения, проясняющие неточности, могущие исправить искажения, допущенные в иллюзорной картине мира и разоблачить ее.

Л.В. Шукшина выделяет как сознательные, так и бессознательные механизмы социальных иллюзий. К сознательным механизмам социальных иллюзий она относит мечту и фантазию, а к бессознательным – механизмы вытеснения, идентификации, интроекции, самоограничения, рационализации, идеализации, проекции, переноса [16, с. 7].

Она приводит еще один вариант механизма действия социальных иллюзий, подразделяя его на: а) социально-аксиологический, или оценка, рассмотрение вещей, их соответствия понятию (иллюзии), но в аспекте глубины диссонанса с оценками других людей («осуществление ожиданий моих и другого»); и б) психологический, или вытеснение, идентификация, идентичность, интроекция, проекция, рационализация [17, с. 11].

Социально-аксиологический механизм видится нам не механизмом социальных иллюзий, а скорее механизмом рефлексии относительно своих представлений о том или ином понятии/явлении действительности (насколько оно иллюзорно или насколько адекватно реальности), в том числе посредством сравнения с представлениями тех же объектов другими индивидами.

По мнению *П.А. Плютто*, «совершенное несовершенство, т.е. непрерывное падение, и есть способ естественного и наиболее устойчивого существования социокультурных иллюзий» [8, с. 42]. Исследуя особую реальность социокультурных иллюзий, он увидел, что они продолжают существовать и работать в обществе и культуре даже тогда, когда появляется знание, разоблачающее их претензию на истинность в качестве иллюзий. Резистентность по отношению к разрушающему их знанию поддерживается в социокультурных иллюзиях до тех пор, пока они являются действенными, т.е. способными решать практические проблемы человеческого общества и культуры. Верным оказывается и обратное положение: чтобы быть практичными, эффективными и действенными, социокультурные иллюзии различными способами вытесняют знание, способное их разрушить [8, с. 20–21].

Следует заметить, что существуют долгосрочные демобилизирующие иллюзии, которые не только не способны решать практические проблемы социума, но, напротив,

заводят общество в тупик. В качестве примера можно привести иллюзорную идею непрерывного роста производства, безграничного потребления, которая привела сегодня человечество на грань экологической катастрофы. Несмотря на их деструктивный потенциал, такие иллюзии достаточно живучи, поскольку опираются на «лжепотребности» (Маркузе); создаваемые с помощью рекламы, они отвечают интересам представителей определенных слоев общества.

«Втягивание» внутрь реальности социокультурных иллюзий происходит на общественном (коллективном) уровне (в современных условиях – с помощью массмедиа, продукции киноиндустрии, с помощью развивающихся возможностей компьютерных технологий и т.д.), а освобождение от них – на уровне индивидуального сознания каждого человека, составляющего данное общество» [8, с. 76]. На наш взгляд, «заражение» иллюзией, «вхождение» в нее может происходить и на индивидуальном уровне. Согласно разработанной нами классификации, по источнику возникновения (субъекту, от которого исходит социальная иллюзия) мы выделяем иллюзии эндогенного и экзогенного характера. В первом случае иллюзии возникают стихийно на уровне индивидуального сознания (самообман), а во втором случае вызываются под влиянием сторонних субъектов (внешних сил, экзогенных факторов).

Заключение

Обобщив работы всех известных нам исследователей данной темы, мы можем выделить основания (источники) социальных иллюзий, факторы их возникновения, а также описать механизмы функционирования рассматриваемого нами фактора социокультурной динамики.

Неадекватное восприятие имеет своим результатом не соответствующее действительности представление о реальном объекте, а его искаженный образ.

Основаниями для формирования такого неадекватного образа-иллюзии служат:

1) на уровне обыденного сознания через основные каналы социализации (семью, учебно-воспитательные учреждения, трудовые коллективы, СМИ) создаваемые соответствующими агентами образы реальности: мнения значимых взрослых, учителей и воспитателей, ровесников и одноклассников/однокурсников, коллег и начальников;

2) на уровне художественного сознания – национальная, зарубежная и интернациональная культура: фольклор, литература, живопись, музыка, театр;

3) на уровне массового сознания – СМИ и СМК.

На всех этих уровнях непосредственными источниками иллюзорных новообразований служат архетипы, содержащиеся в коллективном бессознательном. Выявляются архетипы в мифах, символах, стереотипах, произведениях искусства, фольклоре, идеологии, морали и других феноменах культуры.

На интенсивность процессов продуцирования и/или восприятия социальных иллюзий, на характер их проявления влияет целая совокупность факторов: социально-экономических, культурных, социально-политических, идеологических, психологических, эмоциональных.

Также определенное значение имеют национальная специфика субъектов иллюзорного сознания и такие характеристики личности или группы, как возраст, гендер, уровень воспитания и образования.

При рассмотрении индивидуальных иллюзий важно учитывать такие факторы, как личностные потребности, ценности, установки, желания.

Движущей силой развития иллюзий выступает несоответствие между реальным и идеальным, между возможностями, желаниями и потребностями индивида (или общества), между тем, каков субъект, и тем, каким бы он хотел или должен стать, какое положение желал бы занять или как изменить положение дел.

Механизм генезиса социальных иллюзий представляется нам как процесс совмещения образов коллективного бессознательного (архетипов, содержащихся в мифологических сюжетах, символах, стереотипах, произведениях искусства и фольклора, идеологии, морали и других феноменах культуры) с представлениями о конкретных реальных исторических событиях и явлениях действительности. Иллюзии могут основываться и на повседневном опыте субъекта, структурируя его особым образом: подчеркивая одни детали и фрагменты реальности, нивелируя или опуская другие.

Используя семантический подход, можно обозначить механизм образования социальных иллюзий как элиминацию означаемого, стирание референциальной основы знака. В результате знаки, перестающие быть репрезентацией внешней им реальности, создают иллюзорную гиперреальность.

В жизненном цикле социальных иллюзий также наблюдается несколько этапов: зарождение, развитие, борьба (или совмещение) с другими иллюзорными идеями и оппозиционными взглядами, победа, кульминация, завоевание главенствующего положения в сознании основной массы субъектов, постепенное угасание, деградация и, наконец, полный упадок, разочарование в иллюзорных идеалах, их вытеснение. Следует заметить, что борьба, соперничество с конкурирующими иллюзорными идеями происходит на протяжении всего периода существования рассматриваемого нами феномена.

Также весь процесс существования иллюзий сопровождается постоянным вытеснением представлений, которые опровергают их истинность. Эти враждебные иллюзиям представления могут быть как адекватными действительности, так и искаженными, т.е. предшественниками, элементами новых иллюзий. В любом случае они постепенно приводят к деградации и упадку иллюзорной идеи, после чего занимают освободившееся пространство.

Вся социокультурная динамика может быть представлена как непрерывное волнообразное колебание иллюзорных представлений: зарождение – развитие – расцвет – деградация – упадок. После чего незамедлительно на место разоблаченной иллюзии появляется новая.

Делая выводы о роли (позиции) субъекта (носителя) в механизме иллюзии, следует заметить, что одним из фундаментальных принципов существования социальных иллюзий мы можем назвать сознательное и/или подсознательное нежелание субъекта утрачивать принятые иллюзии. Это нежелание проявляется в игнорировании либо отрицании, отказе принятия знаний, открывающих адекватные действительности представления о себе и о социальной реальности в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еськевич, К. Р. Феномен «ложного сознания» и поиск нового обоснования идеологии в творчестве К. Маркса / К. Р. Еськевич // Проблемы упр. – 2009. – № 4 (33). – С. 109–118.
2. Багаев, К. Ю. Иллюзия [Электронный ресурс] / К. Ю. Багаев // Современ. филос. слов. – Режим доступа: <http://terme.ru/termin/illyuzija.html>. – Дата доступа: 23.01.2018.
3. Белоусова, С. А. Иллюзорные формы обыденного сознания: механизм их образования : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / С. А. Белоусова. – Ставрополь, 1996. – 139 л.
4. Беккер, К. Словарь тактической реальности: культурная интеллигенция и социальный контроль / К. Беккер. – М. : Ультра. Культура, 2004. – 65 с.
5. Шукшина, Л. В. Социально-психологические факторы, влияющие на развитие социальных иллюзий / Л. В. Шукшина // Вестн. ТомГУ. – 2007. – № 6. – С. 120–125.

6. Шукшина, Л. В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий / Л. В. Шукшина // Среднерус. вестн. обществ. наук. – 2009. – № 2. – С. 48–52.
7. Шукшина, Л. В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Л. В. Шукшина. – Саранск, 2010. – 301 л.
8. Плюто, П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального. Опыт анализа социокультурных иллюзий / П. А. Плюто. – М. : Прогресс-Традиция, 2014. – 366 с.
9. Логиновских, Т. А. Креативность сознания как условие и генетическое основание социальных иллюзий / Т. А. Логиновских // Национальная ассоциация ученых. – 2015. – № 5. – С. 51–55.
10. Юсупова, А. М. Журналистика как фактор формирования социальных иллюзий: на примере общественно-политических изданий Уральского федерального округа : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А. М. Юсупова. – Екатеринбург, 2016. – 228 л.
11. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2010. – 784 с.
12. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М. : Акад. проспект, 2005. – 496 с.
13. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко // Библиотека «Гумер». – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/-Culture/Eko/Int_Gutten.php. – Дата доступа: 30.01.2018.
14. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени / К. Манхейм ; пер. с нем. М. И. Левиной. – М. : Юрист, 1994. – С. 7–276.
15. Hirst, R. J. Illusions / R. J. Hirst // Encyclopedia of Philosophy : in 10 vol. / ed. in chief D. M. Borchert. – 2nd ed. – Detroit : Thomson Gale, 2006. – Vol. 4. – P. 585–590.
16. Шукшина, Л. В. Осмысление проблемы социальных иллюзий / Л. В. Шукшина // Предотвращение межэтнических и межконфессиональных столкновений как одна из важнейших задач современной цивилизации : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 1–2 февр. 2012 г. – Пенза ; Семей ; Саранск : Социосфера, 2012. – 114 с.
17. Шукшина, Л. В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Л. В. Шукшина. – Саранск, 2010. – 38 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.03.2018

Dubravina A.M. Genesis and Mechanisms of Functioning of Social Illusions

The scientific views of the scholars who studied the problems of genesis and mechanisms of functioning of social illusions and related concepts are presented: K. Marx, C. Freud, S.V. Belousova, K. Becker, R.J. Hirst, L.V. Shukshina, P.A. Plyutto, T.A. Logvinovskikh, A.M. Yusupova, K.Yu. Bagaev. The novelty of the research is provided by the fact that the author basing on the existing approaches to the problems of genesis and mechanisms of functioning of social illusions develops an authentic and original approach to the object under consideration. The grounds, factors of social illusions are allocated, mechanisms of functioning are determined. The results can be used for further research in the field of social illusions, as well as in teaching humanities; and to improve the skills of the teaching staff involved in the educational process.

УДК 1/33/34

В.И. Резюк

*ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: rezyuk@tut.by*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Проблема классификации экономических систем и идентификации отдельных из них проявляется при решении ряда теоретических и практических задач: при изучении обособленных экономических школ, осуществлении бюджетирования государственных доходов и расходов, оценке эффективности и правомерности отдельных намерений, резолюций, действий. Для решения задач исследования в статье изучаются и оцениваются положения прошлого, а также обозначаются перспективные вопросы с позиции современного сознания, что позволяет рассмотреть основополагающие понятия от экономики и хрематистики до типологии экономических систем и экономической компаративистики, включая выбор способов решений новых проблем и вызовов, в контексте актуального в настоящее время методологического и понятийного аппарата. Исследование осуществляется в рамках философских проблем экономической теории.

Введение

При изучении отдельных общественных формаций, оценке экономических школ, планировании мероприятий и отдельных действий макроэкономического характера, принятии решений соответствующий субъект опирается на некоторые основы, характеризующиеся концептуальными определениями и терминами. Таким понятием является «экономическая система». Признанное эффективным и рациональным в рамках одной экономической системы решение в аспекте некоторых других может обозначаться как недопустимое или нерациональное. Выделение детерминанты указанного вопроса – проблемы классификации экономических систем, имеющей междисциплинарный характер, – и ее рассмотрение позволяют отразить изменчивый характер одного из системообразующих понятий и выйти на необходимый уровень понимания сущностного значения экономической системы.

Исследование теоретических положений прошлого и актуальных вопросов будущего, касающихся идентификации и классификации экономических систем, с позиции современного сознания позволяет нивелировать несоответствие понятийного аппарата категорий «экономика», «экономическая система» и методологического инструментария изучения их состояния, оценки проблематики классификации экономических систем соответствующего исследуемого этапа развития положениям периода исследования (т.е. настоящему времени, ретроспективному по отношению к наступающему состоянию и перспективному по отношению к предыдущему). Оцениваемые таким образом позиции прошлого и будущего находятся в одном понятийном и методологическом пространстве, актуализированном реалиями.

Термин «экономика» использовал греческий поэт Гесиод (VIII–VII до н.э.), а в научном труде его в IV в. до н.э. впервые употребил Ксенофонт, обозначив экономику естественной наукой. Аристотель выделяет диалектику экономики и хрематистики: значение первой состоит в удовлетворении потребностей, необходимых для ведения хозяйства, сущность второй – рассмотрение накопления денег как основной цели. Именно в хрематистике Аристотель видел причину появления опасного и противоестественного для человека, государства и общества мнения о безграничности имущества и богатства: «Хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают ее за саму экономику; но она не экономика... [и] не следует природе, а направлена на экс-

плуатирование. На нее работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращенный» [1].

Последующее состояние общества, начало которому было положено в Европе в XVI в., с позиции Аристотеля можно назвать хрематистическим. С XVII–XVIII вв. в оборот входят термины «капитализм», «западная цивилизация». Все формы обогащения приобрели форму естественного права [2]: в центре социально-экономической мысли возникает «homo economicus» (лат.), «economic man» (англ.) – экономический человек, стремящийся к перманентному обогащению, обладающий высокой экономической интуицией и познаниями, поведение которого определяется факторами экономической природы, принимающий оптимальные варианты экономических решений, которые обозначил Джон Стюарт Милль [3].

В современном мире термин «экономика» обозначает следующее:

1) хозяйство, совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни, удовлетворения потребностей путем создания необходимых человеку благ, условий и средств существования с применением труда;

2) науку о хозяйстве, способах его ведения людьми, отношениях между людьми в процессе производства и обмена товаров, закономерностях протекания хозяйственных процессов [4].

А. Маршал отмечал, что «созидательная конкуренция менее благотворна, чем идеальное альтруистическое сотрудничество... но более чем глупо игнорировать несовершенства, все еще свойственные человеческой натуре» [5, с. 267].

Термин «экономика» окончательно синтезируется с содержанием хрематистики и поглощает это понятие. Такое подобное положение вещей соответствует периоду до XXI в., в начале которого предпринимались попытки переосмысления сложившейся ситуации, предпосылки которой проявляются в проблематике второй половины XX в.

Экономика, как базовый термин, становится основой понятия «экономическая система» – системы упорядоченных и связанных между собой элементов экономики. Экономическая система – это исторически возникшая или установленная, действующая в стране совокупность принципов, правил, законодательно закрепленных норм, определяющих форму и содержание основных экономических отношений, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта.

В начале XX в. С.Н. Булгаков отмечал: «Два основных принципиальных вопроса ставятся для разрешения перед экономической мыслью: вопрос об успешности человеческого труда, или о развитии производительных сил человечества, т.е. о прогрессе экономическом, и вопрос о распределении производимых благ в обществе и о справедливом устройстве экономических отношений людей между собою, т.е. о прогрессе социальном» [6, с. 174]. Во всех экономических системах сталкиваются вопросы использования в производстве экономических ресурсов и распределения (обмена, потребления) результатов хозяйственной деятельности.

По мнению Кэмпбелла Р. Макконелла и Стенли Л. Брю, экономическую систему определяют Five Fundamental Economic Questions – пять фундаментальных вопросов экономики: сколько следует производить; что следует производить; как эту продукцию следует производить; кто должен получить эту продукцию; способна ли система адаптироваться к изменениям [7].

Любая экономическая система имеет структуру, включающую:

1) социально-экономические отношения (охватывают отношения людей и социальных групп);

2) организационно-правовые основы экономической деятельности (охватывают нормативно-правовые основы создания, функционирования и возможной ликвидации субъектов экономической деятельности, определяющие пределы свобод хозяйствования, предпринимательства, включающие как нормативные акты, так и иные источники регулирования общественных отношений (традиции, обычаи делового оборота), а также организационные основы, определяемые декларируемыми ценностями и ориентирами, сложившейся практикой, обусловленной правовой культурой, проявлениями правового нигилизма);

3) связи между субъектами экономической деятельности (охватывают горизонтальные, вертикальные и смешанные коммуникации, связывающие между собой субъекты, обладающие неотъемлемым (безусловным) статусом участника экономической деятельности (отдельными гражданами), и имеющие непостоянный (условный) статус (организациями, предпринимателями), отраженные как возможно абстрактные и реальные, которые, в свою очередь, могут трансформироваться в конкретной ситуации (переход абстрактной связи между организациями к реальной между их представителями в рамках связи «человек – человек»).

Как подэлемент связи между субъектами можно рассматривать мотивацию экономической активности, характеризующую ее содержание, обуславливающую снижение или повышение социально-экономической активности, формирование экономического пессимизма или оптимизма.

Экономической, как и иной системе, присущи такие признаки, как:

1) целостность (каждая экономическая система представляет собой обособленную структурную единицу);

2) структурность (каждая экономическая система имеет структуру, состоящую из отдельных элементов);

3) устойчивость (множество элементов экономических систем обеспечивает их определенную стабильность как самостоятельной категории);

4) развитие (экономическим системам свойственно изменение состояния под влиянием внутренних процессов, воздействием внешних факторов).

Понятие, структура, содержание экономической системы предопределены рядом факторов, на основе которых она формируется, возникает и функционирует, обособливается среди иных. По аналогии обозначенного А.И. Зеленковым содержания связи философии и культуры и в сфере экономики «нельзя забывать, что один из важнейших аспектов специфики философского познания мира состоит в использовании категориально-теоретических средств осмысления исследуемой предметной области». Даже при доминировании иного мышления (художественного, экономически обусловленного) «в философии конструируется и используется язык категориальных абстракций или идеализаций особого рода, в совокупности которых опосредованно отражаются фундаментальные основоположения... апеллирующие не к чувственности и эмоциям», а «к человеческому разуму, претендуя на выражение глубинных и инвариантных основ бытия» [8].

Классификация экономических систем способствует процессу познания в условиях сложившейся общественной формации, доминирующих ценностей. В типологии экономических систем выделяются следующие классификационные признаки: экономическая школа; механизм функционирования и способ управления; форма собственности; цивилизация; способ производства; этап исторического развития; территориальность.

В зависимости от экономической школы, являющейся основой, экономические системы подразделяются на классическую (неоклассическую), институциональную, марксистскую и историческую.

Появление мировой классической экономической школы, ставшей основой политэкономии, связывают с выходом «Исследования о природе и причинах богатства»

А. Смита, где все разнообразие экономического мира представлено как единое целое. Неоклассическая школа (Л. Вальрас, А. Маршалл, И. Фишер), возникшая в конце XIX в., исследовала поведение экономического человека, стремящегося максимизировать доход и минимизировать свои затраты. Исследования классической и неоклассической школ стали основой классической (неоклассической) экономической школы. Институционализм (Т. Веблен, У. Хамилльтон) как школа экономической теории рассматривал влияние различных институтов (государства и права, морали и традиций) на принятие экономических решений; это учение трансформировалось в институциональную экономику. Марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс) в качестве фундаментальной проблемы выделил отчуждение человека от результатов его труда, вызвавшее идеи построения коммунистического общества и уничтожения собственных основ капиталистического общества. Основой исторической экономической системы является одноименное учение, содержанием которого стали изучение и анализ истории хозяйства, конкретных экономических ситуаций и путей их решения (Ф. Лист, В. Рошер, А. Мюллер).

В зависимости от механизма функционирования выделяются традиционная, рыночная, плановая и смешанная экономические системы.

Традиционной экономике характерны преимущественно ручной труд, низкий уровень товарообмена, а в основе решений – вековые обычаи. Система традиционной экономики наблюдается в наименее развитых странах мира (Бангладеш, Афганистан). Рыночная экономика характеризуется многообразием форм собственности, предпринимательской активностью, дифференциацией доходов населения, мощной производственной, транспортной и социальной инфраструктурой. Эта система является основной в отдельных странах Европы (в Англии, в частности). Плановой (централизованной) экономике свойственны приоритет государственной формы собственности, отраслевая монополизация, бюрократизация управления и директивное планирование. Плановая экономическая система характеризует национальные экономики Кубы, Северной Кореи, ранее – СССР. Смешанная экономика представляет собой результат развития экономики с заметной ролью государства; ей свойственны отдельные черты иных видов экономических систем данной классификационной группы: многосекторность экономики, существенная роль государства в управлении и регулировании, ориентация на социальную стабильность. Смешанная экономическая система в последние годы показала себя как самая эффективная и сегодня функционирует в Швеции, Франции, Японии.

Критерий «форма собственности» позволяет выделить классификационные признаки, отражающие частную, государственную, муниципальную и смешанную собственность. Так, в частной системе наблюдается преимущество частной формы собственности, охватывающей как собственность граждан, так и негосударственных организаций, что чаще соответствует либеральному обществу; в государственной – заметное преимущество (кроме формальных проявлений или исключительно деклараций частного собственности) или монополия государственной формы собственности. В смешанной системе наблюдается социально-правовой паритет интересов и положения государства и частных собственников.

В зависимости от мировой цивилизации, стадии которой были, в частности, уточнены Д. Беллом, З. Бжезинским, можно выделить доиндустриальную экономику, индустриальную, постиндустриальную.

Доиндустриальная система характеризуется преобладанием аграрного сектора, натуральным обменом, сословным делением общества, низкой социальной мобильностью членов общества; индустриальная – преобладанием производства, развитым сектором товарно-денежных отношений, высокой социальной мобильностью; постиндустриальная – преобладанием сферы услуг, поиском гармонии элементов триады «госу-

дарство – общество – личность», стремлением к взаимодействию в решениях иных локальных и глобальных проблем.

Классификационный признак «способ производства» раскрывает связи производительных сил и производственных отношений и выделяет определенную надстройку и соответствующую ей экономическую систему: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую и коммунистическую.

Более детальная классификация экономических систем предполагает выделение иных признаков, например, этап исторического развития, территориальность. Так, К. Бюхер в 1893 г. предложил классификацию исторических этапов, определяющих вид экономической системы: этап замкнутого домашнего хозяйства, этап городского хозяйства и этап народно-хозяйственного комплекса. Б. Гильдебранд выделял стадии развития экономик: натурального оборота, денежного оборота и кредитования.

Классификационный признак «территориальность» позволяет идентифицировать экономическую систему с учетом всех ее национальных и местных особенностей: не существует двух абсолютно идентичных систем, поэтому потенциал этой классификационной группы позволяет определить ее рамки в зависимости от потребности исследования. Так, выделяются экономические системы Германии, Канады.

Классификационные группы во всем своем многообразии не являются постоянными: типология экономических систем являет собой динамичную категорию.

Мнения по поводу последовательности и продолжительности периода существования и функционирования отдельных экономических систем также разделились, и вряд ли какому-либо из них можно отдать приоритет. Так, сторонники формационного подхода считают, что каждая общественно-экономическая формация сменяется другой, являющейся более прогрессивной. Основоположниками такого подхода являются марксисты, выделяющие первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации. Являясь одной из доминирующих в XX в., в XXI в. эта позиция подверглась широкой общественной и научной критике: соответствуя этапам развития отдельных экономических систем (прежде всего Западной Европы), формационное деление вступает в явное противоречие с процессом исторического развития отдельных стран (особенно в Азии).

Согласно мнению сторонников стадийного подхода, общество в своем развитии непременно проходит стадии, позволяющие его характеризовать как традиционное, промежуточное, переходное, зрелое, массового потребления. Основоположником этого подхода, особенно популярного во второй половине XX в., является У. Ростоу, который отмечал, что на первой стадии преобладает сельское хозяйство, на второй – централизованное государство и предпринимательство, на третьей происходит промышленная революция, на четвертой отмечается повышение роли города и его населения, на пятой приоритет отдается производству и сфере услуг.

Сторонники организационного подхода считают, что классифицировать экономические системы следует по формам собственности, правосубъектоспособности уполномоченных принимать решения субъектов, способам координации и мотивации экономической деятельности. На этом основании выделяются традиционная, плановая, рыночная и переходная экономические системы. Приобретя особую популярность в последней четверти XX в., до настоящего времени эта точка зрения является доминирующей.

Согласно мнению сторонников цивилизационного подхода, общество в своем развитии проходит семь цивилизаций, и каждой соответствует экономическая система: неолитическая (продолжительностью 30–35 веков), восточно-рабовладельческая (20–30 веков), античная (12–13 веков), раннефеодальная (7 веков), предындустриальная (примерно 4 с половиной века), индустриальная (230 лет), постиндустриальная (130 лет). Особую популярность цивилизационный подход получил в конце XX в.

Сторонники информационного подхода убеждены, что экономические системы можно классифицировать как неиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. При этом основным критерием является уровень развития техники и в настоящее время информационных технологий. Основанный на идеях Дж.К. Гэлбрейта информационный подход особую популярность приобрел в конце XX – начале XXI в. ввиду стремительного развития информационных технологий и критики общества потребления.

Характеристика одной классификационной группы часто затрагивает признаки и характеристики иной, с ней не связанной. Так, в оценке индустриальной модели часто выделяется возрастание роли индивидуума и ослабление роли государства, что в основном касается классификации систем по форме собственности, роли государства.

По мнению А.И. Колганова и А.В. Бузгалова, при исследовании экономических систем возникает проблема соотношения исторического и логического. «Действительного многообразия исторического развития систем и их объективно закономерного, очищенного от случайностей, вектора эволюции; исторического описания всех хитросплетений жизни данной экономики (и теорий, ее отображавших) и логического теоретического знания о закономерностях ее функционирования и развития» [9, с. 12].

С точки зрения категоричности идентификации и относимости выделенные проблемы классификации экономических систем можно классифицировать как относящиеся к конкретной экономической системе, проблемы иных экономических систем и общие проблемы всех экономических систем. Таким образом, можно выделить следующие группы вопросов, связанных с классификацией экономических систем:

- 1) проблемы формирования, выделения и обособления экономических систем;
- 2) проблемы функционирования экономических систем;
- 3) проблемы развития экономических систем;
- 4) проблема изучения экономических систем.

Экономические системы не являются статичными, на смену одной приходит другая, в результате осуществляется естественное эволюционное развитие.

Отдельные проблемы классификации экономических систем позволяют выделить и раскрыть законы материалистической диалектики, оказавшей огромное влияние на формирование и развитие отечественной философии и экономической теории: закон единства и борьбы противоположностей; закон переходы количественных изменений в качественные; закон отрицания отрицания.

В соответствии с законом единства и борьбы противоположностей экономические системы, обособившись от иных, позволяют выделить их характерные черты. Однако именно в каждой из них находится источник развития и изменения. Единство противоположностей экономических системы состоит в том, что:

- а) экономические системы неразрывно связаны между собой; не существует абсолютно уникальных систем, каждая в определенной мере похожа на другие, однако не существует и полного сходства: каждая экономическая система отличается от других;
- б) экономические системы взаимно обусловлены: черты одних экономических систем приобретают черты других.

Борьба противоположностей экономических систем состоит в том, что они противодействуют друг другу, взаимно стремятся поглотить иные.

Закон перехода количественных изменений в качественные, как всеобщий закон развития человека и общества, позволяет говорить о том, что в любой экономической системе накапливаются черты, являющиеся предпосылками нового качественного состояния. При этом процесс накопления объективно не может прерываться, если система функционирует.

Закон отрицания отрицания означает, что переход экономической системы из одного качественного состояния в другое происходит после преодоления старого ка-

чественного состояния и принятия в новом виде того, что было накоплено на предшествующем этапе. Так, вторая половина XX в. была ознаменована борьбой рыночной и плановой моделей экономик. В XXI в. сторонники одной идеи, т.н. рыночники, заимствовали идеи «государственников». Так, широкое внедрение получило планирование и бюджетирование доходов и расходов субъектов экономической деятельности – коммерческих организаций [10, с. 132–133]. И наоборот, степень внедрения рыночных механизмов в государственные модели часто превышала бывшие эталоны (например, либерализация в отдельных постсоветских республиках). Особенную актуальность государственное регулирование приобретает в государствах с развивающейся экономикой. Обязательной частью регулирования является монетарная политика, реализуемая посредством бюджетирования – регулирования государственных доходов и расходов. После распада СССР некоторые положения кейнсианской и некейнсианской школ приобрели особую актуальность, так как форсированная реализация неолиберальной модели, ставшей господствующей в постиндустриальном обществе, в постсоветской экономике провоцировала серьезные проблемы социального характера. Закономерным является трансформация и появление новой модели – социально рыночной, вобравшей в себя многое из кейнсианского учения.

Особое внимание современных белорусских экономистов уделено изучению государственного регулирования рыночной экономики: И.М. Лемешевский выделяет социальную политику рыночной модели, П.С. Лемещенко – институциональную экономику, планирование и регулирование, В.Ф. Байнев – нравственность в экономике и ее инновационное развитие, А.Н. Сенько – управление инвестициями и экономическую безопасность и др. В экономической системе Беларуси, по общему научному и общественному мнению, реализованы инструменты плановой и рыночной экономик, индустриальной и постиндустриальной. Это объективно актуализирует проблему определения всех классифицирующих признаков.

На итоговом пленарном заседании семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов 22 марта 2002 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко так охарактеризовал курс развития: «Создание социально ориентированной рыночной экономики с действенными механизмами государственного и рыночного регулирования». Он выделил признаки «белорусской модели развития»:

1) сильная государственная власть как условие управления государством и обеспечения безопасности граждан, которая призвана определять условия хозяйствования и темпы роста, предотвращать чрезмерное расслоение общества и др.;

2) равноправное функционирование всех форм собственности, соотношение которых должно определяться с учетом национальных интересов;

3) приватизация с участием инвесторов, связывающих с Республикой Беларусь долгосрочные и перспективные планы, способных обеспечить развитие экономики и решение проблем трудящихся;

4) многовекторность экономической политики, предполагающая развитие интеграционных процессов с Российской Федерацией, странами СНГ, другими регионами мира;

5) сочетание экономических и административных методов регулирования;

6) сильная социальная политика как основа белорусской экономической модели [11].

Белорусская экономическая модель характеризуется признаками многих экономических систем: рыночной, смешанной, а также (с позиции сложившейся типологии) чертами различных видов одной классификационной группы. Однако указанная проблематика идентификации и определения классифицирующих начал белорусской экономической системы соответствует диалектике развития общественных отношений.

Изучение и решение проблем классификации экономических систем требует наличия соответствующих инструментов. Представляется, что основой решения должно

стать упорядочение непосредственно процесса классификации экономических систем. Эффективным и специализированным средством является экономическая компаративистика. Компаративистика возникла как область историко-философских исследований философии Востока и Запада, отдельных понятий, категорий и традиций. Экономическая компаративистика – это сравнительное исследование экономических систем, которое в соответствии с современной мировой практикой экономического образования представляет собой необходимый элемент изучения экономической теории [9, с. 3]. Целью экономической компаративистики является изучение различных существующих и существовавших экономических систем. Экономическая компаративистика не просто показывает существование (как одновременно, так и последовательно во времени) различных видов экономических систем, но и анализирует черты сходства и различия между ними. Сравнительное исследование экономических систем выступает как теоретическая и методологическая предпосылка для исследования экономических проблем, дающая возможность реализовать любую исследовательскую задачу с учетом тех факторов, которые указаны выше. Учет многообразия экономических систем позволяет избежать шаблонного подхода к экономике, который вытекает из ограничения знания об устройстве экономических систем стандартной (неоклассической) моделью рыночного хозяйства. Такой ограниченный подход неоднократно породил грубые ошибки при выработке экономических рекомендаций, касающихся экономик развивающихся стран и переходных экономик, трансформирующихся из плановых в рыночные, а также приводил к недооценке возможных вариаций развития самого капиталистического рыночного хозяйства [9, с. 5–6].

Для компаративистских исследований выработан методологический инструментарий, в котором выделяются:

- а) методы целостного социопространственного исследования;
- б) методы социовременного сравнительного исследования.

Сравнение экономических систем осуществляется на основе выделенных параметров сравнения:

- а) отношения, определяющие аллокацию ресурсов;
- б) отношения собственности;
- в) социальные характеристики;
- г) отношения воспроизводства;
- д) механизмы функционирования экономических систем.

В постиндустриальном обществе достижения экономической компаративистики позволяют выделить появление новых качеств рынка и характеристик экономики, объективно оценить экономическую инфраструктуру, государственное и общественное регулирование экономики, а также обратить внимание на человеческий капитал, миграцию, выработать средства неденежной мотивации, эффективные среду и способы управления экономикой. В современном мире имеется острейшая необходимость экономического сотрудничества. Экономическая деятельность в широком понимании, с ее системными институтами, которые оперируют ценными бумагами, финансовыми и иными ресурсами, определяет судьбу и состояние всей мировой реальной экономики. При незначительном изменении отдельных показателей мировую экономику уже сотрясают кризисы. Финансовый крах в одной стране провоцирует кризис в других странах, а также и в мировой экономике. Всем государствам, идущим по пути глобализации, этого нельзя не учитывать [12, с. 10–14].

Ф. Лист выдвигал гипотезу о том, что государство, испытывающее необходимость реформирования хозяйственного комплекса, должно главным образом учитывать не передовой опыт лидеров, а пути решения ими проблем.

Решение проблем классификации экономических систем сопряжено с решением ряда иных вопросов. Так, В.П. Шиенок выделяет методологические проблемы белорусской юриспруденции как «результат противоречий, накопившихся в общественном и индивидуальном сознании» [13, с. 20], криминологии, занимающей «центральное место среди юридических наук» [13, с. 89–99], изучающих противоправные в одной и допустимые, даже рекомендуемые в других экономических системах действия (в частности, это актуально при оценке эффективности и правомерности отдельных бюджетно-правовых решений).

Междисциплинарный характер проблемы классификации экономических систем с выделенными и иными вопросами обуславливает то, что поиск решения будет осуществляться не рамках одной системы, а в более широком пространстве – мультисистемном по отношению к отдельным видам экономических систем.

Заключение

Существование абстракций – экономических систем – в условиях решения теоретических и практических вопросов отраслевого и межотраслевого характера способствует идентификации отдельных экономических школ, выработке в их рамках эффективных и рациональных практических решений, инструментов, обусловленных пределами характеристик этих систем и тем самым максимально адаптированных к условиям, опереждаемым признаками соответствующей системы, а также прогнозированию последующих действий и резолюций.

Проблематика классификации экономических систем обладает созидющим потенциалом: в современном мире глобальных и частных вызовов решение проблемы классификации экономических систем может трансформироваться в появление синтезированных вариантов экономических систем и принятие абсолютно новых решений (социального, бюджетно-правового и иного характера).

Исследование междисциплинарной проблемы классификации экономических систем позволило отразить ретроспективное взаимоотношение экономики и хрематистики как одну из проблем, дальнейшее многообразие сформировавшихся и выделенных классификационных признаков экономических систем, теоретический и практический потенциал экономической компоративистики, необходимость и готовность решения вопросов, связанных с классификацией экономических систем, в перспективе в мультисистемной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: http://www.aristoteles-heute.de/sein_a/sein_A/bewegt/organisch/mensch/aristoteles/politics/-ftp/Part0110.htm. – Дата доступа: 01.08.2017.

2. Аникин, А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей экономистов до Маркса [Электронный ресурс] / А. В. Аникин. – М. : Полит. лит., 1979. – 367 с. – Режим доступа: <http://economics-lib.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st007.shtml>. – Дата доступа: 01.09.2017.

3. Кураков, Л. П. Экономика и право : словарь-справочник [Электронный ресурс] / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. – М. : Вуз и шк., 2004. – 1072 с. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/18201/ЭКОНОМИЧЕСКИЙ. – Дата доступа: 01.08.2017.

4. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 512 с.

5. Генкин, Б. М. Введение в метаэкономику и основания экономических наук : курс лекций / Б. М. Генкин. – М. : НОРМА, 2002. – 367 с.
6. Булгаков, С. Н. О рынках при капиталистическом производстве / С. Н. Булгаков ; сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 528 с.
7. Макконнелл, К. Р. Экономика: принципы, проблемы и политика : в 2 т. / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М. : Республика, 1992. – Т. 2. – 400 с.
8. Философия и методология науки : учеб. пособие для аспирантов и магистрантов [Электронный ресурс] / А. И. Зеленков [и др.] / под ред. А. И. Зеленкова. – 2-е изд., доп., испр. – Минск : ГИУСТ, 2011. – 479 с. – Режим доступа: <http://elib.bs.u.by/bitstream/123456789/-28727/3/Философия%20и%20методология%20науки%20Учебное%20пособие%20для%20аспирантов.%20Под%20ред.%20А.И.%20Зеленкова.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2017.
9. Колганов, А. И. Экономическая компаративистика / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 746 с.
10. Резюк, В. И. Бюджет: генезис понятийного аппарата и юридического содержания / В. И. Резюк // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2017. – № 1. – С. 127–135.
11. Выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на итоговом пленарном заседании постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов 22 марта 2002 г. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-ag-luka-shenko-na-itogovom-plenarnom-zasedanii-postojanno-5783/. – Дата доступа: 01.08.2017.
12. Минашкин, А. Н. Развитие и формирование устойчивой экономической системы в России / А. Н. Минашкин // Регионы России: проблемы и перспективы экономического развития : сб. науч. докл. – М. : Креатив. экономика, 2010. – С. 10–14.
13. Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии и национальной юриспруденции : монография / В. П. Шиенок. – Минск : МИТСО, 2016. – 158 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.02.2018

Rezyuk V.I. The Interdisciplinary Problem of Classification of Economic Systems

The article deals with the interdisciplinary problem of classification of economic systems. The problem of the classification of economic systems and the identification of individual of them is manifested when solving a number of theoretical and practical problems: when studying isolated economic schools, implementing budgeting of state revenues and expenditures, assessing the effectiveness and legitimacy of particular intentions, resolutions, actions. To solve the research problems, the article studies and evaluates the positions of the past, as well as outlines prospective issues from the perspective of modern consciousness that allows us to consider the basic concepts in the period from economics and chrematistics to the typology of economic systems and economic comparativistics, including the choice of ways to solve new problems and challenges, in the context of the currently relevant methodological and conceptual apparatus.

УДК 322(476) + 2(476)

Л.Е. Земляков¹, А.В. Шерис²

¹д-р полит. наук, проф., проф. каф. политологии
Белорусского государственного университета

²канд. полит. наук, заместитель директора НПООО «ОКБ ТСП»
e-mail: 2sheris@tspbel.com

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Анализируются взаимоотношения политики и религии с учетом изменения ее места и роли в политических процессах. Раскрывается многовекторность влияния религиозного фактора на жизнедеятельность белорусского общества. Показывается, что уровень религиозной самоидентификации населения, динамика роста количества и активности религиозных организаций, усложнение структуры и состава религиозного пространства, особенности межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений, сложившихся в последние десятилетия, свидетельствуют об изменениях конфессионально-политической ситуации, требующей переосмысления соотношения религии и политики.

Введение

Религиозная ситуация в современной Беларуси характеризуется различными процессами, происходящими в политической жизни страны и за ее пределами, так и множеством сюрпризов, которые преподносит постсекулярная эпоха.

Проявления религиозности в современной Беларуси условно можно представить двумя сегментами, один из которых составляют юридически институализированные, т.е. легальные, формы, а другой – нелегальные. В данной статье делается попытка анализа религиозной ситуации сквозь призму легальных форм религиозности (зарегистрированных конфессий).

Как известно, Республика Беларусь является светским государством, граждане которого вправе «самостоятельно определять своё отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» [1, с. 9]. В настоящее время между белорусским государством и такими религиозными организациями, как Белорусская Православная Церковь (БПЦ), Римская католическая церковь (РКЦ), иудейскими и мусульманскими общинами, установились разной степени партнерские отношения. При этом государство призвано создавать условия, в соответствии с которыми все «религии и вероисповедания равны перед законом». Однако следует подчеркнуть, что государство имеет все основания для регулирования деятельности на территории республики религиозных организаций с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [1, с. 6–7].

Исторически сложилось так, что на территории Беларуси действуют несколько религиозных конфессий, отношения между которыми на протяжении веков складывались неоднозначно. При этом православие в стране продолжает оставаться доминирующей религией, поскольку православными считают себя абсолютное большинство верующих. Римско-католическая церковь является второй по численности конфессией, хотя и со значительным отставанием от православной. По сложившейся традиции РКЦ выполняет не только роль религиозной организации и осуществляет миссионерскую деятельность в белорусском обществе, но и системно оказывает прозападное влияние

на территории страны. В своей деятельности РКЦ использует различные методы, в том числе многовековой опыт католических орденов (прежде всего иезуитов), сыгравших, по мнению белорусского исследователя Л. Криштаповича, отрицательную роль в истории белорусского народа. Так, появившись в Великом Княжестве Литовском в 1569 г., иезуиты завладели большей частью полоцких церквей с их землями. Религиозная война, которую члены «Общества Иисуса» объявили православным людям, освящалась папским престолом [2, с. 55].

Следует обратить внимание на развитие в нашей стране различных направлений протестантизма, которые получили за последнюю четверть века все необходимые условия для своего легального функционирования.

Несмотря на то, что Беларусь является в большинстве своем православной страной, реалии современной религиозной жизни подчеркивают ее многоконфессиональность. По сведениям Уполномоченного по делам религий и национальностей, в Беларуси по состоянию на 01.01.2017 г. зарегистрировано 25 религиозных конфессий, которые объединяют в своем составе 3 337 религиозных общин [3]. Помимо БПЦ и РКЦ в республике зарегистрированы и официально функционируют различные протестантские деноминации, иудаистские, исламские и некоторые другие религиозные общины.

Одной из основных характеристик религиозной сферы является уровень религиозности населения. Оценка количества верующих является специальной социологической проблемой, поскольку религиозная самоидентификация в белорусском обществе выходит за рамки культового поведения. Так, по результатам социологических опросов, проведенных Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь за период с 2010 по 2016 г., число верующих варьирует от 73 % (верят в Бога – 69 %, в сверхъестественные силы – 4 %) в 2010 г. до 67,8 % (верят в Бога – 63,7 %, в сверхъестественные силы – 4,1 %) в 2016 г. При этом 78 % опрошенных в 2010 г. считали себя православными, но это свидетельствует не столько о конфессиональной принадлежности, сколько об отождествлении с определенной культурой и представлениями о религиозности вообще. Само по себе данное явление показывает высокий авторитет православия по сравнению с другими конфессиями. Высокий статус православия также подтверждается результатами социологических опросов, проведенных в 2016 г., согласно которым среди верующих 84,3 % отнесли себя к православию, 8,4 % – к католицизму, 0,7 % – к протестантизму, 0,4 % – к исламу, 0,2 % – к иудаизму, 1,1 % идентифицировали себя с другими конфессиями, 0,1 % – не дали ответа на вопрос о конфессиональной принадлежности; 4,9 % верующих не отнесли себя ни к какой конфессии [4].

При этом неважно, по каким критериям респондент относит себя к определенной конфессии и обязательно ли он является практикующим участником той или иной религиозной общины; главное, что соответствующая религия имеет для него некую особую ценность в сравнении с другими верованиями.

Расхождение данных о конфессиональном составе населения (в 2010 г. – 93,4 %; в 2016 г. – 95 %) и количестве верующих (в 2010 г. – 71,6 %; в 2016 г. – 67,8 %) указывает на особенности религиозной самоидентификации белорусов, выходящей за рамки культового поведения. По мнению большинства современных религиоведов, этот феномен характерен для всего постсоветского пространства. Академик Е.М. Бабосов, исследуя проблему религиозной идентификации жителей нашей страны, пришел к выводу, что современное состояние религиозности в Беларуси представляет собой сложный, многослойный, многокомпонентный духовно-социальный феномен, в котором преобладает православная самоидентификация. Эти особенности необходимо учитывать в сложившейся системе государственно-конфессиональных отношений [5, с. 32–33].

Важное значение для повышения влияния Белорусской Православной Церкви на жизнедеятельность общества имело создание в октябре 1989 г. Белорусского Экзархата Московского Патриархата. 16 октября 1989 г. Священный Синод Русской Православной Церкви назначил Патриаршим Экзархом митрополита Минского и Белорусского Филарета (Вахромеева), присвоив ему титул «Минский и Гродненский, Патриарший Экзарх всея Белоруссии». После учреждения самостоятельной Гродненской епархии, а также в связи с образованием независимого государства – Республики Беларусь в 1992 г. титул Патриаршего Экзарха был изменен и стал возглавляться за богослужением, как «Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси». Решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 25 декабря 2013 г. Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Слуцкий Филарет был почислен на покой в связи с достижением 75-летнего возраста. Синод определил быть митрополиту Филарету «Почетным Патриаршим экзархом всея Беларуси», сохранив за ним право участия в работе Священного Синода и почетное протокольное место за богослужениями и в официальных церемониях. Новым Патриаршим Экзархом всея Беларуси тогда же был избран митрополит Рязанский и Михайловский Павел (Пономарев), которому был присвоен титул «Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси». В октябре 2014 г. в связи с учреждением в Белорусском Экзархате новых самостоятельных епархий и уточнением границ Минской епархии Священный Синод Русской Православной Церкви присвоил Патриаршему Экзарху, митрополиту Павлу новый титул: «Минский и Заславский, Патриарший Экзарх всея Беларуси».

Ко времени образования Белорусского Экзархата в его составе было 4 епархии (Минская, Полоцкая, Пинская и Могилевская). В 1990 г. возрождены епископские кафедры в Бресте и Гомеле, в 1991 г. – в Новогрудке и Гродно, в 1992 г. – в Турове и Витебске. В 2007 г. образована Бобруйская епархия. В 2002 г. в составе Минской епархии учреждено Борисовское викариатство. В 2006 г. учреждается Друцкое викариатство Витебской епархии [6].

На 01.01.2017 г. в состав БПЦ входили 14 епархий: Минская и Заславская; Полоцкая и Глубокская; Пинская и Лунинецкая; Могилевская и Мстиславская; Брестская и Кобринская; Гомельская и Жлобинская; Новогрудская и Слонимская; Гродненская и Волковысская; Туровская и Мозырская; Витебская и Оршанская; Борисовская и Марьиногорская; Слуцкая и Солигорская; Молодечненская и Столбцовская; Лидская и Сморгонская, а также Дятловское викариатство Новогрудской епархии. Насчитывалось 1 670 общин и 35 монастырей. Свое служение совершали 15 архиереев, более 1 700 священников и 220 диаконов, 432 монашествующих и иноков. Подготовка священнослужителей, преподавателей церковных учебных заведений, церковных ученых, сотрудников церковных учреждений и других специалистов в области православного богословия осуществлялась в Минской духовной академии, в двух духовных семинариях, институте теологии Белорусского государственного университета и в четырех духовных училищах. Одним из крупнейших издательских и духовно-просветительских центров на территории СНГ является Издательство Белорусского Экзархата, которое ежегодно выпускает в свет сотни наименований книг духовно-нравственного содержания.

За более чем тысячелетний период пребывания православной церкви на территории современной Беларуси на протяжении ряда лет она испытывала на себе притеснения, а порой и подвергалась гонениям со стороны как польско-католических, так и советских властей, одновременно приобретая опыт служения православной вере в сложных условиях. Как известно, земли современной Беларуси в разное время входили в состав разных государств, но, несмотря на социально-политические трансформации, которые происходили на их территории, православному духовенству удалось сохранить веру, способствуя поддержанию своего высокого авторитета в обществе.

В 90-е гг. XX в. начали происходить изменения и в Римско-католической церкви на территории Беларуси. 25 июля 1989 г. папа Иоанн Павел II назначил Тадеуша Кондрусевича Апостольским Администратором Минской епархии для католиков в Беларуси, а 13 апреля 1991 г. Тадеуш Кондрусевич стал архиепископом и был назначен Апостольским Администратором для католиков латинского обряда Европейской части России с местом пребывания в г. Москве. Тогда же епископ Казимир Свентек был назначен Митрополитом вновь созданной Минско-Могилевской архиепархии и апостольским администратором обновленной Пинской епархии. В мае 1999 г. было зарегистрировано республиканское религиозное объединение «Конференция католических епископов в Беларуси». Ее председателем был избран кардинал Казимир Свентек, который руководил ее работой до июня 2006 г. 21 сентября 2007 г. папа Бенедикт XVI назначил Тадеуша Кондрусевича архиепископом Митрополитом Минско-Могилевским, переведя его из Москвы в Минск [7].

Следует отметить, что Римско-католическая церковь – особый актор, совмещающий в себе свойства транснационального неправительственного учреждения и одновременно суверенного государства. Она, с одной стороны, представляет собой религиозное сообщество со своими институтами, которое осуществляет деятельность, присущую любой религиозной организации, с другой – в лице своего религиозного центра, Ватикана, является признанным международным юридическим субъектом, активно участвующим в мировой политике и ведущим интенсивную дипломатическую деятельность посредством своих легатов и апостольских нунциатур, которых Святой Престол направляет для участия в различных международных организациях и конференциях, увеличивая, таким образом, влияние католической церкви в мире. Так, Святой Престол имеет статус постоянного наблюдателя при ООН, ВТО, Совете Европы, Африканском Союзе, Латинском Союзе и т.д. Папской дипломатии удалось добиться членства в ОБСЕ, ЮНКТАД, МАГАТЭ [8, с. 168].

Дипломатические отношения между Беларусью и Ватиканом были установлены в ноябре 1992 г., а годом позже в Минске появилось посольство Ватикана.

По состоянию на 01.01.2017 РКЦ в Беларуси объединяет четыре епархии. Общее количество религиозных общин РКЦ увеличилось со 121 (1988 г.) до 495 (2017 г.), т.е. в четыре раза. В республике функционируют 4 духовных учебных заведения (теологическая академия, 2 духовные семинарии, катехизический колледж для мирян), сотни воскресных школ, 11 миссий и 9 монастырей. Общины располагают 491 костелом, 37 строятся. Всего за период с 1988 г. по 2017 г. государством было передано РКЦ более 300 объектов. В религиозных общинах РКЦ осуществляют свою деятельность 450 священнослужителей, из них 113 являются иностранными гражданами, преимущественно из соседней Польши [3].

Римско-католическая церковь ведет активное строительство костелов, которые возводятся в том числе и в тех местностях, где католических храмов ранее никогда не было, а количество проживающих католиков незначительно. В вопросе строительства культовых сооружений католические иерархи исходят из того, что появление костелов неизбежно приведет к возникновению католического прихода и распространению католицизма, так как строительство новых католических храмов способствует росту количества ксендзов, подготовка которых ведется не только на территории Беларуси, но и за ее пределами [10]. Из действующих католических учебных заведений следует отметить Высшую духовную семинарию Гродненской епархии РКЦ (с 1990 г. подготовлено около 200 священнослужителей) и Межепархиальную высшую духовную семинарию имени Святого Фомы Аквинского, расположенную в Пинске.

В настоящее время РКЦ осуществляет в Беларуси широкую миссионерскую деятельность, причем не только в местах традиционного проживания сторонников ка-

толического вероисповедания. Католическое богослужение ведется в основном на польском и белорусском языках. При этом белорусский язык стал использоваться в католических службах не для того, чтобы сделать их более доступными для понимания прихожанами. Скорее, это один из способов продвижения идей западнохристианской цивилизации среди белорусской интеллигенции и молодежи. С этой же целью РКЦ оказывает широкую поддержку такому прозападному культурно-историческому течению, как рыцарские клубы. Всего в республике работает несколько десятков рыцарских клубов, которые помимо исторической реконструкции занимаются романтизацией и популяризацией западного рыцарства и средневекового католицизма.

РКЦ уделяет значительное внимание освоению информационного пространства Беларуси. Издаются журналы «Наша вера», «Аве Мария», информационный бюллетень «Каталіцкія навіны», в Пинской епархии выходит журнал «Дыялог», а в Гродно – епархиальная газета «Слова жыцця» на белорусском, русском и польском языках. Действует католическое издательство «Про Христа», выпускающее религиозную литературу на белорусском языке. По воскресным дням белорусское радио транслирует богослужения из архикафедрального костела Пресвятой Девы Марии в Минске. Первый канал белорусского телевидения регулярно транслирует католические рождественские и пасхальные богослужения. Кроме того, осуществляется прямая передача праздничных богослужений из Ватикана. Из этого следует, что католический прозелитизм на канонической территории БПЦ в последние годы заметно растет, и при этом Римско-католическая церковь не видит необходимости в каком-либо ограничении своей миссионерской деятельности среди православного и православно ориентированного населения [10].

Ватикан рассматривает свою деятельность в Республике Беларусь как возвращение в свое лоно утерянного им пространства для усиления влияния РКЦ и католической религии среди населения. В настоящее время Республика Беларусь рассматривается Ватиканом как наиболее естественный и благоприятный плацдарм для своей миссионерской деятельности на постсоветском пространстве, которая вполне укладывается в формат современной политики Запада, выражающейся как в продвижении НАТО и Европейского союза на Восток, так и в политике прозелитизма Ватикана.

Несмотря на то, что Святой Престол декларирует в своей деятельности цели экуменического и гуманитарного характера, с его стороны налицо однозначное стремление повысить общественный статус и роль Римско-католической церкви не только в Республике Беларусь, но и в других бывших советских республиках [7, с. 173].

РКЦ сегодня активно проводит курс, направленный на укрепление позиций в нашей стране униатства. Так, первая униатская община появилась в современной Беларуси в 1990 г., а на 1 января 2017 г. Греко-католическая церковь уже насчитывала 15 зарегистрированных религиозных общин, 16 священнослужителей и два культовых сооружения: униатская церковь в Полоцке и часовня в Могилеве. В Минске, Бресте и некоторых других городах действуют униатские душпасторские центры. Греко-католическая церковь в Беларуси поддерживает тесные отношения с белорусскими католиками за рубежом (в Западной Европе и Америке). При этом она активно сотрудничает с Украинской Греко-католической церковью, епископы которой рукополагают униатских священников из Беларуси, а их обучение осуществляется в Ивано-Франковской униатской семинарии.

С учетом некоторых особенностей сегодняшней социально-политической обстановки в нашей стране следует принимать во внимание, что униаты, как правило, стремятся принимать активное участие в политическом процессе, прибегая к самым изощренным и далеко не религиозным приемам и способам влияния на паству. Так, в Украине с самого начала политического кризиса униаты заняли одну из сторон конфликта и своими активными действиями способствовали углублению раскола украинского об-

щества. Говоря об этом, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион отметил, что стремление построить веротерпимое общество зачастую приводит к результатам, обратным желаемым. Народ Украины остается глубоко разделенным не только по своим политическим предпочтениям, но и по религиозному признаку. Сегодня вновь со всей очевидностью подтверждается, что уния была и, к сожалению, остается спецпроектом Ватикана, направленным на подрыв канонического Православия [8]. Что касается Беларуси, то, как отмечают политологи и религиоведы, попытки возрождения униатства на ее территории предпринимают в том числе и представители радикальной прозападной оппозиции, не скрывающие своей русофобии и ненависти к православию.

Оценивая религиозную ситуацию в Республике Беларусь, ряд исследователей, и в частности Н.М. Сергеев, Е.Я. Подлесный и др., констатируют, что на Беларусь обрушивается информационный поток пропаганды католицизма и униатства как якобы исторических вероисповеданий белорусского народа. Серия научных и публицистических работ, обширная издательская и «культурно-просветительская» деятельность Польского института в Минске, блок оппозиционной (и не только оппозиционной) прессы с ярко выраженной западнохристианской ориентацией и т.д. формируют приверженность католическим и униатским религиозным воззрениям. Одновременно некоторые пытаются представить православие как некую враждебную силу в истории Беларуси. Здесь явно просматриваются политические интересы определенных социальных групп. Отношение «старажытных» белорусов к православной вере, католицизму и униатству принимает политический контекст для сегодняшнего дня, и обозначенная тематика требует более подробного исторического анализа и всестороннего рассмотрения [11, с. 87]. Не секрет, что определенное влияние на конфессионально-политическую ситуацию в Беларуси оказывает и деятельность зарубежных миссионеров.

В религиозной сфере современной Беларуси определенное место занимает протестантизм, который представлен 13 религиозными направлениями, имеющими по состоянию на 01.01.2017 г. 1 032 религиозные общины. Из них одна принадлежит реформатской церкви, 27 – лютеранской церкви, 280 – церкви евангелических христиан-баптистов, 21 – новоапостольской церкви, одна – пресвитерианской церкви, 521 – церкви христиан веры евангельской, 59 – христианам полного Евангелия, 10 – христианам веры апостольской, 5 – церкви Христа, 3 – мессианским общинам, 73 – церкви адвентистов седьмого дня, 27 – свидетелям Иеговы, 4 – мормонам [3]. Всего же за последние три десятилетия число протестантских направлений возросло почти в 5 раз (с 3 в 1988 г. до 13 в 2017 г.); количество общин – в 4,6 раза (с 221 в 1988 г. до 1 032 в 2017 г.), хотя в последние 5–6 лет рост их численности прекратился. Сегодня протестантские течения объединяют в Беларуси порядка 0,7 % верующих, но, являясь религиозным меньшинством, протестанты отличаются высокой миссионерской и социальной активностью, охватывая своей религиозной инфраструктурой почти всю республику [3].

С начала XX в. основной зоной появления и распространения протестантских течений является территория нынешних Брестской и Гомельской областей, но постепенно происходит их продвижение на территории Минской, Могилевской и Гродненской областей. При этом миссионерская деятельность протестантов эффективно координируется в республиканском масштабе. Как отмечает политолог Н.М. Сергеев, отдельные религиозные группы (ОЦХВЕ, ЕХБ, адвентисты и др.), считавшиеся более четверти века назад сугубо сектантскими, превращаются в более влиятельные религиозные течения, которые не только энергично продвигают западное христианство, но и активно способствуют вестернизации самосознания жителей страны [10, с. 81].

На наш взгляд, конфессионально-политическая ситуация – это сложившаяся в определенный период времени социальная конфигурация религиозного и политиче-

ского (сопряжение и пересечение религиозного и политического); она выражена в совокупности диспозиций религиозных и политических акторов в контексте социальных событий, процессов или тенденций, а также в моментах и элементах взаимной актуализации религиозного и политического.

Социально-экономическая и политическая трансформация белорусского общества привела к существенным изменениям в религиозной жизни страны, а также вызвала оживленную дискуссию о принципах взаимоотношений государства и религиозных организаций. Государственно-конфессиональные отношения в Беларуси представляют собой совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений между государственными структурами с одной стороны и религиозными организациями с другой. Государственно-конфессиональные отношения являются одной из составных частей внутренней и внешней политики государства, цель которых – содействие согласию в белорусском обществе, обеспечение свободы совести и вероисповедания граждан, создание правового поля для осуществления всестороннего диалога с религиозными организациями, учет мнений и интересов населения, имеющего религиозную форму общественного сознания и выражающего его через религиозные организации.

Республика Беларусь не производит сегодня впечатления как страна, на территории которой происходит «столкновение цивилизаций» или существует межконфессиональная напряженность. В целом отношения между религиозными конфессиями могут быть охарактеризованы в нашей стране как взаимоуважительные и взаимодополняющие. Но вспомним, что относительно недавно такая же ситуация наблюдалась и в Югославии, и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке, и в Украине. Однако обстановка в этих регионах кардинально изменилась менее чем за десятилетие. Поэтому, думается, обольщаться здесь не надо: положение с межконфессиональным согласием повсеместно изменчиво и непостоянно.

От стремления и способности традиционных конфессий и государства наладить межконфессиональный и государственно-конфессиональный диалог зависит не только устойчивое развитие всего общества, но и его безопасность, а также эффективность противодействия внешним и внутренним угрозам. Не случайно хорошие добрососедские отношения между конфессиями, их общая ценностная основа становятся одним из главных объектов информационной войны, ведущейся против Белорусского государства самыми разными политическими силами, не заинтересованными в его мирном развитии и процветании.

Система межконфессиональных отношений становится предметом атаки также со стороны экстремистов, как международных, так и внутрибелорусских, что также не случайно. После десятилетий напряженных исканий белорусское общество проделало немалый путь и медленно, но неуклонно приходит к осознанию собственной национально-государственной идентичности, которая неразрывно связана с ценностями традиционных для нашего общества религий и прежде всего православия. Эта конфессия не только является самой многочисленной. Ее присутствие в истории и культуре народа Беларуси, наряду с католицизмом, протестантизмом, исламом и иудаизмом, измеряется столетиями. Вот почему взаимоуважительный конструктивный диалог между этими конфессиями становится формой общественного развития.

Следует полагать, что и в будущем Беларусь будет оставаться поликультурным, полиэтничным и поликонфессиональным обществом, где глубина, направленность и характер межконфессиональных отношений зависят не только от коллективного целеполагания, но и от наличия духовных ценностей, разделяемых всеми его участниками.

Заклучение

В целях содействия сохранению и укреплению межконфессионального мира и согласия в Республики Беларусь, поддержания традиций веротерпимости, межконфессионального диалога между представителями различных конфессий и религиозных направлений, содействия созданию надлежащих условий для реализации прав граждан на свободу совести и вероисповедания, гарантированных Конституцией Республики Беларусь, а также оказания помощи в организации межконфессиональных мероприятий, направленных на предотвращение распространения межконфессиональной розни, координации инициатив религиозных объединений, в 2008 г. в нашей стране создан и действует Консультативный межконфессиональный совет при Уполномоченном по делам религий и национальностей, в который входят руководители и полномочные представители БПЦ, РКЦ, иудейской, мусульманской, старообрядческой и протестантских конфессий и направлений, а также представители различных государственных ведомств. При этом основным проводником идеи межконфессионального диалога наряду с государством выступает БПЦ, по инициативе которой в период с 1991 г. был проведен ряд мероприятий по углублению диалога между христианами и мусульманами, христианами и иудеями, православными и католиками.

Таким образом, как показывает приведенный выше анализ, динамика формирования конфессионально-политической ситуации в нашей стране в последние десятилетия складывается довольно неоднозначно и требует более пристального внимания со стороны государства в целях как поддержания межконфессионального мира и согласия в обществе, так и сохранения традиционного для Беларуси конфессионального пространства. Внутриконфессиональные и межконфессиональные отношения не могут рассматриваться как изолированные от других отношений в обществе. Они составляли и составляют неотъемлемую часть социальной, а в последние десятилетия и политической жизни. Их развитие или консервация, протекающие под влиянием веры и религиозных убеждений, во многом связаны с ходом социальных и политических процессов. В этом контексте должна происходить эволюция общества в сторону сохранения уважительного отношения к религиозным нормам и традициям, что подразумевает обоюдное стремление к мирному и гармоничному сосуществованию членов всех традиционных религиозных конфессий и общества в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 2004 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.
2. Криштапович, Л. Е. Беларусь как русская святыня / Л. Е. Криштапович. – Минск : Ковчег, 2013. – 136 с.
3. Приветствует Беларусь! [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <http://www.belarus21.by/>. – Дата доступа: 22.03.2017.
4. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2016 г. / А. В. Папуша [и др.] ; Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск : Белорус. Дом печати. – 2017. – 209 с.
5. Шерис, А. В. Влияние религиозного фактора на обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь / А. В. Шерис. – Минск : Право и экономика, 2015. – 176 с.

6. Белорусский Экзархат [Электронный ресурс] // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. – Режим доступа: <http://church.by/beloruskiy-ekzarhat/>. – Дата доступа: 20.03.2017.

7. Рыма-Каталіцкі касцёл у Беларусі [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://catholic.by/>. – Дата доступа: 22.03.2017.

8. Земляков, Л. Е. Актуальные вопросы взаимоотношения государства и Римско-католической церкви в современной Беларуси / Л. Е. Земляков, А. В. Шерис // Филос. исслед. : сб. науч. тр. / редкол.: Т. И. Адуло (гл. ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Белорус. наука, 2016. – Вып. 3. – 292 с.

9. Начал работу IV Европейский православно-католический форум в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3665597.html>. – Дата доступа: 27.03.2017.

10. Сергеев, Н. М. Религиозная ситуация в Республике Беларусь / Н. М. Сергеев // Обозреватель. – 2016. – № 11 (322). – С. 58–87.

11. Подлесный, Е. Я. Страницы политической истории Беларуси (XIV–XIX вв.): цивилизационный разлом / Е. Я. Подлесный. – М. : МБА, 2015. – 136 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.02.2018

Zemliakov L.E., Sheris A.V. Dynamics of Confessional-Political Situation Forming in Modern Belarus

The article studies the peculiarities of forming the confessional-political situation in the Republic of Belarus at the present stage. Interrelations of politics and religion are analyzed taking into account changes of its place and role in political processes. The multi-vector nature of the religious factor influence on the vital activity of the Belarusian society is discovered. It is described that the level of religious self-identification of the population, dynamics of growth of the number and activeness of religious organizations, sophistication of the structure and variety of composition of the religious space, peculiarities of inter-confessional and state-confessional relations that have been formed in recent decades, indicate changes of the confessional-political situation which requires rethinking of the religion-politics correlation.

УДК 316.46+323.2

А.И. Лысюк¹, Д.А. Лысюк²¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²магистр полит. наук, эксперт Брестского областного
культурно-просветительского общественного объединения «Логос»
e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²mitiaus@gmail.com**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ**

Осуществляется анализ воздействия ценностей постмодерна на политическое лидерство. Указывается, что в обществе происходит утверждение постидеологии, связанное с падением политического влияния традиционных политических идеологий и религиозных верований, наблюдается эклектика политико-идеологических принципов, широкое распространение идеологием, что способствует приходу к власти политиков, исповедующих идеологическую индифферентность. Наряду с этим наблюдается широкое распространение мультикультурализма и культурного плюрализма, зарождение и усиление новых социальных ценностей (гендерных, экологических и др.), что детерминировало появление широкого спектра политических движений и лидеров, представляющих их в большой политике. Одновременно как реакция на идейную эклектику и мультикультурализм актуализируется тема возвращения к национальной традиции, что обусловило приход на самые высокие политические позиции лидеров, артикулирующих тематику национального возрождения и обновления.

Введение

Политическое лидерство, являясь не только институциональным, но и социокультурным образованием, не может не испытывать на себе воздействия смены в обществе ценностных парадигм, в особенности цивилизационных, мировоззренческих и политико-культурных. Как отмечает российский политолог А. Соловьев, «накопленный человечеством опыт убедительно свидетельствует о неуклонном повышении роли социокультурной детерминации политических процессов... Роль этого типа каузальности зачастую оказывается значительно выше, чем воздействие на политический процесс институциональных структур или законодательно-правовых норм... Политическая сфера жизни представляет ту сферу социальности, которая наиболее жестко зависит от влияния культурных факторов, лежащих в основании характерной для концептуализации этой сферы символической идентификации и мотивации акторов» [1, с. 126–127]. Закономерным образом смена/сдвиг доминантной модели ценностных ориентаций в социуме, переход от модерна к постмодерну, от материальных ценностей к ценностям постматериальным не могут не приводить к существенным изменениям господствующих типов и стилей политического лидерства во всех его базовых компонентах: лидер, последователи, отношения между ними, институциональный и социокультурный контенты и контексты.

Укоренение в социальную ткань современного общества ценностей постмодерна приводит к тому, что, как утверждают польские политологи Т. Bodio и Р. Załęski, «на наших глазах разрушаются парадигмы в сфере управления государством, все выразительнее не оправдываются традиционные механизмы легитимизации властных элит. Мы наблюдаем процесс формирования нового типа политики, которая принуждает нас к переосмыслению существовавших до сих пор аксиом относительно государственных устройств, организации власти, а также публичной жизни и международного сотрудничества» [2, с. 388]. В условиях «постмодернистского империализма» в наибольшей степени ценности постмодерна и, соответственно, детерминированный ими новый формат

политики и политического лидерства утвердились в скандинавских государствах, Канаде и Нидерландах.

Научная литература, большей частью англоязычная, где изучается влияние постмодерна на политическое лидерство, представлена работами, исследующими воздействие отдельных новых социальных ценностей на новые форматы лидерства [3; 4]. Однако отсутствуют работы, посвященные исследованию этого процесса как интегрированного целого, проявляющегося через постидеологию и формирующуюся на ее основе постполитику, что является целью данной статьи.

Приступая к подобному анализу, следует сделать несколько важных методологических оговорок. Во-первых, указать на нелинейность, аритмию процесса утверждения ценностей постмодерна в отдельных социальных системах, тем более принадлежащих к различным цивилизациям. Во-вторых, исходить из возможности возвратного движения (от постмодерна к модерну) в случае возникновения угроз в сфере экономической, политической и других форм безопасности. В-третьих, отметить его (постмодерна) фрагментарность и несовпадение по динамике утверждения в отдельных странах и континентах. В-четвертых, констатировать наличие межпоколенческой дифференциации по отношению к этой группе ценностей. В-пятых, избегать однозначно позитивной интерпретации новых социальных ценностей, поскольку многим из них присуща противоречивость, неоднозначность и контекстуальность. В-шестых, обратить внимание на новое прочтение постмодерном феномена традиции, в особенности через диалектический метод отрицания отрицания. В-седьмых, отметить эклектичность данной группы ценностей, функционирующих в социальной системе. В-восьмых, указать на происходящее в эту эпоху стирание границ между «высшей» и «низшей» культурами, т.е. культурами социальных масс и политического класса. В-девятых, избегать чрезмерного противопоставления ценностей модерна и постмодерна, поскольку в реальном обществе наблюдается их известная взаимосвязь и взаимозависимость и «они являются частью единого целого, несмотря на внутренние противоречия» [5, с. 3].

Постидеология и ее влияние на политическое лидерство

Как справедливо отмечает американский исследователь Р. Ингхларт, «ключевой мотив постмодернизма – это недоверие ко всем метанарративам: все идеологии, религии и другие общие объяснения... не достойны доверия» [6, с. 348]. С точки зрения постмодернистского мышления, ставшего доминирующим в странах Запада начиная с 70-х гг. XX в., субъектам политики целесообразно стремиться в сторону «центра», мыслить и действовать «за пределами левого и правого» (Э. Гидденс) и ориентироваться на разработку и следование в политике «третьему пути».

Этот процесс «деидеологизации» основывался и на том, что, как утверждает российский эксперт Л. Шевцова, «после падения Советского Союза исчезла необходимость в борьбе идеологий и борьбе за умы граждан. У либеральной цивилизации исчезла потребность обосновывать себя и возникла уверенность в безмятежном движении безо всяких идеалов – к успеху и благоденствию» [7]. В этом контексте можно упомянуть и известное высказывание лидера польских либералов, а в настоящее время председателя Европейского совета Д. Туска об «идеологии горячей воды в кранах»: главное для политика – обеспечение достойного уровня жизни населения, а не артикуляция и презентация определенных политико-идеологических систем.

Подобный тренд приводит к нескольким политико-идеологическим эффектам, способным порождать у части избирателей не только новые представления о политике и мире, но даже когнитивные диссонансы. В первую очередь отметим, что на место прежней идеологической определенности приходит *электика* идеологических принципов, стратегических и тактических программных положений. В результате этого воз-

никает ситуация, когда преимущественные шансы на успех получают те политические лидеры, которые уже не придерживаются традиционных идеологических представлений, а артикулируют (осознанно) в угоду политической конъюнктуре определенный набор («коктейль») «идей», представляющих различные идеологические системы. Когда же властвующие персоны в своей политической практике фокусируются на следовании прежним устойчивым идеологическим принципам (например, М. Шульц в Германии или Ф. Олланд во Франции), то достаточно часто у них не наблюдается роста электоральной поддержки. В свою очередь, например, государственное лидерство консерватора А. Меркель или же либерала Э. Макрона во многом основывается на том, что в свои политические практики они аккумулировали среди прочего и традиционные социал-демократические ценности и проекты, в особенности касающиеся поддержки социально уязвимых категорий населения.

Идеологическая эклектика может приводить и к тому, что немалая часть политических лидеров оказывается настолько лишенной четких идеологических ориентаций, что оценку их политического лица осуществляют по иным (во многом случайным и второстепенным) критериям (например, отношения с женщинами или же футбольные предпочтения бывшего премьер-министра Италии С. Берлускони). С другой стороны, постмодернистская эклектика, в которой отсутствуют четкие и безусловные нормы, ценности и правила, может вызывать и стремление к реставрации, восстановлению в масштабах страны ценностного единства. К примеру, некоторыми исследователями приход к власти Д. Трампа воспринимается именно как «реакция на эклектику».

Как известно, свято место пусто не бывает. Поэтому социальные ниши, исторически закрепленные за политическими идеологиями, стали занимать политические *идеологемы*, выступающие в виде эмоционально окрашенных и достаточно расплывчатых элементов идеологической системы, у которых отсутствует строго определенное значение и которые изменяются в соответствии с политической прагматикой и интересами. Все это не может не приводить к власти лидеров с размытой политической и идеологической позицией.

Утрата значения традиционных идеологий привела также к тому, что партийные лидеры в ограниченной мере стали «работать» с политическими *убеждениями* избирателей, основанными на знании и рациональности, предпочитая поиск каналов влияния на их установки («аттитюды»), что меняет само содержание политических коммуникаций лидеров, поскольку установки являются преимущественно психологическим феноменом. На них решающее воздействие оказывает, как правило, не сила аргументации, а механизмы социально-психологического воздействия, в том числе и иррационального.

В результате, как констатирует польский политолог П. Жукевич, «конфликт великих идеологий, который в эпоху классической политики выражался в соперничестве политических партий, в постполитическую эпоху оказался замещенным «дискурсом экспертов», выстраивающих избирательные стратегии исходя из политической конъюнктуры с использованием специальных технологий, зачастую – манипулятивных» [8, с. 96]. В этой ситуации принципиальное значение имеет уже не качество и глубина артикулируемых идей, а легкость и быстрота их усвоения массами. Как следствие, политические лидеры перестают быть персонификаторами великих мировых идеологий, какими были в свое время, например, Р. Рейган (консерватизм), В. Шмидт (социал-демократия), Гитлер (фашизм) или же И. Сталин (коммунизм).

Помимо политико-идеологической, для этой эпохи имманентно присуща и в целом мировоззренческая неопределенность и невнятность. По утверждению Р. Ингхларда, «двусмысленность – это центральный компонент постмодернистского мировоззрения» [6, с. 348]. В социуме наблюдается отсутствие ценностного консенсуса и базовых идеологических основ. Как справедливо констатирует А. Якимович, в эпоху постмодер-

на «люди утратили способность различать и противопоставлять то, что прежде были полярными противоположностями. В политике смешалось “левое” и “правое”, в СМИ – истина и ложь, в мире предметов – полезность и бесполезность. Великие гуманистические критерии стерлись в нашей системе образов и знаков, а в системе ценностей исчезло что-то святое и недоступное» [9, с. 16–17]. Важнейшими симптомами постмодернистского мышления являются также уклончивость смыслов, их разорванность, неспособность различать добро и зло, алогичность мышления. Элементы постмодернизма проявляются и в «массовидности», рыночности, ярмарочности, «порнографичности» культурных образцов вследствие «восстания масс» и усиления манипулятивной роли СМИ. Происходит отказ от политических и иных принципов как внутри страны, так и на международной арене. Западная демократия становится только отчасти ориентированной на решение смысловых проблем, все больше погружаясь в решение повседневных и текущих утилитарных вопросов.

По причине «пластичности» и «эластичности» мировоззренческих позиций наблюдается дефицит лидеров с устойчивыми ценностными ориентациями. Возникает то социальное состояние, которое получило название «текущая современность» (З. Бауман), в которой, по утверждению Л. Шевцовой, «все размыто и нет границ между принципами и нормами... Нет ни друга, ни врага, ни мира, ни войны, ни закона. ни беззакония: все смешалось в одном стакане... Ширак и Саркози, Берлускони и Шредер – все они лидеры “текучести”, которая не требует следования принципам» [7].

Производной от мировоззренческой является моральная амбивалентность. Нельзя не согласиться с российским исследователем В. Щипковым, придерживающимся позиции, что в основе постмодернизма «лежит идея о том, что не существует добра и зла... а власть завоевывает тот, кто остается за принципами морали, действует, не учитывая нравственные запреты, в соответствии с принципом тотальной свободы» [10]. Подобной же позиции придерживается и помощник президента России В. Сурков, отмечающий, что в современном мире «этические схемы расплываются» и «именно такую фазу – непереносимости фальши... разочарования в норме – проходят сейчас некоторые западные нации» [11]. Следует добавить, что не только и не столько западные.

В результате универсальные, укорененные в традицию и религию моральные нормы подвергаются обструкции и заменяются договорными социальными соглашениями, которые могут в зависимости от контекста изменяться. В силу этой моральной сумятицы и отсутствия четких критериев между добром и злом для политического лидера исчезает необходимость проходить «тест» на «моральную отвагу», и он совсем не обязан выступать в качестве «морального героя». Наступает закат столь востребованного в эпоху модерна политика – «провидческого реалиста», который интегрировал все составляющие морального лидерства: а) моральную мотивацию; б) актуальную эффективность, базирующуюся на ответственности и отрицающую конъюнктурность; в) ответственность за позитивное будущее; г) ориентацию на нравственное воспитание общества, поскольку образ лидера является эталоном для массового сознания, а сами лидеры обладают существенными ресурсами трансформации общественного сознания в направлении высоких целей.

Современные политики относятся к этому социальному тренду по-разному. Многие из них делают выбор в пользу предлагаемого В. Сурковым метода «лицемерия», рассматривая его и как эффективное оружие для завоевания и сохранения власти, и как «социальную неизбежность». Другие же (меньшинство) стремятся занять четкую моральную позицию, рассчитывая обрести поддержку у той части общества, которая обладает неутраченным моральным достоинством.

Кроме этого, идеологическая размытость, идеологическая индифферентность, отсутствие идеологически выверенных и исторически оправданных программ развития

страны приводит к тому, что **популизм** как своеобразная патология демократического общества становится в современном мире распространенным общественным явлением.

Новые социальные ценности как источник политического лидерства

Что же приходит в системе политического лидерства на месте политических идеологий и устоявшихся ценностных ориентаций?

Постмодернистская чувствительность – это разрушение границ (культурных), прежних ценностных систем и восприятие мира как хаоса, разлома, разрыва и неопределенности. Это эпоха относительности в интерпретации социальных и культурных феноменов. В условиях нестабильности закономерным образом усиливается личностный фактор в политике и происходит переход от институциализации к персонификации политических процессов. Принципиальное значение приобретает фактор доверия не столько к программе, сколько к властвующей персоне.

В современном обществе отчетливо проявилась культурная плюралистическая парадигма, выступившая как фрагментация культурного единства, доминанта субкультур, в том числе политических. Во фрагментированном постмодернистском обществе появляются индивиды и социальные группы, активно отстаивающие свои права и ценности. Доминировавший в модерне приоритет экономических, основанных на рациональности интересов уступил место практикам, репрезентирующим локальные, даже частные ценности. Как отмечают Т. Keough и В. Tobin, «культура постмодернизма означает торжество личного права быть непохожим, инакомыслящим, быть в жизни не конформистом» [5, с. 3].

Во множестве социальных групп права свободы и ценностные ориентации, связанные с их локальной идентичностью, выступают гораздо более важными, чем общечеловеческие и универсальные. Поэтому политический лидер обязан учитывать все многообразие субкультурных проектов и инициатив, связанных с реализацией прав и ценностей определенных идентичностей. Нарративы об идентичности, аксиологические дискурсы, их артикуляция становятся важной частью политических стратегий и практик политических лидеров.

Среди ценностей постмодерна особенный политический вес приобрели **гендерные** дискурсы. Нельзя не согласиться с тезисом белорусского исследователя А.А. Бородули, что интенсивно идущие «процессы глобализации... являются гендерно кодированными» и перестраивают «порядок отношений между полами» [12, с. 59], что послужило источником масштабного вхождения во власть женщин, усиления политической роли женских политических партий и феминистских организаций.

В полной мере этот процесс коснулся государственных структур. Число женщин, к примеру, в парламентах и правительствах большинства европейских стран к концу 90-х гг. XX ст. составило около 30–50 %. Появление более гендерно чувствительной ценностной парадигмы привело к своеобразному всплеску женского политического лидерства в Европе. Практически во всех окружающих либо близлежащих к Беларуси государствах высшие должности уже занимали или занимают женщины: Ю. Тимошенко (Украина), Б. Шидло и Э. Копач (Польша), Д. Грибаускайте (Литва), В. Вике-Фрейберга (Латвия), К. Кальюлайд (Эстония), И. Радичова (Словакия) и др. Женщины возглавляли правительства во всех скандинавских государствах. Настоящими политическими звездами являются М. Тэтчер, А. Меркель, Х. Брунтланн, К. Киршнер и Т. Мэй.

Современное западное общество достаточно толерантно относится к процессам эмансипации меньшинств, в особенности к сексуальным меньшинствам, что позволило многим западным политикам с **нетрадиционной сексуальной ориентацией** занять важные позиции в системе государственной власти. Некоторые из них даже возглавили национальные правительства (например, Йоханна Сигурдардоттир – премьер-министр

Исландии, заключившая брак со своей многолетней партнершей) или же заняли ключевые в государстве политические позиции (министр иностранных дел Германии Г. Вестервелле). Достаточно большое число представителей ЛГБТО-сообщества стали мэрами больших городов Европы и Северной Америки: К. Воверайт (Берлин), Б. Деланоз (Париж), Г. Мюррей (Виннипег) и др. Разумеется, в каждом отдельном случае сами политики принимали решение, в какой степени они могут открыто говорить о своей сексуальной ориентации. Однако совершенно очевидно и то, что они по двум вполне прозаическим обстоятельствам как минимум этого факта не скрывали. Во-первых, руководствуясь стремлением не позволить политическим оппонентам использовать тему секса для проведения против них информационных атак. Во-вторых, по причине уверенности в том, что демонстрация своей нетрадиционной ориентации не обязательно обеспечивает негативный результат на выборах. В силу того что проблематика сексуальных меньшинств стала важной темой современного политического дискурса, у современных политиков возникла необходимость в своих предвыборных посланиях демонстрировать лояльность к этой категории населения и готовность решать вопросы, связанные с ее правами.

Практически во всех государствах западной цивилизации произошло усиление политического влияния политических партий и общественных движений *экологической* направленности. Главная причина этого – укрепление и усиление в обществе «зеленых» настроений. Во многих европейских странах (Швеция, Швейцария, Исландия, Германия, Норвегия и др.) «зеленые» политические партии входят в пятерку парламентских партий, набирая на выборах около 5–10 % голосов избирателей. Эти процессы способствовали укреплению политического влияния лидеров «зеленых» политических партий, что позволило им претендовать на ключевые политические посты (министр иностранных дел Германии Й. Фишер, нынешний президент Австрии А. Ван дер Беллен и др.). Кроме этого, популярность «зеленой идеи» обязала большинство партий и их лидеров включать в свои программные документы проблематику, связанную с защитой окружающей среды. «Зеленые настроения» удалось закрепить и в международной повестке дня, о чем свидетельствует разработка и принятие на Саммите ООН в 1992 г. в Рио-де-Жанейро «Декларации Рио по окружающей среде и развитию». В ней сформулированы 27 принципов устойчивого развития и долгосрочная программа дальнейших действий как в глобальном, так и в региональном масштабах, где ключевую роль играет экологическая составляющая. Неупоминание о своей приверженности принципам устойчивого развития является моветоном современного европейского политика. Так, целый ряд руководителей белорусских регионов инициировали создание территориальных локальных стратегий устойчивого развития.

Важные политические функции выполняют руководители национальных и международных *правозащитных* организаций. В ряде случаев борьба за права человека способствует достижению высших властных позиций, как это произошло, например, в Мьянме с Аун Сан Су Чжи или же в Чехии с В. Гавелом. В других – правозащитные организации существенным образом трансформируют политику, проводимую конкретным политическим лидером, формируя определенное отношение к нему со стороны национальных и международных политических акторов.

В современной политике можно выделить и группу достаточно *экзотических и эксцентрических (альтернативных)* политических лидеров, выступающих антиподом традиционных партий и движений, претендующих на роль несистемной оппозиции, атакующих устоявшиеся политические институты и во главу угла своей деятельности ставящих не системные, а достаточно случайные, но вызывающие общественный резонанс цели и задачи. Для них принципиальным является выдвижение на передний план лозунга неприятия существующей модели государственного управления. Подоб-

ные политические движения, как правило, предельно персонифицированы. К ним можно отнести, например, «Движение Януша Паликота» (Польша), делающее акцент на антирелигиозные лозунги, либерализацию марихуаны и аборт, допустимость однополых браков и т.п.

Подобные политические движения и их лидеры могут присутствовать в политике в более смягченном варианте. Речь идет о том, что, противопоставляя себя традиционным партиям и политикам и выступая от имени созданных ими общественных движений, эти лидеры предъявляют обществу некое новое, выходящее за рамки привычного видение общественных проблем и способов их решения. Так, например, лидер «Движение пяти звезд» (Италия) комик Белле Грилло, в принципе противопоставляя свой политический проект традиционным партиям, настаивает на том, что его движение является исключительно «свободным объединением граждан», для которого принципиальное значение имеют вопросы даже не экономики, а экологии и социального равенства. Представитель этого движения Вирджиния Раджи победила в 2016 г. на выборах мэра Рима. Однако интеграция лидеров этих движений в систему государственной власти и взятие на себя политической ответственности естественным образом приводят к падению их политического авторитета.

Политический мультикультурализм и расцвет широкого спектра субкультур приводит к тому, что, согласно Р. Ингхларду, в рамках постмодерна происходит возрождение ценности традиции, которая снова приобретает позитивное значение, утраченное в модерне [6, с. 351], но уже в преобразованной форме.

Как справедливо утверждает Л. Шевцова, «растущая популярность крайне левых и крайне правых в Европе – это тоже реакция на постмодернизм и стремление европейского общества найти точки опоры в возврате к прошлым ориентирам государственной защиты и традиционной морали» [7].

Действительно, вместо и на место утраченных идеологий может приходиться утраченная в традицию система верований и мифов, этоса и эпоса, служащая идеологической подкладкой формирования когорты «новых политиков», новых лидеров, выходящих за пределы уже сформировавшегося политического класса. Происходит своеобразный ренессанс политических движений, основанных на презентации в политике исторических *религиозных* и/или *национальных ценностей* и *чувств*. При этом заметную политическую роль в странах Евросоюза начинают играть лидеры политических движений, подвергающие сомнению евроцентризм, институты Евросоюза и проповедующие евроскептицизм. Они занимают жесткие антиэмигрантские позиции и настаивают на возвращении к истокам – утраченному «золотому веку», национальным ценностям и национальному государству. В государствах Западной Европы политические позиции и политический авторитет этих лидеров заметно выросли, позволив им войти в состав парламента, но не заняв при этом доминирующих политических позиций (Г. Вилдерс в Нидерландах, М. Ле Пен во Франции, А. Гауланд, Ф. Петри в Германии и др.). Исключение составляет только Австрия, где после последних парламентских выборов сформирована коалиция между консервативной народной партией (ее лидер С. Курц возглавил правительство страны) и ультраправой Партией свободы (лидер Х.-К. Штрахе). Ее основой выступила солидарная позиция о необходимости ограничить поток беженцев и борьба с «исламизацией» страны, а также противодействие вмешательству Евросоюза во внутренние дела государства. В то же время С. Курц и Х.-К. Штрахе заявили о приверженности проевропейскому пути и общегуманистическим ценностям.

В странах же Центральной и Восточной Европы произошла своего рода политическая контрреформация, позволившая политическим лидерам, сделавшим акцент на евроскептицизме и антиэмигрантской риторике, возглавить государственные системы (В. Орбан в Венгрии, М. Земан в Чехии). В наиболее отчетливой и радикальной

форме этот тренд проявился в Польше, где к власти на выборах 2015 г. пришла возглавляемая Ярославом Качиньским консервативная партия «Право и справедливость», отрицающая совокупность базовых ценностей Евросоюза (секуляризм, мультикультурализм, толерантность, политкорректность, светскость), делающая акцент на интеграции в политике консервативных ценностей (семья, церковь, патриотизм, традиция) и масштабных программ по поддержке социально уязвимых категорий населения. В настоящее время, по данным социологических опросов, «Право и справедливость» усилила свои политические позиции: число поддерживающих ее граждан Польши достигло 50 %, в то время как главных их оппонентов – либеральную «Гражданскую платформу» – не более 20 %.

Национальный фактор лидерства проявляется и в региональном измерении: наблюдается всплеск регионального национализма в Каталонии, северных регионах Италии, Шотландии и др., что существенным образом повышает политический авторитет возглавляющих их лидеров (К. Пучдемона, Н. Стерджен, М. Сальвини и др.).

Одновременно как своеобразная реакция на утверждение ценностей постмодерна не только в государствах ЕС, но и во всем мире, в том числе и в исламских странах, происходит усиление влияния *радикальных фундаменталистских* религиозно-политических движений, преследующих цели преобразования общества на принципах религиозной ортодоксии с использованием силовых инструментов, в том числе террора и вооруженных акций. Поэтому лидеры террористических организаций, такие как Усама бен Ладен, Абу Бакр аль-Багдади, Шамиль Басаев и Мулла Омар, выступили важными игроками в политических противоборствах последних десятилетий.

Заключение

На основании проведенного анализа можно утверждать, что в эпоху постмодерна произошла радикальная трансформация доминирующих в обществе ценностных систем, что закономерным образом детерминировало новые модели и стили политического лидерства.

В первую очередь следует указать на формирование постидеологии, для которой характерен отказ от глобальных и устойчивых метанарративов, приведших к падению роли политических идеологий и их носителей. Нельзя не согласиться с итальянским исследователем E. Ntini, отмечающим, что в постмодерне больше «не существует метавысказывания, объективной основы для критики, единственно правильного (правдивого) взгляда на жизнь», и ценностные парадигмы действительны только в рамках отдельных сообществ, а не общества в целом [13, с. 651].

Кроме этого, все очевиднее в обществе стали проступать две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, отчетливо проявилась эклектика базовых и локальных идеологических принципов, стратегических и тактических программных положений, что позволило утверждаться во власти лицам с неопределенными идеологическими убеждениями. С другой – широкое распространение мультикультурализма и культурного плюрализма детерминировало появление широкого спектра политических движений и лидеров, представляющих их ценности в большой политике.

Как реакция на политико-идеологическую эклектику и разрушение исторически сформированных ценностных систем в целом ряде государств стала актуализироваться тема возвращения к традиции и духовным истокам, что обусловило приход на высокие политические позиции лидеров, артикулирующих подобную тематику.

Очевидно, таким образом, что в современных обстоятельствах политический лидер как производитель и персонификатор ценностей не исчезает. Однако на первый план выступает попечение, артикуляция и презентация ценностей, присущих определенным субкультурам и локальным сообществам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев, А. И. Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей / А. И. Соловьев // Принципы и практика политических исследований – М. : РОСС-ПЭН, 2002. – С. 126–144.
2. Bodio, T. Przywództwo i elity polityczne / T. Bodio, P. Załęski // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa : ASPRA-JR, 2007. – 1398 s.
3. Inglehart, R. Wzbierająca fala. Równouprawienie płci a zmiana kulturowa na świecie / R. Inglehart, P. Norris. – Warszawa, 2009. – 212 s.
4. Taggart, P. Populizm i patologie polityki przedstawicielskiej / P. Taggart // Demokracja w obliczu populizmu. – Warszawa : Oficyna Naukowa, 2007. – S. 106–128.
5. Keough, T. Postmodern Leadership and the Policy Lexicon: From Theory, Proxy to Practice / T. Keough, V. Tobin. – Quebec : Laval University, 2001. – P. 3–22.
6. Инглхарт, Р. Мадэрнізацыя і постмадэрнізацыя / Р. Инглхарт // Палітычная навука. Анталогія класічных тэкстаў. – Мінск ; Вільня : Паліт. сфера, 2012. – С. 326–389.
7. Шевцова, Л. Исчерпанное время постмодерна [Электронный ресурс] / Л. Шевцова. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/28243845.html>. – Дата доступа: 14.10.2017.
8. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
9. Якимович, А. К. Тоталитарная и независимая культура / А. К. Якимович // Вопр. философии. – 1991. – № 11. – С. 16–25.
10. Щипков, В. Полемика с Владиславом Сурковым. Декларация политического постмодернизма [Электронный ресурс] / В. Щипков. – Режим доступа: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-11-17/100_surkov.html. – Дата доступа: 04.12.2017.
11. Сурков, В. Кризис лицемерия. «I hear America singing» [Электронный ресурс] / В. Сурков. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/446944-surkov-krisis-licemeriya>. – Дата доступа: 07.11.2017.
12. Бородуля, А. А. Гендерная идентичность и права женщин в условиях глобализации / А. А. Бородуля // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 1. – С. 57–61.
13. Ntini, E. Postmodernism as an Approach to Policy Studies – An Overview / E. Ntini // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing. – 2014. – Vol. 5, № 8. – P. 648–655.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2018

Lysiuk A.I., Lysiuk D.A. Political Leadership in the Postmodern Epoch: Social and Cultural Grounds

This article analyses the impact of postmodern values on political leadership. It is pointed out, that a post-ideological consolidation in the society is going on and is tied with decline of the political influence of traditional political ideologies and religious beliefs. It is also observed an eclecticism of political and ideological principles, widespread ideologeme distribution, which facilitates coming to power those politicians adhering to ideological indifference. Along with this, there is a wide distribution of multiculturalism and cultural pluralism, rise and strengthening of new social values (gender, environmental and etc.), which has determined the emergence of a wide range of political movements and leaders, representing them in a big politics. Simultaneously, as a reaction to ideological eclecticism and multiculturalism, the actualization of the theme of return to the national tradition appears, which has led to coming to the highest political positions those leaders, who articulate national renaissance and instauration issue.

УДК 316.46+323.2

Э.Н. Северин

канд. полит. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Endhause1982@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Политическая модернизация является одним из проблемных вопросов современной политической науки. Тот факт, что политическая модернизация является чрезвычайно важным явлением, подтверждается продолжающимися изменениями во многих странах, которые развивают модернизацию, понимаемую как демократизация политических систем. Системная трансформация, которая происходит в ряде стран мира, изменяет политические, социальные и экономические структуры, сформированные десятилетиями. С другой стороны, есть страны, которые уже прошли модернизацию и сейчас находятся в фазе постмодернизации политических, социальных и экономических преобразований. Политическая модернизация также усиливается современными тенденциями глобализации. Поэтому политическая модернизация всегда остается реальным политическим феноменом.

Введение

Политическая модернизация стала одним из центральных лозунгов современной политики. Процессы политической модернизации в современном мире являются одной из наиболее важных областей анализа, проводимых представителями различных гуманитарных наук, в том числе политологами. Они требуют не только научного описания, но и попыток объяснить причины и обстоятельства приема политических стандартов государствами, находящимися на этапе становления демократического развития. Это определяет способ проведения исследований, которые должны учитывать различные аспекты процессов модернизации и таким образом показывать спектр взглядов, концепций, теоретических подходов и практических аспектов реализации объяснительной функции политической науки. Они свидетельствуют о многообразном характере политической модернизации, которая включает в себя такие категории, как идеи и идеологии, ценности, институты и процессы.

Категория «modern» впервые появилась в научном знании в конце V в. как термин, разграничивший христианский и дохристианский период европейской цивилизации. Современное содержательное пространство исследуемого феномена оформилось в период Просвещения. Модерным, современным с тех пор считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени [1, с. 40]. Методологической основой теории политической модернизации стала философия Нового времени. Концепция политической модернизации развивалась в тесной связи с концепцией секуляризма, теорией общественного договора, теорией разделения властей, либеральной политической идеологией, теорией естественных прав человека, идеей социального правового государства и др. Права человека как фактор политической модернизации поставили под сомнение традиционные основы понимания сущности политики, создав идею государственной власти на основе согласия и воли управляемых. Буржуазные революции Нового времени проходили под девизом прав и свобод человека именно потому, что они были наиболее значимым аргументом против абсолютизации государственной власти. Американский политолог, автор «Политологического порядка в меняющихся обществах» С. Хантингтон утверждает: «Революция – характерный признак модернизации... Подлинно безнадежными обществами являются

не те, которым угрожает революция, а те, которые неспособны ее осуществить» [2]. Именно актуализация вышеназванных идей, принципов и процессов, подкрепленная впоследствии возникновением национального государства и систематического капиталистического производства, сделала Европу, а затем и весь евроатлантический цивилизационный ареал источником модернизационных трансформаций в мировом масштабе. Ряд западноевропейских государств, в первую очередь Великобритания, и страны Северной Америки прошли путь модернизации политических систем в период с XVII по XX в. Является ли модернизи исключительно западным феноменом с точки зрения образа жизни? Прямой ответ на этот вопрос должен быть утвердительным [3, с. 40].

В 50-х гг. XX в. в политической теории была введена практика подразделять государства на три группы: первая (высокоразвитые капиталистические демократии), вторая (СССР и страны социалистического лагеря) и третий мир (развивающиеся страны). И в современной политической науке государства, находящиеся на «пороге» модернизации, принято определять как «страны третьего мира».

До середины XX в. важнейшая роль в процессе модернизации отводилась государству, которое должно было стать активным конструктором изменений. Автор известной концепции «стадий роста» американский ученый У. Ростоу писал: «Когда достигается независимая современная государственность, во что должна быть направлена национальная энергия: во внешнюю агрессию; в исправление старых ошибок и эксплуатацию новооткрывшихся или впервые воспринятых возможностей для расширения национального могущества; в завершение и облагораживание политической победы нового национального правительства над старорежимными интересами; в модернизацию экономики?» [4]. Предполагалось, что существует один универсальный способ политической модернизации, связывающий модели демократии и рыночной экономики, – вестернизация. На переднем плане была не политика, а экономика, потому что общепринятым считалось, что демократию легче строить из капитализма. Тем не менее процесс модернизации экономики имел характеристики политической игры, в которых решения правящих коалиций были определяющими, поскольку они обладали не только экономическим, но и политическим потенциалом. Решающим образом на качество изменений также влияли национальные политические традиции и отсутствие предпосылок развития демократической политической культуры. В итоге модернизационные процессы сопровождалась политическими конфликтами, что зачастую не приводило к утверждению демократических принципов и улучшению уровня жизни.

В XX в. наряду с вестернизацией существовали и другие модели политической модернизации:

- 1) социалистическая модернизация (Советский Союз и страны социалистической ориентации);
- 2) нацистская («охранительная») модернизация в Германии; франксистская модернизация (каудильизм) в Испании;
- 3) фашистская модернизация в Италии («мечта о скоростной картечи»);
- 4) модернизационные феномены в государствах Юго-Восточной Азии и Японии («тигры» и «драконы» Азии) и др.

«Сравнительная политика свидетельствует о том, что чем больше источников власти, статуса и богатства сконцентрировано в государстве, тем труднее институционализировать демократию... Чем более значимо государство как источник престижа и привилегий, тем меньше шансов на то, что стоящие у власти – или силы оппозиции – примут правила игры», – утверждал американский ученый С.М. Липсет [4].

Первый бум концепции модернизации в начале 1960-х гг. связан с прагматическим анализом результатов инвестиционной деятельности западных государств в стра-

нах третьего мира. Попытки экспорта вестернизации в 50–60-х гг. XX в. в страны Азии, Африки и Латинской Америки привели к росту дестабилизации политических систем на национальном и региональном уровнях.

В 1970–1980-х гг. происходит переосмысление ранее утвержденных алгоритмов политической модернизации. Значимый вклад в систематизацию теории политической модернизации в контексте социологии развития (М. Вебер, Ф. Теннис, Т. Парсонс и др.) внес израильский ученый Ш.Н. Эйзенштадт. По его мнению, теория модернизации, основывается на утверждении неоднородности политического и социально-экономического развития государств: «В настоящее время существует и развивается множество цивилизаций. Проблема состоит как раз в том, что эти цивилизации, имея много сходных компонентов и постоянно находя точки пересечения между собой, продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов модернизма, каждая из которых предлагает собственную программу культурного развития. Все это способствует диверсификации подходов к пониманию модернизма и к оценке культурных программ, выдвигаемых различными частями современных обществ» [5, с. 40].

Таким образом, по мнению израильского ученого, в модернизирующихся государствах не происходила прямая адаптация западных стандартов. Согласно точке зрения Ш. Эйзенштадта, «противоречие – между уникальностью Запада и тем, что он был как бы моделью для остального мира, а с другой стороны, спецификой динамики других цивилизаций, не было вполне очевидным во времена Маркса или Вебера, когда распространение капитализма и модернизация за пределами Европы были на ранних стадиях. Но оно стало гораздо более очевидным на более поздних стадиях модернизации после Второй мировой войны» [5, с. 41]. Путь институциональных и ценностно-нормативных трансформаций был долгим даже в Европе. Нужно отметить, что процессы политической модернизации закрепились в Европе лишь к концу XX в. Западная Германия как одна из ведущих европейских стран вошла в систему «либеральной суперцивилизации» лишь после Второй мировой войны [6, с. 37].

Один из основателей теории модернизации американский политолог С.М. Липсет в работе «Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность» выделил следующие условия демократии как важного фактора политической модернизации: «Во-первых, если политическая система не характеризуется ценностной системой, допускающей мирную “игру” во власть – подчинение оппозиции решениям, принимаемым теми, кто стоит у власти, и признание теми, кто стоит у власти прав оппозиции, то никакой стабильной демократии быть не может... Во-вторых, если результатом политической игры не является периодическое вознаграждение властными полномочиями одной группы, партии или стабильной коалиции, то следствием этого будет нестабильное и безответственное правительство, а не демократия... В-третьих, если не существует условий, способствующих воспроизведению действенной оппозиции, то властные полномочия (authority) чиновничества будут максимизироваться, а влияние народа на политику будет сведено к минимуму». Подобной точки зрения придерживаются и такие классики политической науки, как Г. Алмонд, Дж. Пауэл, К. Стром, Р. Далтон: «Даже, когда государства демократизируются, нет гарантий, что они даруют права человека и гражданские свободы всем своим жителям» [7, с. 41].

Американский политолог Х. Линц справедливо отмечает: «Демократия характеризуется наличием граждан, а не подданных, и потому процесс перехода к демократии нередко ставит в центр политической жизни вопросы соотношения между полисом и демосом. Из всего сказанного выше можно вывести три заключения:

1. Чем более многонациональным, многоязыким, поликонфессиональным и поликультурным является обитающее на территории государства население, тем труднее прийти к согласию относительно основных принципов демократии и, соответственно, тем сложнее становится политическая жизнь.

2. Хотя это не означает, что в многонациональных или поликультурных государствах демократию нельзя консолидировать, однако там должны быть приложены значительные усилия по созданию демократических норм, обычаев и институтов.

3. Некоторые пути разрешения проблем государственности по своей природе несовместимы с демократией» [8].

В свою очередь, С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» [9] обосновывает цивилизационными различиями экономическое отставание одних цивилизаций и преобладание других, указывает и на объективное несоответствие определенных цивилизаций такому политико-правовому феномену, как права человека, характерному в большей степени западному обществу и христианскому мировоззрению. Хантингтон определяет взаимосвязь восточно-христианской и западно-христианской цивилизаций; таким образом, он определяет возможность реализации «западных стандартов» прав человека в условиях восточно-христианской цивилизации. При этом ученый отрицает возможность воспроизведения подобной модели в рамках исламской и конфуцианской цивилизаций.

Другой не менее известный американский политолог Ф. Фукуяма опровергает подобное мнение, утверждая, «что как в теории, так и на практике язык прав стал в современном мире единственным общим и широко понимаемым, который у нас есть для разговора о благах и целях, которые составляют предмет политики» [10, с. 155]. Он призывает вернуться к естественно-правовому источнику прав человека, выступая с жесткой критикой теологического и позитивистского подходов. «Моя точка зрения состоит в том, что привычное понимание натуралистического заблуждения само по себе есть заблуждение, и потому философии отчаянно необходимо вернуться к докантиантской традиции, которая корни морали видит в природе», – утверждает Ф. Фукуяма [10, с. 157]. Ученый исходит из того, что невозможно достичь политического консенсуса в вопросах, в которых замешана религия; нет и не может быть позитивного права, которое при этом будет еще и всеобщим, т.е. не может быть одинакового восприятия прав человека представителями различных политических сообществ и цивилизаций.

Одной из политических проблем современности стало усиление позиций религиозного фундаментализма. Появление фундаменталистских движений повлияло на весь мир. Там, где они развились в крупные политические силы, как, например, в исламских странах Среднего Востока и в индуистских и буддистских странах южной Азии, они часто стремятся создать теократические государства [7, с. 54].

В рамках третьей волны модернизации (конец 70-х – первая половина 90-х гг. XX в.) модернизационные процессы затронули страны Южной и Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. В политической теории феномен модернизации стал рассматриваться не как условие развития, а как его функция. Новые тенденции изменяющейся политической реальности вызвали появление новой концепции – «модернизация в обход модернити». Основанием данной концепции является возможность модернизации на фундаменте сохранения национальных традиций. Как утверждает египетский ученый А. Абдель-Малек, «продвигать культуру означает продвигать не традиционную культуру, а культуру, приспособленную к XX в., которая черпает свою идентичность и традиции, открываясь всем течениям в мире» [11, с. 18]. В свою очередь, французский ученый А. Турен отмечает, что «традиции и национально-культурная идентичность не только не выступают как препятствия преобразований, но, напротив,

являются залогом успеха общественно-экономической трансформации» [12, с. 84]. В этой связи С.М. Липсет рассматривает следующие значимые критерии модернизации: экономические и культурные переменные, религиозные традиции, институционализацию и легитимность, электоральные и административные системы, роль участия гражданского общества, структурирование политических партий и верховенство права [4]. Подобной точки зрения придерживается и белорусский ученый И.И. Котляр: «Учет ценностей традиционных культур позволяет расширить и активизировать деятельность по защите прав человека. При этом учитывается, что все культуры пронизаны определенными общими принципами: ни одна культура не допускает эксплуатации человека; ни одна религия не разрешает убивать невиновных; ни одна цивилизация не принимает издевательств и террора; издеательства противостоят естественному человеческому сознанию; жестокость и беспощадность считаются неприемлемыми явлениями в любой культурной традиции» [13, с. 261].

Таким образом, в политической науке сложились два подхода к осмыслению феномена политической модернизации:

1. Либеральный (Г. Алмонд, Л. Пай, Р. Даль и др.). Сторонники данного подхода в качестве основополагающего фактора определяют уровень вовлеченности народа в систему представительской демократии. Американский политолог Л. Пай утверждает: «В любом переходном обществе сильны традиции, препятствующие развитию политики как отдельной сферы... Отсутствие четко выраженной политической сферы серьезно ограничивает деятельность любого “чужака”, пришедшего извне для выполнения какой-либо политической роли» [4]. Поэтому, по мнению одного из основоположников концепции плюралистической демократии американского политолога Р. Даля, странам развитой демократии отводится функция международного контроля за модернизационными процессами в современном мире.

2. Консервативный (С. Хантингтон, Дж. Нельсон, Х. Линц и др.). В качестве источника модернизации представители этого подхода определяют конфликт между уровнем участия народа в жизнедеятельности политической системы и готовностью институциональных структурных элементов последней к выполнению функции агрегирования и артикуляции интересов, при этом определяющим фактором модернизованности трансформирующихся сообществ является не степень демократизации, а уровень организованности и стабильности политических институтов. «Демократия, – утверждает Х. Линц, – требует государственного статуса. Без суверенного государства не может быть прочной демократии. Следовательно, без государства никакая современная демократия невозможна» [8]. «Главное в политической модернизации, – убежден С. Хантингтон, – это формирование политических институтов, способных привлечь широкие слои населения к этим преобразованиям и вместе с тем достаточно автономных, чтобы не поддаваться популистскому или лоббистскому нажиму... Может быть порядок без свободы, но не может быть свободы без порядка» [2].

Республика Беларусь находится на этапе постиндустриальной модернизации, в основу которой заложены человеческий капитал и экономика знаний, инновационные технологии и социально ориентированная экономика. Однако это не означает, что Белорусское государство сводит модернизацию до уровня простого распространения технологических инноваций с их последующей социальной адаптацией. «Все это, – утверждает известный белорусский ученый Е.М. Бабосов, – составляет неперемные атрибуты того неукротимого императива развития Беларуси в первой четверти XXI в., которым является системное осуществление постиндустриальной, информационной модернизации, базирующейся на эффективно регулируемом государством интенсивном и со-

циально ориентированном развитии рыночных отношений и базовых ценностей созданной народом национальной культуры» [14, с. 18].

На наш взгляд, методологической основой политической модернизации Беларуси является Конституция Республики Беларусь, основанная на принципах народовластия, равенства и равноправия, верховенстве закона и прав человека, идее социального правового государства. Внутренняя политика государства направлена на формирование устойчивой бесконфликтной политической системы, основной ценностью которой является человек; многовекторная внешняя политика Республики Беларусь основана на принципах стратегического партнерства и добрососедства, уважении самобытности и суверенитета стран-партнеров. Белорусская модель модернизации утверждается как непрерывное продуктивное взаимодействие между личностью, обществом и государством, как рациональная эволюция в политической, экономической и духовной сферах.

Заключение

Таким образом, истоки политической модернизации уходят корнями в меняющиеся источники легитимации власти и процесса ее приобретения, реализации и сохранения. В политической системе, основанной на традиционном источнике власти, последняя находится в традиционно установленных и институционализированных рамках. В такой системе властные полномочия имеют иерархический, а не согласованный характер. Политическая модернизация в конечном счете меняет такую структуру ролей в отношении власти. Власть перестает иметь замкнутые иерархические основания, сфера политического действия расширяется до уровня массового участия.

Политическая модернизация с учетом инклюзивного характера политической власти прямо или косвенно охватывает все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства. Она способствует трансформации институциональной составляющей политической системы, выполняемых политическими и социальными институтами ролей, формированию нового типа политической культуры, базирующейся на ценностных демократических основаниях, реализации в рамках политических процессов идей равенства и равноправия, прав и свобод человека, секуляризма и др., обеспечивая тем самым повышение эффективности деятельности политической системы в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. Б. Григорьева // *Вопр. философии.* – 1992. – № 4. – С. 40–41.
2. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Электронный ресурс] / С. Хантингтон. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-polit_poryadok-ru-a.htm. – Дата доступа: 25.01.2018.
3. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 640 с.
4. Ефременко, Д. В. Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг. [Электронный ресурс] / Д. В. Ефременко. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/22493.html>. – Дата доступа: 05.01.2018.
5. Эйзенштадт, Ш. Н. Множественность модернизмов в век глобализации / Ш. Н. Эйзенштадт // *Глобализация. Контуры XXI века* : реф. сб. : в 3 ч. / РАН, ИНИОН ; отв. ред. П. В. Малиновский. – М., 2004. – Ч. 1. – 144 с.
6. Ахиезер, А. С. Диалог как основа современного философствования / А. С. Ахиезер // *Социокультурное пространство диалога* : сборник / Науч. совет по истории мировой культуры РАН. – М. : Наука, 1999. – С. 33–57.

7. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор : учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.] ; пер. с англ. А. С. Богдановского ; под ред. М. В. Ильина. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
8. Линц, Х. Государственность, национализм и демократизация [Электронный ресурс] / Х. Линц, А. Степан. – Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/1997-5-2-Linz-Stepan.pdf>. – Дата доступа: 23.01.2018.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. / С. Хантингтон. – М. : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2003. – 603 с.
10. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
11. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков [и др.]. – М. : Инфомарт, 1994. – 115 с.
12. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии : пер. с фр. / А. Турен. – М. : Науч. мир, 1998. – 204 с.
13. Котляр, И. И. Республиканский научно-методологический семинар по правам человека и гражданскому обществу как явление научной жизни страны / И. И. Котляр // Вучон. зап. Брэсц. дзярж. ун-та. – Брест, 2013. – Вып. 9, ч. 1 : Гуманітар. і грамад. навукі. – С. 259–261.
14. Бабосов, Е. М. Основные направления модернизации политической системы в Республике Беларусь / Е. М. Бабосов // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2013. – № 4. – С. 18–21.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.03.2018

Severin E.N. Political Modernization in the Context of the Modernization Theory

Political modernization is one of the problematic issues of modern political science. The political modernization being an extremely important phenomenon is confirmed by ongoing changes in many countries of the world where modernization is being developed. Thus, modernization is understood as political system democratization. Systemic transformation occurring in several countries of the world changes political, social and economic structures formed during a long period of time. On the other hand, there are countries that have already undergone modernization and now they are in the phase of political, social and economic transformations post-modernization. Political modernization is also enhanced by modern globalization tendencies. Therefore, it should be noted that political modernization is still a real political phenomenon.

УДК 316.454.5

Н.Н. Левчук

канд. полит. наук, начальник научно-исследовательского отдела
Научно-исследовательского института Вооруженных сил Республики Беларусь
e-mail: 1234_73@list.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ИННОВАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследуется феномен инновационной коммуникации, в ходе транзакций которой реализуется медиакоммуникационный комплекс социальной субъектности. Она проявляется в действиях и разрушительного, и созидательного характера по отношению к социосистеме. Социодинамика меняющегося контекста позволяет выявить формальные очертания процесса субъектной социализации в процессе инновационной коммуникации.

Введение

Целью статьи является выявление социальной субъектности в процессе инновационной коммуникации. Для достижения поставленной цели использован метод синергетического моделирования, позволяющий рассмотреть социальную субъектность в контексте коммуникационного обмена. Выводы статьи применимы для совершенствования принципов информационной политики государства.

Инновационная коммуникация, предполагающая в ходе ее транзакций использование новейших медиаплатформ, открывает новые формы социальной субъектности. Реализуемый в этих условиях механизм информационного воздействия выявляет техно-социальную природу инновационной коммуникации, предопределяет изменение состояний участвующих в ней акторов, выявляя их *социальную субъектность*. На государственном уровне это означает идентификацию угроз инновационного характера для дальнейшего противодействия им.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что технологическая эволюция становится источником принципиально новых угроз, предоставляя недоступные ранее возможности негативного влияния на личность, общество и государство [1], которые реализуются в техно-инновационном комплексе управления массовыми информационными процессами с использованием технологий скрытого принуждения людей. Такое принуждение стало атрибутом информационного воздействия в системе массовых коммуникаций. Социальная субъектность проявляется в когнитивной среде коммуникационного обмена, который происходит на основе инновационных медиаплатформ (социальные сети, мессенджеры).

Фундаментальная цель информационного воздействия заключается в завоевании символического пространства коллективных представлений в военно-политической, социальной, рекламно-маркетинговой или иных сферах. Манипулирование сознанием происходит при помощи скрытых установок, заложенных в подтексте информационного потока, когда используется специальная коммуникативная стратегия. Ее реализация приводит к дестабилизации социума, которая в современном мире превратилась в инструмент инновационной конкуренции. Тон дестабилизации задает нетократия – социальный субъект глобального уровня, качественно новая элитарная прослойка, формирующая процессы сетевого влияния в современном обществе. Следует уточнить, что социальную субъектность выявляет действие и разрушительного, и созидательного характера по отношению к социосистеме.

Субъект – это интеллектуально развитый организатор, координатор и регулятор социальных процессов, в том числе в коммуникационно-сетевом пространстве. Субъект обладает высокой степенью саморегуляции и самоорганизации. Субъект способен целенаправленно и оптимально использовать свои ресурсы, возможности, опыт и т.д. для решения поставленной задачи. Субъект эффективно разрешает противоречия, вытекающие из несоответствия его возможностей, способностей и притязаний предъявляемым нормативным требованиям общества. Субъект обладает позитивной жизненной стратегией, стремлением к самосовершенствованию и удовлетворению потребностей в самореализации и самоактуализации.

В строгом смысле субъекта характеризует наличие «Я-концепции», проявляющейся в идентификации самого себя с субъектом деятельности и источником жизненных перемен, а также в способности взять на себя ответственность за принимаемые решения и реализацию своей собственной жизни [2, с. 320]. В отношении масштабных социальных сообществ подобная «Я-концепция» реализуется по умолчанию в соотношении со смежными, подчиненными или соподчиненными субъектами. К субъектам такого рода относится и упомянутая выше нетократия. Ее изучение позволяет выявить широкий спектр социальных субъектностей.

Нетократия – инновационный феномен актуализации современной правящей элиты, которая в стремлении к глобальному влиянию интегрируется в производственные и социально-политические процессы постиндустриального общества и сама задает сетевой формат общественных отношений. Е.И. Гильбо по этому поводу замечает, что сегодня на смену борьбе за рынки сбыта и производственные ресурсы, контроль которых был основой власти в индустриальном обществе, пришла борьба за каналы информации, за построение социальных сетей, которые являются основой прибыльного постиндустриального бизнеса. Создатели и обладатели этих неустойчивых нематериальных активов – нетократы – становятся правящим классом в той мере, в какой общество все более и более становится постиндустриальным. Власть постепенно утекает из рук обладателей материальных капиталов и переходит к кураторам социально-информационных сетей [3]. При этом речь идет не только о владении активами международных корпораций, олицетворяющих социально-сетевые структуры, но и в перспективе о фундаментальном переформатировании общественных отношений. С подачи нетократов они постепенно подчиняются интересам сетевых структур.

Новая тенденция становится все более очевидной. «Официальные органы власти превращаются в декорацию и инструмент проведения интересов частных групп и сетей. Технологии постиндустриального общества, прочно вошедшие в нашу жизнь в последние десятилетия, принесли с собой новые социальные отношения и новый правящий класс. Он складывается из тех, кто в наибольшей степени способен в рамках этих отношений концентрировать или производить и удерживать ресурсы, существенные для власти в новом обществе» [3, с. 9].

Любая локальная социосистема в постиндустриальную эпоху проецирует на себя организационные формы глобальной экономики, диктующей правила инновационной конкурентоспособности. В современном мире все страны в той или иной степени постиндустриальны. Однако они разделяются на страны постиндустриального экономического ядра и постиндустриальной периферии. Качественную селекцию государств предопределяют техносциальные организованности постиндустриального перехода: если в индустриальной цивилизации основой экономики был процесс тиражирования, то в постиндустриальном обществе «каждый производитель создает продукт, который обладает новизной и значительностью в масштабах всего человечества» [3, с. 9]. Прибыль увеличивается за счет снижения издержек производства на отдельной группе предприятий. На этих предприятиях время, затрачиваемое на производство продукта,

ниже, чем общественно необходимое (среднее), определяющее стоимость (либо выпускается уникальный продукт). Источник более высокой производительности труда создается, как правило, за счет применения новых технологий, а иногда за счет совершенствования методов организации производства. В данном случае социальная субъектность проявляется на фоне формирования нового технологического уклада.

Нетократия, являясь глобальным социальным субъектом, выполняет охранительные функции по отношению к странам постиндустриального ядра, используя против «несогласных» и «отсталых» стратегию дестабилизационного воздействия и задержанного развития. Основы построения манипулятивной стратегии заключаются в наличии двойного воздействия: с помощью инновационных медиа-инструментов «наряду с открытым сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, рассчитывая на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на чувства, мнения и поведение. «Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия» [4, с. 99]. Социальная субъектность рассматривается в контексте символической власти, которая, как отмечал П. Бурдьё, и есть в действительности такая невидимая власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей, или даже сам ее осуществляет [5].

В интерпретации П. Бурдьё такая власть является приоритетом государства, между тем как растущая степень открытости экономик, свободы перемещения товаров, капиталов и трудовых ресурсов, межличностного взаимодействия, развитие инновационных технологий размывает грань между внутренними и внешними политическими, экономическими, информационными процессами. В таких условиях на смену традиционным системам межгосударственных сдержек и противовесов приходят социальные субъекты в виде надгосударственных и транснациональных регуляторов мировых отношений и экономики [3, с. 9], которые адаптируют модель «символической власти» к формам и способам реализации собственных лоббистских интересов.

В данном контексте ряд угроз национальной безопасности, связанный с возникновением в Республике Беларусь беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей, независимости, территориальной целостности, суверенитету и существованию государства; дезорганизацией системы государственного управления, созданием препятствий функционированию государственных институтов; деструктивным информационным воздействием на личность, общество и государственные институты, может рассматриваться в системном комплексе обеспечения инновационной безопасности, выявляя ее социосистемную и техносотциальную сущность [1]. Т.е. обеспечение инновационной безопасности рассматривается в контексте противодействия применению деструктивных социальных технологий, в том числе в системе управления массовыми информационными процессами.

Социальные технологии регулируют процесс инновационной коммуникации. Они рассматриваются, во-первых, как специально организованная область применения «способов и процедур оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов. Во-вторых, как способ осуществления деятельности на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией, а также выбора оптимальных средств, методов их выполнения. В-третьих, как метод управления социальными процессами, обеспечивающий систему их воспроизводства в определенных параметрах – качества, свойства, объема, целостности деятельности и т.п. Со-

циальные технологии – элемент человеческой культуры – возникают эволюционно либо создаются искусственно. Их появление связано с потребностью быстрого и крупномасштабного тиражирования новых видов деятельности» [6, с. 118], совершенствование способов которого является одним из проявлений социальной субъектности.

Вместе с тем использование социальных технологий может иметь не только созидательный, но и разрушительный характер, когда в результате их применения изменяется облик объекта деятельности. В этом случае происходит перепрограммирование целевых групп, которые могут направлять свою социальную активность в зависимости от исходного послания или на созидание, или на разрушение.

В процессе реализации дестабилизационных стратегий происходит своего рода «перемагничивание» социального поля, а в конечном итоге – перепрограммирование легитимности. В контексте данного процесса методы «ненасильственного сопротивления», по Д. Шарпу [7], не что иное, как система генерирования информационных поводов для формирования деструктивного коммуникационного потока, направленного не на инновационное, а на задержанное развитие. Оно является инструментом актуализации социальной субъектности в процессе глобальной конкуренции.

Инновационный феномен такой актуализации заключается в том, что индивидуум, обладающий вполне самостоятельным мышлением и даже имеющий высокий интеллектуальный уровень развития, оказывается не в силах противостоять коммуникационному потоку и добровольно принимает навязываемую программу действий. В зависимости от того, к какому социальному субъекту, к какой публике, к каким потенциальным аудиториям адресуется информация отправителя, акт коммуникации будет иметь свой неповторимый образ. Если отправитель передает сообщение по каналу, который доступен получателю, и с помощью медиума, имеющего доступ к получателю, и если адресат владеет тем же кодом, что и отправитель, тогда коммуникация удастся. Инновационная коммуникация, основанная на сетевых механизмах информационного обмена, приобретает особый резонансный характер.

Социальная субъектность в процессе инновационной коммуникации формализуется исходя из логики интерпретаторов, которые, по Ю. Хабермасу, понимают значение текста лишь в той мере, в какой им удастся постичь мотивацию автора. Интерпретаторы должны прояснить тот контекст, который автор, по-видимому, предполагал как общеизвестный. Интерпретаторы не могут понять семантическое содержание текста, если для них самих те основания, которые в исходной ситуации сумел бы в случае необходимости привести автор, не приобретают наглядности. Однако далеко не безразлично, являются эти основания разумными или только считаются таковыми, будь то основания, приводимые при констатации фактов, при утверждении норм и ценностей или при выражении желаний, чувств [8, с. 50].

Заключение

Исходя из гипотезы семиотической непрерывности система представляется образом ее среды и как элемент универсума отражает существенные свойства последнего.

Трансформация системы предполагает одновременно и изменение ее окружения, источники воздействия могут корениться в изменениях как системы, так и окружения, актуализируя социальную субъектность таких изменений в процессе инновационной коммуникации.

Когнитивная среда инновационной коммуникации не только породила новый формат социальной субъектности, но и позволила выявить техносциальную парадигму общественных взаимоотношений, которая в условиях глобальной конкуренции опирается на инновационные смыслы построения эффективного государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Луков, В. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ : монография / В. А. Луков. – М. : Канон+, 2012. – 527 с.
3. Гильбо, Е. В. Постиндустриальный переход и мировая война / Е. В. Гильбо. – Тенерифе, 2013. – 119 с.
4. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо-пресс, 2002. – 832 с.
5. Бурдые, П. О символической власти / П. Бурдые. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – С. 87–96.
6. Грачев, Г. В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. – М. : Алгоритм, 2002. – 288 с.
7. Шарп, Д. От диктатуры к демократии [Электронный ресурс] / Д. Шарп // Ин-т им. Альберта Эйнштейна. – 2014. – Режим доступа: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf. – Дата доступа: 26.03.2014.
8. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.02.2018

Levchuk N.N. Social Subjectivity in the Course of Innovative Communication

In the article the phenomenon of innovative communication during which transactions the media communication complex of social subjectivity is implemented is investigated. In the course of innovative communication the subject effectively resolves the contradictions following from discrepancy of its opportunities, abilities and claims to the imposed standard requirements of society. The sociodynamics of the changing context allows revealing formal outlines of process of subject socialization in the course of innovative communication.

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 316(1-87)

Л.Г. Титаренко

*д-р социол. наук, проф., проф. каф. социологии
Белорусского государственного университета,
ассоциированный сотрудник Социологического института
Российской академии наук (Санкт-Петербург)
e-mail: larissa@bsu.by*

ТРУД И ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К «ИНДУСТРИИ 4.0»*

Необходимость перехода экономики к «индустрии 4.0» неизбежно затрагивает и такие страны, как Беларусь и Россия. Ввиду неравномерности их экономического развития необходим региональный подход, учитывающий потребности конкретных регионов как в развитии индустрии, так и в изменении высшего образования. Российскими социологами была предложена идея «двойной модернизации» (одновременное улучшение экономики в менее развитых регионах и поворот к «индустрии 4.0» в передовых регионах). Реализация этой стратегии требует поворота к открытию новых специальностей в одних учреждениях высшего образования и широкого развития инновационных навыков, необходимых для индустрии будущего, у всех студентов. Как показывают эмпирические исследования, к таким навыкам и умениям относятся открытость новому, креативность, мотивация на дополнительное образование, уверенность в себе, умение работать с источниками информации, социальная компетентность.

Введение

В современную эпоху мир труда изменяется чрезвычайно быстрыми темпами под влиянием четвертой промышленной революции, глобальный переход к которой активно обсуждается в мире [1]. Эти изменения в экономике не могут не отражаться на системе подготовки специалистов в системе образования. Смена специальностей, затребованных промышленностью и другими сферами общественного производства, происходит очень быстро. Так, по результатам недавнего исследования будущего профессий, проведенного британской компанией Nesta, только 10 % населения сегодня имеют специальности, численность занятых в которых будет расти в течение следующих 10–15 лет, а около 20 % – в профессиях, которые будут сокращаться и исчезать. Особенно непредсказуемое будущее ожидает малоквалифицированных работников, тогда как занятость в сферах медицинского обслуживания, образования, общественном секторе имеет тенденцию возрастать [2].

Сегодня большинство людей имеет профессии, будущее которых является неопределенным: нельзя однозначно сказать, будут ли они востребованы через 10–15 лет. Однако уже теперь должна меняться подготовка специалистов, чтобы они смогли достойно ответить на «новый индустриальный вызов». Список профессий может существенно измениться, ибо постоянно меняются глобальные, региональные, национальные условия развития стран. Какие-то специалисты имеют хорошие перспективы трудоустройства по причине роста востребованности их профессий. Однако поскольку существует высокая степень неопределенности, всем специалистам, и нынешним, и будущим, желательно приобретать и развивать у себя навыки, которые заведомо будут востребованы. Согласно исследованию Nesta, это знания и навыки в сфере межличностных коммуникаций, познавательной сфере и умение системно мыслить. Исследование показало, что будущая занятость потребует не только узкопрофессиональных умений, необходимых для конкретных профессий, но и много общих знаний и навыков, которые будут эффективны в целом. Это общие инновационные навыки, которые помогают работ-

*Статья выполнена при поддержке БРФФИ, грант Г17АРМ-017.

никам адаптироваться к новым требованиям, быстро переучиваться в случае необходимости, не бояться смены деятельности и т.п.

Новые задачи подготовки к изменениям сферы труда чрезвычайно актуальны для стран постсоветского региона, таких как Беларусь и Россия. Поскольку эти две страны находятся в Союзном государстве, в их развитии имеется много сходства. В условиях многосторонней интеграции в рамках Евразийского экономического пространства желательным является стратегическое планирование и развитие экономики и высшего образования входящих в него государств с учетом глобальных вызовов и изменений в каждой стране. Достойное место Беларуси и России в глобальном мире возможно только при условии ускоренного роста экономики знаний и повышения производительности труда, которые помогут этим странам повысить конкурентоспособность.

Цель данной статьи – на основе социологического анализа состояния экономики и сферы высшего образования России и Беларуси с точки зрения их соответствия вызовам четвертой промышленной революции дать рекомендации по трансформации подготовки специалистов, которые могут применяться уже сегодня. Задачи статьи: 1) кратко описать состояние экономики Беларуси и России с точки зрения скорости их вхождения в фазу «индустрии 4.0»; 2) охарактеризовать подготовку специалистов в системе высшего образования этих стран по указанному критерию, 3) на основе эмпирических данных оценить развитие инновационных навыков и умений студенчества в современной системе образования Беларуси; 4) предложить механизмы «стыковки» интересов образования и «индустрии 4.0» в подготовке инновационных специалистов.

Тенденции современного развития экономики и человек

Стратегическая задача создания «индустрии 4.0», частью которой является дигитализация экономики, объявлена приоритетной как в Беларуси [3], так и в России [4], однако ее выполнение сопряжено с рядом рисков. В недавно вышедшей работе «Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир» известного специалиста по проблемам модернизации Р. Инглхарта рассматривается вопрос о быстрой эволюции второй стадии современной модернизации, т.е. о становлении «индустрии 4.0», превращении общества в «общество знания», развитии искусственного интеллекта, роботизации и тех перспективах, которые открывает этот этап развития человечества [5]. Как показал Инглхарт, в экономически богатых и технологически продвинутых обществах вместе с НТП возрастает благополучие общества и упрочиваются свободы, общество становится более открытым и толерантным, повышается уровень доверия между гражданами и социальными институтами, более эффективно защищаются права, возрастает свобода выбора людей. Однако это все достижимо, только если НТП функционирует во имя интересов всего общества. Если технический прогресс подчинен целям рынка, последствия могут быть негативными. В таком обществе возможна потеря рабочих мест не только среди лиц, занятых индустриальным трудом, но и среди представителей среднего класса, профессионалов, чей труд также заменят машины. Этот труд будет дешевым и вытеснит людей из сферы труда если не окончательно, то в значительной степени [6]. Доля рабочих мест в IT-секторе растет очень незначительно, что приводит к неполной занятости профессионалов даже в самых развитых странах, снижению уровня их жизни, потере трудовых и социальных гарантий, увольнению и безработице либо переходу на временную работу. По предварительным расчетам, переход к «индустрии 4.0» приведет к сокращению не менее 5 млн рабочих мест. Эта тенденция уже имеет место в странах Запада. Возможности занятого населения отстаивать свои права в трудовой и политической сфере снижаются, а возможности молодого поколения получить хорошо оплачиваемую постоянную работу падают.

Экономика постсоветских стран развивается неравномерно. По данным исследований под руководством Н.И. Лапина, только 6 регионов России уже вошли в информа-

ционную стадию развития, адекватную «индустрии 4.0», остальные отстали. Поэтому модернизация здесь может продвигаться не по западным схемам, а поэтапно, с учетом высокой региональной дифференциации. В среднесрочной перспективе основной задачей является завершение первой, индустриальной стадии модернизации [7, с. 26]. Соответственно, учебные заведения в одних регионах России уже готовят специалистов, требуемых «индустрией 4.0», а в других регионах введение новых специальностей может привести к нежелательным социальным последствиям (миграция квалифицированных кадров, падение уровня человеческого развития региона). Там пока необходима подготовка по специальностям, востребованным в менее развитых отраслях экономики, нехватка которых также может привести к экономическим потерям региона, создать дефицит кадров по традиционным специальностям. Единой стратегии для всех регионов и всей системы высшего образования не может быть: они должны гибко развиваться с учетом региональных потребностей. Чтобы отсталость ряда российских регионов не была законсервирована, требуется усилить общественный контроль над бизнесом, найти формы сопряжения интересов бизнеса, политики и общественности. Это может быть сильное государство вместе с сильным гражданским обществом, обеспечивающее прозрачность принимаемых экономических решений. Эффективным механизмом может стать создание государством рабочих мест, занятость на которых обеспечивала бы трудовую мотивацию и приносила работникам чувство социальной включенности.

В Беларуси первый этап модернизации проходил во второй половине XX в., а второй начался с большой задержкой, поэтому постсоветская модернизация получила название «догоняющей». Такая модернизация в принципе не позволяет достигать уровня развития самых передовых стран, ибо построена на постоянном копировании, следовании за готовыми образцами, уже внедренными в передовых странах. Для успешного развития нужен прорыв, т.е. проведение модернизации инновационного типа: внедрение таких механизмов развития, которые позволили бы выйти вперед в тех сферах, где это возможно с учетом социально-исторического и культурного уровня развития «догоняющей» страны. Для Беларуси такими отраслями могли бы стать новейшие сферы услуг: использование информационных технологий, логистики, консультирование, что пользовалось бы спросом у других стран. Экспорт таких услуг может вывести страну вперед независимо от наличия природных ресурсов и энергоносителей. Иначе говоря, развитие сферы образования, открытие инновационных специальностей, повышение качества подготовки специалистов может стать именно тем механизмом, который делает белорусское общество современным и отвечающим глобальным вызовам четвертой научно-технической революции.

Труд и подготовка кадров в условиях «индустрии 4.0»

Целью модернизации в России, других странах постсоветского пространства является, по мнению Н.И. Лапина, не только построение информационной экономики (технико-технологическое изменение), но еще три важных компонента: социэкономический, социокультурный, институционно-регулятивный. В комплексе они должны радикально изменить жизнь людей и развить человеческий потенциал. Высшее образование может внести существенный вклад в создание «общества знания» через подготовку квалифицированных специалистов для инновационной экономики, через воспитание молодого поколения и формирование в обществе новых ценностей, способствующих повышению качества жизни [8]. На наш взгляд, тот же подход полностью применим и к Беларуси, где также надо «подтянуть» некоторые отстающие регионы и развивать инновационную экономику, одновременно осуществляя корректировку в системе высшего образования. Главным критерием успеха модернизации является ее человеческое измерение: безопасность государства и общества, повышение качества жизни населе-

ния, устойчивость развития. Этот критерий применим ко всему постсоветскому пространству, начавшему свой путь перехода к «индустрии 4.0».

В Беларуси отдельные отрасли и предприятия уже развиваются на мировом уровне. Можно привести пример компании Siemens Belarus. Ее директор Максим Зубов, рассуждая о преимуществах цифровизации, утверждает: «Если классическая автоматизация производства дает максимум 4–6 % роста, то полноценная дигитализация 7–9 %» [9]. Цифровизация экономики способствует росту качества продукции, ускоренному выходу на мировые рынки, повышает конкурентоспособность предприятия. Однако пока такие компании в Беларуси – островки «индустрии 4.0» в море «индустрии 2.0 и 3.0».

Когда речь идет о современном образовании, оно трактуется шире, нежели накопление студентами профессиональных компетенций и узкопрофессиональных знаний, как это было принято в индустриальную эпоху подготовки кадров. Сегодня образование в широком смысле – это научение «быть инноватором», когда молодыми людьми постигаются новые культурные образцы поведения, стили потребления и мышления, соответствующие «вызовам» времени. Современное образование должно облегчить будущему специалисту включение в более продвинутую профессиональную и культурную среду, помочь в освоении ее ценностей. Оно предполагает постоянную рефлексию не только по поводу своего профессионального уровня, но и культурных компетенций, анализ соответствия своего поведения нормам и образцам, принятым в среде, в которую оказываются включенными молодые специалисты. Поскольку речь идет о необходимости роста конкурентоспособности страны, это могут быть нормы и ценности международной экономической среды с ее высокой IT-культурой, использованием достижений науки, правил международных коммуникаций и т.п. Иначе говоря, современное образование должно помочь включению молодых людей в инновационное поле. Благодаря инновационному образованию агенты инновационного поля успешно профессионализируются и самореализуются. В итоге усвоенные в рамках образования новые культурные образцы и знания должны способствовать улучшению качества жизни населения.

Для успешных индустриальных и образовательных преобразований стране нужны не только значительные материальные и человеческие ресурсы, но и научные среднесрочные и долгосрочные прогнозы. В зависимости от прогноза рынка, сделанного по регионам, можно планировать и осуществлять корректировку в развитии высшего образования. При этом надо помнить, что внедрение новой специальности «с нуля» займет минимум 4–5 лет (при наличии подготовленных преподавательских кадров и ресурсов), а трансформация старых специальностей может занять всего 1–2 года. Новые специалисты при всем желании быстро не могут быть подготовлены. Тем не менее можно уже сегодня менять методы обучения тех молодых людей, кто уже включен в учебу: развивать у них навыки, умения, которые понадобятся им в любых инновационных практиках. Для этого надо тщательно спланировать такие изменения высшего образования в «связке» с изменениями рынка труда. Для начала, на первой ступени модернизации, которая предполагает «подтягивание» всех регионов до уровня передовых, в рамках сферы высшего образования нужно повсеместно осуществить «поворот к инновационности». Российские ученые Р. Абрамов и С. Климова эмпирически выявили качества, которые могут рассматриваться как необходимые индикаторы успеха и инновационности современных работников: уверенность в себе и внутренний контроль; установка на непрерывное образование, освоение новых навыков и профессий; навык работы с источниками информации; социальная компетентность; ориентация на цель и практически постоянное состояние мобилизации для достижения этой цели [10, с. 103–105]. Эти навыки и качества можно культивировать у студентов, занимающихся по любой вузовской специальности. Параллельно с профессиональной подготовкой у студентов надо формировать трудовую этику и идеологию, соответствующую запросам четвертой промышленной революции. Это требует от преподавателей определенных инновацион-

ных навыков и мотивации к активным формам обучения, но не радикального их обновления. Тогда изменения пройдут быстро и с минимальными материальными затратами.

Осуществление предложенной стратегии предполагает, что система высшего образования будет учитывать разные темпы модернизации конкретных регионов страны и «подстраивать» содержание образования (особенно технического) в каждом регионе (возможно, даже в каждом вузе) под нужды конкретного региона. Надо ориентироваться на формирование у нынешних студентов качеств и компетенций, которые могут быть востребованы на любом современном рынке труда независимо от узкой специализации. Т.е. надо везде формировать инновационно ориентированных специалистов, развивать их модернизационный потенциал в условиях, которые, возможно, не полностью соответствуют этим целям. Вряд ли эту образовательную стратегию можно назвать полностью новой: акцент на инновации делался с тех пор, как были поставлены стратегические цели модернизации в России и Беларуси. Давать современные знания, которые будут востребованы в цифровой экономике, может каждый вуз. Развивать инновационность могут преподаватели, использующие в работе методы, стимулирующие активность, креативность, самостоятельность студентов. На втором этапе модернизации (а в таких высокоразвитых регионах, как Минск, уже и сегодня) при широком внедрении новых специальностей, востребованных в «индустрии 4.0», нужны будут профессиональные знания, но общие инновационные навыки и компетенции также будут востребованы.

С целью определения, насколько современное поколение студенческой молодежи готово принять на себя новые роли в обществе, т.е. стать активными участниками процессов перемен и осознавать долю ответственности за происходящее в обществе, в 2016–2017 гг. нами было проведено исследование. Всего было опрошено 1 200 студентов вузов Минска, представляющих три основные направления образования (естественно-научное, техническое и социально-гуманитарное) и приехавших учиться из разных регионов Беларуси. В связи с этим мы полагаем, что полученные данные могут быть распространены на все белорусское студенчество. На вопрос о том, какие качества студенты ценят больше всего в себе и других, более половины студентов указали «инициативность», «самостоятельность», «ответственность за свои решения», «готовность к нестандартным решениям и поиску нового». Как видим, во многом эти качества совпадают с теми, которые необходимы для включения в инновационные практики. Однако на вопрос, формирует ли учебное заведение эти качества, только треть студентов ответили положительно и столько же высказали неудовлетворенность ролью учебного заведения в этом процессе. Исследование показало, что две трети студентов ориентированы на индивидуализм: они готовы быть активными, получать дополнительное образование, принимать инновации, если это даст им персональный результат (зарплату, статус, интересную работу, на которой можно проявить самостоятельность). Неизменное условие их активности в труде – зарплата, дающая материальное благосостояние. Данная тенденция (рост индивидуализма) глобальна, в целом она свидетельствует о формировании за годы учебы значительного числа молодых кадров, склонных к проявлению инновационности при определенных условиях. Однако удовлетворены своей подготовкой сегодня только около трети студентов (еще треть не удовлетворены, треть затруднились с ответом). Этот факт косвенным образом показывает, что студенчество мало мотивировано на учебу в условиях, когда средняя заработная плата в стране невысока, а послевузовское распределение не гарантирует достаточно высоких доходов [11, с. 67]. Такое положение дел подтверждает незавершенность первой стадии модернизации, которая должна насытить основные материальные потребности людей. Доминирующая ориентация на качественное потребление и амбиции молодежи, не подкрепленные соответствующей зарплатой, не стимулирует желание проявлять инновационность в труде. Поэтому многие готовы на любую работу, если она хорошо оплачивается. Чтобы соединить интересы студенчества и потребности страны в инновационных кадрах, можно

задействовать несколько механизмов. Во-первых, можно создать цепочку университет – производство, т.е. подключить экономических агентов непосредственно к процессу подготовки кадров. Например, промышленные предприятия (включая частный бизнес) уровня «индустрии 4.0» могут целенаправленно заказывать себе конкретных специалистов и оплачивать их подготовку конкретным учебным заведениям. Во-вторых, бизнес может предоставлять учебным заведениям технические площадки и базу, необходимые для практической подготовки современных специалистов. В-третьих, специалисты-практики могут на договорной основе работать в учебных заведениях (проводить мастер-классы, тренинги, руководить практикой студентов). Во всех случаях будущая зарплата специалистов должна быть стимулирующей, а получение высокооплачиваемого места на предприятии – конкурентным. Студенты должны знать, что без определенных усилий, компетенций и знаний они не смогут рассчитывать на желаемый будущий результат. Можно сразу заключать контракты между студентами и предприятиями, определяющими необходимый уровень знаний и компетенций будущих специалистов для получения высокой заработной платы в тех местах, куда их заранее или по ходу подготовки отобрали работодатели-заказчики. Такие работодатели должны стать спонсорами учебных заведений, совместно развивать образовательный потенциал. Оптимальные формы взаимоотношений высшего образования и бизнеса определит практика. Включенные в процесс подготовки преподаватели также должны иметь заинтересованность во внедрении активных методов обучения и повышении эффективности образования. В идеале преподаватели будут привлекать студентов не только к работе на новейшей технике на производстве, но и к научной работе, производству знаний, получению радости от совместного творчества. Эти механизмы помогут реализации цепочки «учебное заведение – современное производство / бизнес».

Описанные перемены могут начаться с подготовки специалистов технической направленности при обоюдной заинтересованности промышленности и образования, повышении уровня финансирования образования и роста качества подготовки самих преподавателей, что предполагает направленность социальной политики в сфере образования на повышение его качества. Позднее эти перемены могут стать основой для поэтапной перестройки отношений между системой высшего образования и промышленностью / бизнесом в целом (по крайней мере там, где это целесообразно).

Бесспорно, трансформации сфер труда и образования взаимосвязаны: для успехов в образовании нужны успехи в экономике региона. Пока даже в развитых российских регионах (например, на Урале) нет спроса на квалифицированные кадры, которые уже подготовлены [12, с. 101]. Видимо, стратегии перемен должны коснуться и сферы социальной политики, поскольку общий подъем качества жизни населения и борьба с социальным неравенством в стране достигаются не только внедрением технологий 4.0, но и целенаправленной социальной политикой. Пока нет развитого рынка труда и высоких зарплат, нет стимула роста качества обучения у педагогов, вряд ли можно эффективно мотивировать студентов на дополнительное образование, ожидать от них интереса к инновационным компетенциям.

Заключение

Модернизация университетского образования может затронуть практически все регионы страны с учетом индустриального профиля региона и возможностей перестроить образование на инновационный лад. Те университеты, которые не смогут этого сделать, неизбежно снизят свой статус и конкурентоспособность даже на местном уровне. Возможно, некоторые университеты с низким потенциалом (включая кадровый и финансовый) придется закрыть. Специалисты считают, что будет укрупнение вузов на основе выработки четких критериев и повышения требований к качеству подготовки специалистов, затребованных развивающейся экономикой. Этот процесс неизбежно требу-

ет роста финансирования образования и изменения его взаимоотношений с бизнесом. Цель образовательных реформ может состоять в том, чтобы оставшиеся вузы готовили квалифицированные кадры по всем востребованным специальностям, а наиболее «продвинутые» учебные заведения, установившие тесные связи с производством и нашедшие в его лице заказчиков новых кадров, занимались их совместной подготовкой с конкретным ориентиром на развитие необходимых знаний и компетенций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. / К. Шваб. – М. : Эксмо, 2016. – 208 с.
2. The Future of Skills: Employment in 2030 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nesta.org.uk/publications/future-skills-employment-2030>. – Date of access: 28.09.2017.
3. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс] // НАН Беларуси. – Режим доступа: nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf.
4. О стратегии развития информационного общества в России на 2017–2030 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/54477>.
5. Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир : пер. с англ. / Р. Инглхарт. – М. : Мысль, 2018. – 347 с.
6. Кутырев, В. А. Отдадим труд машинам... что будет с человеком? / В. А. Кутырев // Человек. – 2017. – № 5. – С. 68–74.
7. Лапин, Н. И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования / Н. И. Лапин // Власть. – 2017. – № 3. – С. 25–33.
8. Лапин, Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед лицом выбора конфигурации фундаментальных ценностей / Н. И. Лапин // Вопр. философии. – 2015. – № 4. – С. 3–15.
9. Кононович, Е. 4.0 в нашу пользу [Электронный ресурс] / Е. Кононович. – Режим доступа: <https://www.sb.by>. – Дата доступа: 10.10.2017.
10. Климова, С. Г. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия / С. Г. Климова, Р. Н. Абрамов // Мир России. – 2010. – Т. 19, № 2. – С. 98–117.
11. Титаренко, Л. Г. Парадигмы и повороты современной социологии / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2018. – 239 с.
12. Зборовский, Г. Е. Модернизация образования сквозь призму социальной политики / Г. Е. Зборовский // Журн. исслед. соц. политики. – 2010. – Т. 8, № 1. – С. 87–104.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.03.2018

Titarenko L.G. Work and Education under Conditions of Transit to «Industry 4.0»

Global challenge demands transformation of the current economy into the «industry 4.0». It refers to such countries as Russia and Belarus as well as other countries. Due to the unequal economic development of these countries they need regional approach that takes into account the requests of particular regions in their industrial development and higher education. Russian sociologists offered an idea of «double modernization» (simultaneous improvement of the economy in less developed regions and transition to «industry 4.0» in the advanced regions). Realization of this strategy requests the opening of new specialties in some institutions of higher education and a broad development of innovative skills for all students. According to empirical data, such skills and competences include the openness to the innovations, creativity, motivation to additional education, ability to work with different sources of information, and social expertise.

УДК 378:328.185:005.642.2

А.А. Маслак¹, Ю.М. Бубнов², Т.С. Анисимова³

¹д-р техн. наук, проф., зав. лабораторией объективных измерений
филиала Кубанского государственного университета в Славянске-на-Кубани

²д-р социол. наук, проф., зав. каф. гуманитарных дисциплин
Могилевского государственного университета продовольствия

³канд. пед. наук, д-р ист. наук,
проф. каф. профессиональной педагогики, психологии и физической культуры
филиала Кубанского государственного университета в Славянске-на-Кубани
e-mail: anisimova_ts@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ УРОВНЯ КОРРУПЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дано операциональное определение латентной переменной «уровень коррупции» глазами студента. Показана совместимость индикаторов, в качестве которых приняты шкалы опросника, примененные для измерения этой латентной переменной. Измерение проводилось в рамках теории латентных переменных на основе модели Раша, что позволило получить оценки латентной переменной на линейной шкале. Выделены отличительные индикаторы, которые дифференцируют студентов с низкими и высокими оценками коррупции, а также индикаторы, наиболее адекватные и менее адекватные модели измерения. Показано, что анализируемый опросник обладает хорошей дифференцирующей способностью. Определена статистическая взаимосвязь между этой латентной переменной и страной, в которой учится студент, материальным положением студента, качеством знаний, полученных в школе, способом оплаты учебы, наличием конфликтов с преподавателями, успешностью обучения в вузе.

Введение

Коррупция является одной из самых острых и болезненных социальных проблем современного общества. Слово **«коррупция»** в переводе с латинского языка означает порчу, упадок, подкуп, обольщение, совращение, притон. В Конвенции ООН «Против коррупции», принятой Генеральной Ассамблеей 31 октября 2003 г., говорится, что коррупция представляет собой угрозу для стабильности и безопасности общества, она подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость, в результате чего наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку.

Коррупционная социальная практика имеет место на самом низовом ее уровне, например, в форме бытового мздоимства в учреждениях образования. Это т.н. «благодарность» школьным учителям, а позже и университетским преподавателям за незаслуженно высокие оценки их знаний. Такая коррупционная социализация подрастающего поколения обеспечивает ее возрастание и еще больше приближает общество к кризису. Поэтому противодействие коррупции целесообразно начинать именно с системы образования. А для этого важно исследовать предпосылки и факторы коррупционного взаимодействия в этой сфере деятельности [1].

Но здесь возникает проблема качества социологического инструментария, который используется в ходе такого исследования. Известно, какое внимание уделяется инструментарию в естественных науках. Гуманитарии же, как правило, недооценивают значение отработки методов, больше уделяя внимание методологии. В статье авторы постараются дать оценку качеству примененного ими социологического инструмента (анкеты массового опроса).

Цель работы состоит в статистическом анализе измерительных характеристик индикаторов социологической анкеты, примененной для изучения факторов, опреде-

ляющих коррупцию в высшем образовании. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить степень совместимости индикаторов, характеризующих латентную переменную «коррупция»;
- 2) провести анализ качества опросника как измерительного инструмента;
- 3) определить местоположение оценок студентов и индикаторов на шкале латентной переменной «коррупция»;
- 4) выявить влияние факторов, характеризующих студентов (страна, в которой учится студент; материальное положение студента; качество знаний, полученных в школе; способ оплаты учебы; наличие конфликтов с преподавателями; успешность обучения в вузе).

Метод исследования

Измерение латентной переменной «коррупция» осуществлялась в рамках теории измерения латентной переменной на основе модели Раша. Существенными недостатками многих способов конструирования интегральных показателей (метод взвешивания, экспертные оценки, индексы, в том числе проценты) являются субъективность весов экспертов и нелинейность шкалы. Это затрудняет применение статистических методов анализа, предполагающих линейную шкалу измерения. Поэтому измерение исследуемой латентной переменной осуществляется в рамках теории измерения латентных переменных. Примеры применения этой теории представлены в [2–6]. Латентная переменная «коррупция» определяется операционально – с помощью набора индикаторов опросника, разработанного Ю.М. Бубновым. Из 48 пунктов опросника было отобрано 38 индикаторов, которые представлены в таблице 1 (нумерация индикаторов взята из опросника Ю.М. Бубнова). Остальные 10 пунктов опросника фактически характеризуют студентов и учебный процесс.

Таблица 1. – Операциональное определение латентной переменной «коррупция» глазами студента

№	Индикаторы
Приходилось ли Вам дарить учителям в школе с целью повышения оценок?	
1.	Деньги
2.	Конфеты, шоколад
3.	Продукты питания
4.	Посуду, хрусталь
5.	Бытовую технику
6.	Компьютерные устройства, телефоны
7.	Бытовые услуги. Работы по дому, по даче
8.	Алкогольные изделия
9.	Подарочные сертификаты
10.	Ювелирные изделия
11.	Мебель
12.	Цветы
13.	Путевки на отдых
14.	Канцелярские изделия, дорогие авторучки
15.	Другое (напишите):
Использовали ли Вы какие-либо средства для обеспечения «нужного» результата выпускных экзаменов в школе?	
16.	Предпочли ли Вы дать подарок преподавателю в случае сдачи сложного зачета или экзамена?

Продолжение таблицы 1

17.	Считаете ли Вы возможным для себя делать подношения преподавателям за благоприятный исход экзамена или зачета?
18.	Известны ли Вам факты неофициальных подношений в вузе?
19.	Откуда поступала информация о неофициальных подношениях в вашем учебном заведении?
20.	Что Вы обычно предпринимаете в ситуации, когда вам предстоит сдать очень сложный экзамен или зачет?
21.	Как Вы поступите в случае, если станете свидетелем неофициальных подношений в вузе?
22.	Случалось ли Вам лично или вместе с группой дарить преподавателям подарки в связи с экзаменами или зачетами?
23.	Как часто Вам приходилось участвовать в подношении преподавателям подарков во время сессий?
24.	Что чаще всего используется в качестве подарков преподавателям в период экзаменов и зачетов?
25.	Какие способы подношения подарков преподавателям чаще всего практикуются?
26.	Каково Ваше отношение к преподавателям, принимающим подарки от студентов в связи с экзаменами и зачетами?
27.	По каким дисциплинам Вам лично или с группой приходилось делать подарки?
28.	Кто является инициатором подношений подарков преподавателям в связи с экзаменами и зачетами?
Давали ли Вы подарки преподавателям или сотрудникам администрации за:	
29.	Получение места (или лучшей комнаты) в общежитии
30.	Вместо отработки пропущенных занятий
31.	Предоставление готовой контрольной или курсовой работы
32.	Предоставление готового диплома
33.	Непрохождение практики
34.	Пропуск в общежитие друзей или родственников
35.	Оставление на ночь в общежитии друзей или родственников
36.	Иное
37.	Как Вы считаете, нужно или нет бороться с неофициальными подношениями в вузах?

Респондентами были студенты белорусских и российских вузов (всего 879 человек). Для обработки данных опросов использовалась диалоговая система «Измерение латентных переменных» (ИЛП), разработанная в лаборатории объективных измерений Кубанского государственного университета.

Результаты измерения

Одной из важных задач, возникающих при измерении латентной переменной, является оценка качества измерительного инструмента, а именно набора индикаторов. Оценка адекватности собранных данных модели измерения осуществлялась на основе критерия Хи-квадрат. Значение статистики Хи-квадрат оказалось равным 88,08. Эмпирический уровень значимости равен 0,16, что свидетельствует о совместимости набора индикаторных переменных и пригодности данных опроса для измерения коррупционных рисков. Индекс сепарабельности объектов – 0,81. Это свидетельствует о том, что опросник обладает хорошей дифференцирующей способностью.

В целях иллюстрации рассмотрим наиболее отличительные индикаторы:

1) наиболее «легкий» индикатор, который лучше других дифференцирует студентов с низкими оценками уровня коррупции;

2) наиболее «трудный» индикатор, который лучше других дифференцирует студентов с высокими оценками уровня коррупции;

3) наиболее адекватный модели измерения индикатор;

4) наименее адекватный модели измерения индикатор.

Наиболее полно поведение индикаторов описывается характеристическими кривыми, которые показывают, как уровень индикатора зависит от измеряемой латентной переменной. Ниже представлены характеристические кривые этих отличительных индикаторов.

Характеристическая кривая индикатора, который лучше других дифференцирует студентов с низкими оценками уровня коррупции. Таким индикатором является индикатор 12 «Приходилось ли Вам дарить учителям цветы в школе с целью повышения оценок?». Характеристическая кривая этого индикатора представлена на рисунке 1.

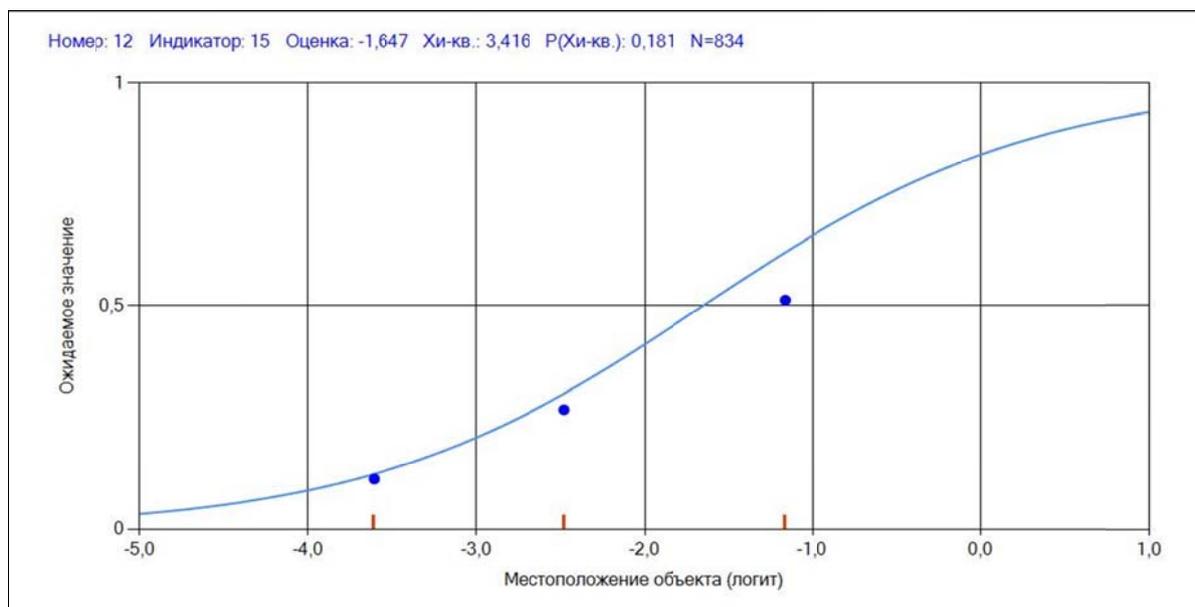

Рисунок 1. – Характеристическая кривая индикатора «Приходилось ли Вам дарить учителям цветы в школе с целью повышения оценок?»

Этот и другие рисунки с характеристическими кривыми имеют следующую структуру. Ось абсцисс – это латентная переменная «коррупция» (в логитах). По оси ординат откладывается ожидаемое значение индикатора. В данном случае значение индикатора варьируется от 0 до 1. В верхней части рисунка расположена следующая информация: номер индикатора; название индикатора (здесь названия индикаторов выбраны по умолчанию, в данном случае это индикатор 12); значение индикатора (-1,647 логит), которое определяет его месторасположение на шкале измеряемой латентной переменной «коррупция»; степень соответствия индикатора модели Раша ($P(\text{Хи-кв.}) = 0,181$); объем выборки студентов, которые ответили на этот индикатор ($N = 834$).

Характеристическая кривая этого индикатора имеет наибольшую крутизну при малых значениях латентной переменной. Это означает, что данный индикатор лучше других дифференцирует студентов с низкими оценками коррупции.

Характеристическая кривая индикатора, который лучше других дифференцирует студентов с высокими оценками уровня коррупции. Таким индикатором оказался индикатор 13 «Приходилось ли Вам дарить учителям в школе путевки на отдых с целью повышения оценок?». Характеристическая кривая этого индикатора представлена на рисунке 2. Данный индикатор также соответствует модели измерения.

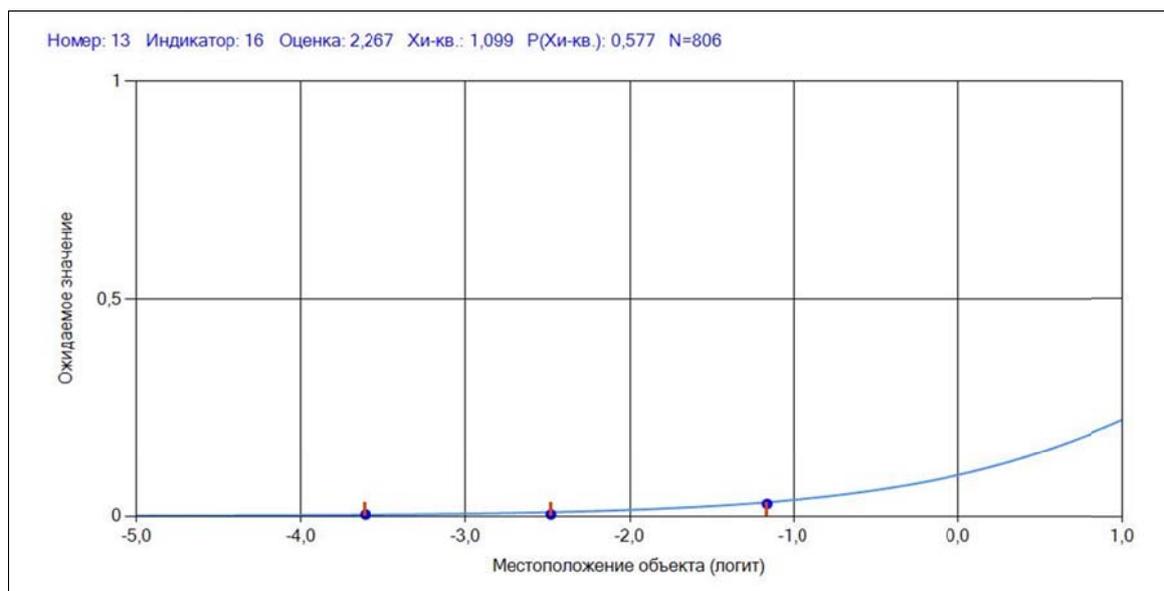

Рисунок 2. – Характеристическая кривая индикатора «Приходилось ли Вам дарить учителям в школе путевки на отдых с целью повышения оценок?»

В отличие от индикатора 12 характеристическая кривая индикатора 13 имеет наибольшую крутизну при больших значениях латентной переменной. Это означает, что данный индикатор лучше других дифференцирует студентов с высокими оценками риска коррупции.

Характеристическая кривая индикатора наиболее адекватного модели измерения. Наиболее адекватный модели измерений является индикатор 34 «Давали ли вы подарки преподавателям или сотрудникам администрации за пропуск в общежитие друзей или родственников?» (рисунок 3).

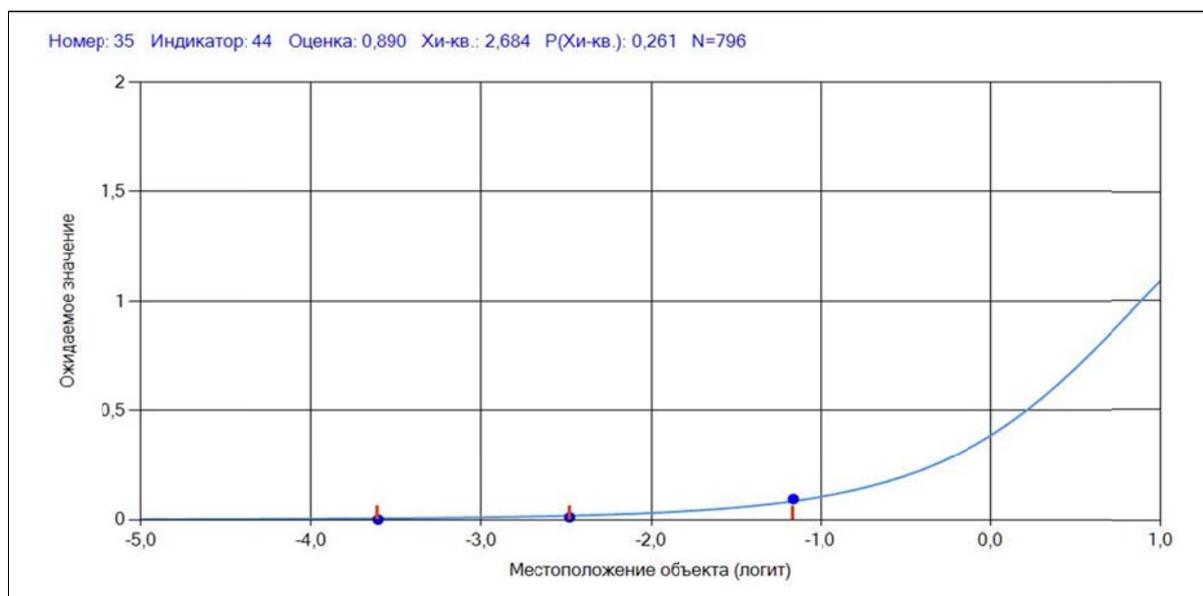

Рисунок 3. – Характеристическая кривая индикатора 34 «Давали ли Вы подарки преподавателям или сотрудникам администрации за пропуск в общежитие друзей или родственников?»

Адекватность этого индикатора проявляется в том, что все три экспериментальные точки находятся на характеристической кривой.

Характеристическая кривая наименее адекватного модели измерения индикатора. Наименее адекватной модели измерений является индикатор 31 «Как вы поступите в случае, если станете свидетелем неофициальных подношений в вузе?». Уровень значимости статистики Хи-квадрат для этой переменной является наименьшим и равен 0,007. Характеристическая кривая этого индикатора представлена на рисунке 4.

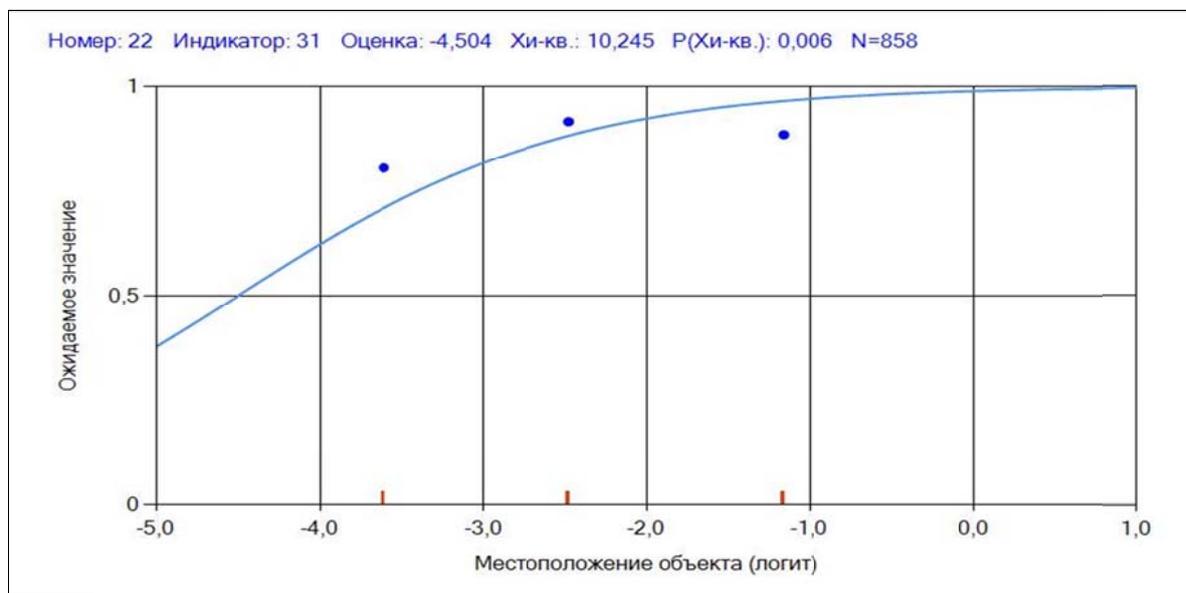

Рисунок 4. – Характеристическая кривая индикатора переменной 21 «Как вы поступите в случае, если станете свидетелем неофициальных подношений в вузе?»

Из рисунка 4 видно, что неадекватность индикаторной переменной 21 проявляется в том, что оценки студентов с низким и средними уровнями коррупции по этому индикатору имеют значительно большее значение, чем предполагает модель измерения. И, напротив, оценки студентов с высокими уровнями риска коррупции по этому индикатору имеют меньшее значение, чем предполагает модель измерения.

Результаты измерения (местоположения оценок студентов и индикаторов) на шкале «коррупция» представлены на рисунке 5.

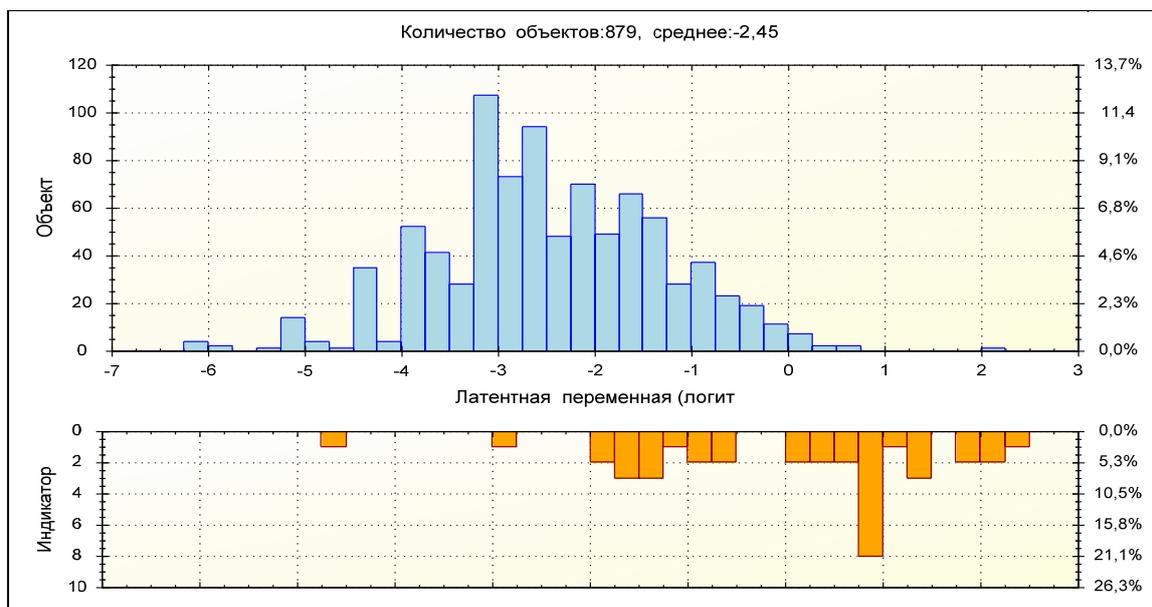

Рисунок 5. – Результаты измерения латентной переменной «коррупция»

В верхней части рисунка 5 находится гистограмма, показывающая распределение оценок студентов на шкале коррупции, в нижней части рисунка показано распределение оценок индикаторов на той же самой шкале. Здесь объектами являются студенты. Оценки студентов варьируются в очень широком диапазоне: от $-6,00$ до $+1,00$ логит, индикаторы варьируются в несколько меньшем диапазоне: от $-5,00$ до $2,50$ логит.

В качестве точки отсчета (точка 0 на шкале латентной переменной) выбрана средняя оценка индикаторов. Результаты измерения свидетельствуют о том, что оценка риска коррупции, согласно этому опроснику, не типична для большинства студентов. Средняя оценка коррупционной опасности смещена влево относительно опросника и равна $-2,453$ логит.

Статистический анализ результатов измерения

Анализ необходим для определения статистической взаимосвязи латентной переменной с факторами, характеризующими студентов. Такая информация будет использована для оптимизации структуры антикоррупционных мероприятий.

Откликом Y является оценка уровня коррупции в вузе с точки зрения студентов. Исследуется влияние на отклик следующих факторов.

Фактор А – страна, в которой учится студент. Этот фактор варьируется на двух уровнях:

- а 1 – студент учится в Беларуси;
- а 2 – студент учится в России.

Фактор В – материальное положение студента. Он варьируется на пяти уровнях:

- в 1 – денег не хватает, долги;
- в 2 – денег хватает только на питание;
- в 3 – денег хватает только на продукты и одежду;
- в 4 – могу купить товары длительного пользования;
- в 5 – ни в чем себе не отказываю.

Фактор С – удовлетворен ли студент знаниями, полученными в школе. Фактор варьируется на трех уровнях:

- с 1 – вполне удовлетворен;
- с 2 – удовлетворен частично;
- с 3 – совсем не удовлетворен.

Фактор D – способ оплаты учебы студента. Он варьируется на четырех уровнях:

- d 1 – студент учится на бюджетной основе;
- d 2 – на платной целевой основе (оплачивает предприятие);
- d 3 – на платной (оплачивают родители или другие родственники);
- d 4 – на платной (оплачивает сам студент).

Фактор E – наличие конфликтов с преподавателем. Фактор E варьируется на трех уровнях:

- e 1 – конфликты случаются часто;
- e 2 – конфликты случаются иногда;
- e 3 – конфликтов нет.

Фактор F – насколько успешно учится студент. Он варьируется на трех уровнях:

- f 1 – все зачеты и экзамены студент сдает своевременно;
- f 2 – иногда бывают пересдачи;
- f 3 – почти каждую сессию пересдачи зачетов и экзаменов.

Поскольку исследуемые факторы являются качественными, то в роли метода статистической обработки используется дисперсионный анализ. Предварительный анализ показал, что все взаимодействия факторов незначимы, поэтому для представления результатов измерений выбрана линейная модель.

В таблице 2 представлены результаты дисперсионного анализа при использовании линейной модели.

Таблица 2. – Анализ оценок уровня коррупции в зависимости от исследуемых факторов

Источник дисперсии	Сумма квадратов	Степень свободы	Средний квадрат	Fэксп	p
Фактор А	0,843	1	0,843	0,728	0,394
<i>Фактор В</i>	17,368	4	4,342	3,749	0,005
<i>Фактор С</i>	11,038	2	5,519	4,766	0,009
Фактор D	6,605	3	2,202	1,901	0,128
<i>Фактор E</i>	66,404	2	33,202	28,670	0,001
Фактор F	3,205	2	1,602	1,384	0,251
Ошибка	938,031	810	1,158		
Всего	1 066,327	824			

Результаты дисперсионного анализа (таблица 2) свидетельствуют о том, что половина факторов (выделены курсивом) является статистически незначимыми, а вторая статистически значимо влияет на оценку уровня коррупции (с точки зрения студентов). Тем не менее представляет интерес рассмотреть эффект всех факторов.

Фактор А незначим, поскольку эмпирический уровень $p = 0,394$ больше номинального, равного $\alpha = 0,05$. В таблице 3 приведены средние значения этого фактора.

Таблица 3. – Средние значения оценок уровня коррупции в зависимости от страны обучения студентов

Фактор А	Среднее (логит)	Объем выборки	Стандартная ошибка (логит)	Доверительный интервал – 95 %	
				Нижняя граница	Верхняя граница
a 1	-1,617	729	0,143	-1,898	-1,336
a 2	-1,513	96	0,175	-1,856	-1,169

Из таблицы 3 видно, что у белорусских студентов оценки уровня коррупции (-0,617 логит) несколько ниже, чем оценки студентов из России (-1,513 логит), но это различие, как уже было отмечено выше, статистически незначимо.

Фактор В значим ($p = 0,005 < 0,05$), в таблице 4 приведены оценки его уровней.

Таблица 4. – Средние значения оценок уровня коррупции в зависимости от материального положения студентов

Фактор В	Среднее (логит)	Объем выборки	Стандартная ошибка (логит)	Доверительный интервал – 95 %	
				Нижняя граница	Верхняя граница
b 1	-1,847	79	0,180	-2,202	-1,493
b 2	-1,474	153	0,163	-1,794	-1,154
b 3	-1,642	302	0,160	-1,957	-1,327
b 4	-1,380	245	0,160	-1,694	-1,065
b 5	-1,481	46	0,212	-1,896	-1,065

Данные, приведенные в таблице 4, свидетельствуют о том, что у студентов с наихудшим материальным положением («денег не хватает, долги») оценки уровня коррупции (-1,847 логит) значительно ниже, чем оценки уровня коррупции более обеспеченных студентов. Эти данные иллюстрируются на рисунке 6.

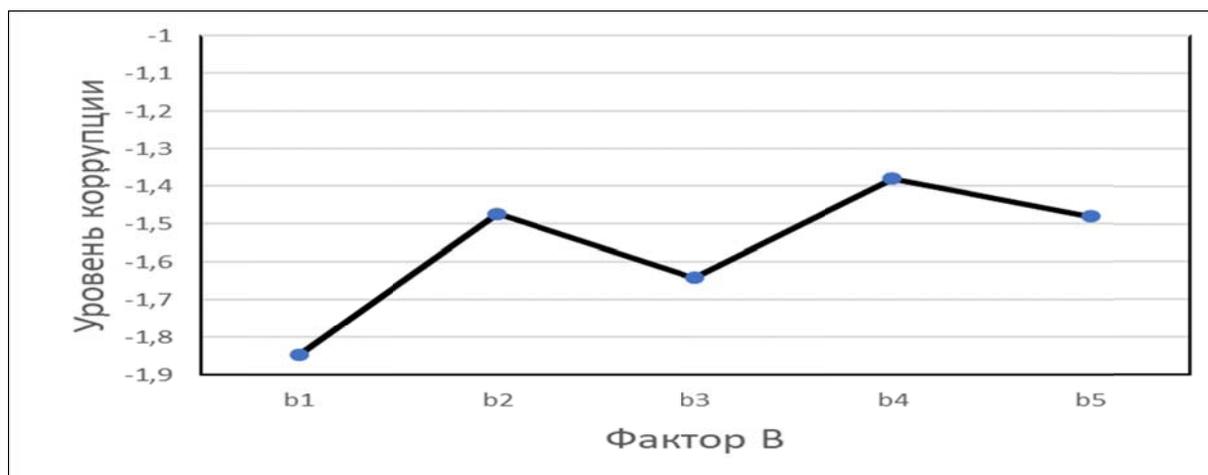

Рисунок 6. – Оценки уровней фактора В

Фактор С значим, эмпірычны ўзровень значымасці раўна 0,009. У тэблiцы 5 прыведзены ацэнкі ўзроўняў гэтага фактара.

Тэблiца 5. – Сярэднія значэнні ацэнак ўзроўня корупцыі студэнтаў у залежнасці ад якасця іх знанняў, атрыманых у школе

Фактор С	Сярэдняе (логіт)	Об'ём выбаркі	Стандартная памылка (логіт)	Доверітэльны інтэрвал – 95 %	
				Ніжняя мяжа	Верхняя мяжа
с 1	-1,771	393	0,151	-2,068	-1,473
с 2	-1,623	384	0,157	-1,931	-1,316
с 3	-1,300	480	0,197	-1,687	-0,914

Із тэблiцы 5 віда, што найменшыя ацэнкі ўзроўня корупцыі у студэнтаў, якія задаволены якасцем знанняў, атрыманых у школе (-1,771 логіт). Найбольшыя ацэнкі ўзроўня корупцыі у студэнтаў, якія не задаволены якасцем школьных знанняў (-1,300 логіт). Ацэнкі студэнтаў, якія часткова задаволены якасцем іх школьнага навучання, займаюць прамежуточнае становішча (-1,623 логіт). Гэтая сітуацыя праілюстравана на рысунке 7.

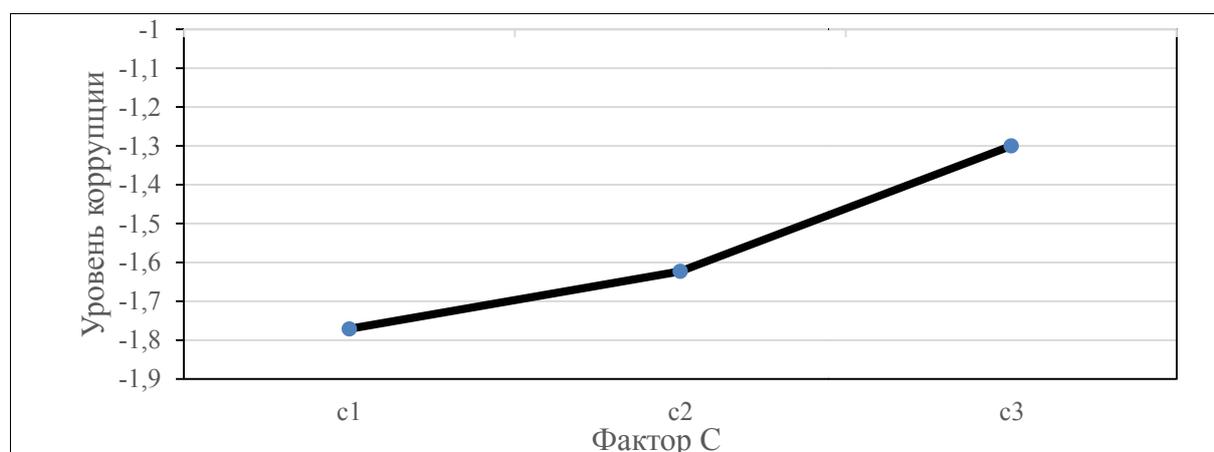

Рисунок 7. – Эффекты уровней фактора С

У тэблiцы 6 прадставлены сярэднія значэнні ўзроўняў фактара D – спосаба плаці за навучэнне студэнта.

Таблица 6. – Средние значения оценок уровня коррупции в зависимости от способа оплаты обучения студентов

Фактор D	Среднее (логит)	Объем выборки	Стандартная ошибка (логит)	Доверительный интервал – 95 %	
				Нижняя граница	Верхняя граница
d 1	-1,590	314	0,147	-1,879	-1,301
d 2	-1,222	190	0,273	-1,759	-0,686
d 3	-1,733	186	0,155	-2,038	-1,429
d 4	-1,713	306	0,158	-2,024	-1,402

Как следует из таблицы 2, фактор D не значим ($p = 0,128 > 0,05$), однако представляют интерес выявленные тенденции. Из таблицы 6 видно, что наибольшая оценка уровня коррупции (-1,222 логит) у студентов, которые учатся на платной целевой основе (оплачивает предприятие).

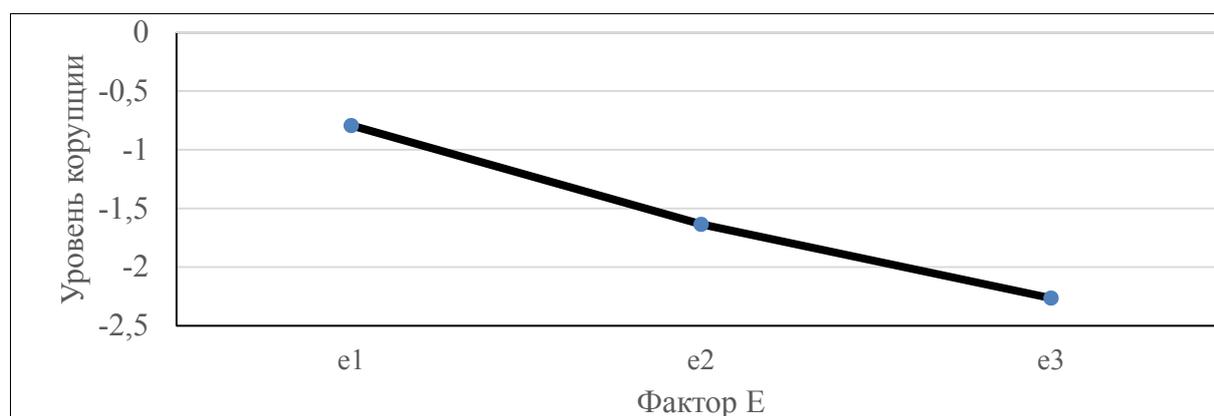
Наименьшие оценки уровня коррупции (-1,713 и -1,733 логит) у студентов, которые учатся на платной основе (соответственно, оплачивают сами или их родственники). Оценки студентов, обучающихся на бюджетной основе, занимают промежуточное положение (-1,590 логит).

Важным фактором, влияющим на уровень коррупции, являются конфликты студентов с преподавателями (Фактор E) (данные представлены в таблице 7).

Таблица 7. – Средние значения оценок уровня коррупции в зависимости от конфликтов студентов с преподавателями

Фактор E	Среднее (логит)	Объем выборки	Стандартная ошибка (логит)	Доверительный интервал – 95 %	
				Нижняя граница	Верхняя граница
e 1	-0,794	11	0,336	-1,453	-0,134
e 2	-1,636	164	0,138	-1,905	-1,366
e 3	-2,265	650	0,121	-2,502	-2,028

Из таблицы 7 видно, что наибольшие оценки уровня коррупции (-0,794 логит) у студентов, которые часто конфликтуют с преподавателями, наименьшие (-2,265 логит) у студентов, которые не конфликтуют с преподавателями. Ситуация иллюстрируется рисунком 8.

Рисунек 8. – Эфекты узрэння фактара E

Фактор F – насколько успешно учится студент – незначим ($p = 0,251 > 0,05$). Тем не менее существуют заметные различия между уровнями этого фактора (таблица 8).

Таблица 8. – Средние значения оценок уровня коррупции студентами в зависимости от их страны

Фактор F	Среднее (логит)	Объем выборки	Стандартная ошибка (логит)	Доверительный интервал – 95 %	
				Нижняя граница	Верхняя граница
f 1	-1,702	454	0,141	-1,979	-1,425
f 2	-1,676	348	0,140	-1,952	-1,401
f 3	-1,315	23	0,254	-1,815	-0,816

Из таблицы 8 видно, что у студентов, которые своевременно сдают зачеты и экзамены, оценки уровня коррупции наименьшие (-1,702 логит), наибольшие (-1,315 логит) у студентов, которые почти каждую сессию пересдают зачеты и экзамены. Оценки уровня коррупции студентов, у которых иногда бывают пересдачи, занимают промежуточное положение (-1,676 логит).

Заключение

1. Данная работа является первым опытом статистического анализа опросника, характеризующего проявления коррупции глазами студентов, как измерительного инструмента для определения уровня коррупции в учреждениях высшего образования.

2. Уровень коррупции определяется операционально, через набор индикаторов. Разработанный набор индикаторов можно корректировать и таким образом уточнять смысл понятия «уровень коррупции». Полученные результаты исследования являются важной информацией для оптимизации опросника с целью получения более объективных и точных оценок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнов, Ю. М. Социологические очерки мздоимства : монография / Ю. М. Бубнов. – Минск : БГУ, 2010. – 256 с.
2. Маслак, А. А. Измерение латентных переменных в социальных системах / А. А. Маслак. – Славянск-на-Кубани : КубГУ, 2012. – 432 с.
3. Маслак, А. А. Измерение латентных переменных : свид. о гос. регистрации программ для ЭВМ № 2013618487 / А. А. Маслак, С. А. Осипов. – Дата гос. регистрации 10 сент. 2013 г.
4. Педагогические измерения. Тезаурус / В. С. Аванесов [и др.] // Пед. измерения. – 2005. – № 1. – С. 28–32.
5. Маслак, А. А. Методика измерения качества профессиональной деятельности учителя : метод. рекомендации / А. А. Маслак, О. В. Леус, А. А. Данилов. – Славянск-на-Кубани, 2009.
6. Исследование дифференцирующей способности модели Раша на основе имитационного эксперимента / Т. С. Анисимова и [и др.] // Пед. диагностика. – 2003. – № 1. – С. 103–117.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.01.2018

Maslak A.A., Bubnov Yu.M., Anisimova T.S. Statistical Analysis of the Quality of the Sociological Instrumentation for Studying the Level of Corruption in Educational Institutions of Higher Education

The operational definition of the latent variable «corruption level» is given by the eyes of the student. The compatibility of indicators is shown, in which the scales of the questionnaire used to measure this latent variable are accepted. The measurement was carried out within the framework of the theory of latent variables on the basis of the Rush model, which made it possible to obtain estimates of the latent variable on a linear scale. Distinctive indicators are singled out, which differentiate students with low and high corruption assessments, as well as indicators, which are the most adequate and less adequate models of measurement. It is shown that the questionnaire being analyzed has a good differentiating ability. The statistical relationship between this latent variable and the country in which the student is studying, the material situation of the student, the quality of knowledge obtained at school, the way of payment for studies, the presence of conflicts with teachers, the success of training in a university are determined.

УДК: 316.42

С.Т. Кавецкий

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: kstbrest@mail.ru

МЕГААНОМАЛИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ БУДУЩЕГО

В статье подчеркивается, что общий системный кризис человеческого общества, порождаемый прежде всего кризисом западной цивилизации, потребляющей несравненно больше того, что она способна создать, предъявляет совершенно новые требования к социологии. Классики социологии О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин и др. каждый по-своему обращались к идеалам будущего. Ключевым компонентом современной футурологии является технологическое прогнозирование. На рубеже веков вопрос будущего сквозь призму социологии по-прежнему актуален, в том числе и на постсоветском пространстве. Прогнозируя конечную цель и основные проблемы современной цивилизации, большинство социологов предсказывают, что в XXI в. может быть только одна цель – выжить.

На рубеже XX и XXI вв. в мире произошли существенные социально-экономические изменения. Мир стал беспрецедентно непредсказуемым и нестабильным. С одной стороны, налицо количественный рост мегааномалий. С другой – общий системный кризис человеческого общества, порождаемый прежде всего кризисом западной цивилизации, потребляющей несравненно больше того, чем она способна создать, предъявляет совершенно новые требования к социологии. Социология «из науки, объясняющей явления... должна превратиться в науку, создающую новую социальную реальность» [1, с. 389].

Классики социологии О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин и др. каждый по-своему обращались к идеалам будущего.

Основы современной футурологии заложены в серии статей 1924–1928 гг. В.А. Базарова. Сущность проблемно-целевого подхода, предложенного В.А. Базаровым, заключается в изучении назревающих проблем, выявлении цели и на этой основе решении проблем. Позднее к подобным выводам пришли Дж. Бернал (1940-е гг.) применительно к НТР, Н. Винер применительно к кибернетике и искусственному интеллекту (1950-е гг.), Р. Юнгк и другие западные ученые. Одновременно в Рэнд Корпорейшн была начата разработка технологий прогнозирования на основе экстраполяции наблюдаемых тенденций с известными закономерностями с учетом прогнозных сценариев. В 1960–1970-е гг. А. Тоффлер, Д. Медоуз, А. Печчеи («Римский клуб»), Д. Найсбитт (идея «мегатрендов») продолжили формирование глобалистики и затем «альтернативистики» (осмысление альтернативных цивилизаций) [2, с. 21]. «Позднее началось становление и активное использование метода Форсайта как инструмента формирования приоритетов общественной деятельности и мобилизации множества участников для достижения качественно новых результатов в сфере науки, технологий, экономики, общества, государства» [3, с. 118–128].

Ключевым компонентом современной футурологии является технологическое прогнозирование. И.В. Бестужев-Лада отмечает: «Основные теоретические положения технологического прогнозирования вкратце сводятся к следующему.

1. Прошлое можно знать, но невозможно изменить; будущее невозможно знать, как прошлое (в виде тех или иных событий), зато можно изменить действиями на основании определенных решений, в том числе и с учетом возможных последствий таких решений.

2. Соответственно, будущее можно и должно познавать не обязательно простым предугадыванием событий, а в форме постановки проблем, целей, а также возможных решений и их последствий. Иными словами, можно ориентировать исследования будущего не просто на предсказания, а на повышение объективности и, следовательно, эффективности принимаемых решений. При этом предсказания являются как бы побочным, само собой разумеющимся продуктом, который представляет интерес и сам по себе.

3. Такого рода исследования сводятся к изучению источников (документов) и литературы, опросам населения и особенно экспертов, обобщению опыта экспериментов. Результаты обычно представляются в виде трендовых моделей – экстраполяции в будущее наблюдаемых тенденций, а также разного рода аналитических моделей (сценариев, матриц и т.д.). На этих положениях 1960–1990-х гг. выросла целая гора литературы, именуемая современной футурологией» [2, с. 28].

На рубеже веков вопрос будущего сквозь призму социологии по-прежнему актуален, в том числе и на постсоветском пространстве. Бестужев-Лада, прогнозируя конечную цель и ключевые проблемы современной цивилизации, пишет, что в XXI в. цель может быть только одна – выжить. Проблемы со временем меняются, и их выявление является сложным процессом. В первой половине XX в. глобальной ключевой проблемой была победа в надвигающейся и разражающейся мировой войне [4, с. 2]. При этом в Первой мировой войне участвовало 33 государства с населением более 1 млрд человек (погибло 25 млн), во Второй мировой войне участвовало 62 государства с населением 1,7 млрд человек (погибло около 60 млн). Во второй половине XX в. проблемой № 1 стала победа в «холодной войне» (противостояние двух сверхдержав – СССР и США), включавшей множество вполне «горячих» малых войн с числом жертв, сопоставимым с потерями в Первой мировой войне. Была поставлена цель путем окружения и последующего расчленения поверженного противника не дать ему подняться на ноги и восстановить свой военный потенциал.

Мегааномалией современной цивилизации со второй половины XX в. стала угроза термоядерной войны. Первыми создали атомное оружие США (1945) и бомбардировали японские города Хиросима и Нагасаки. Монополию американцев нарушил СССР (1949), а в 1950–60 гг. атомные бомбы были созданы в Великобритании, Франции и Китае. С другой стороны, в 1960–1980 гг. на основе взаимной ядерной угрозы был установлен военно-стратегический паритет между СССР и США. В XXI в. испытания атомных устройств провели Индия, Пакистан и КНДР. Израиль имеет атомную бомбу, но официально не признает этого факта. Еще 12 стран ведут разработку атомных устройств, а более 25 имеют теоретические возможности для их создания. И в этом случае важным является сохранение режима контроля, так как его наличие однозначно лучше, чем его отсутствие, которое вскоре может наступить, если грозящему ядерному хаосу не будет противопоставлена политическая воля руководства России и США.

Продолжающиеся практически на всех континентах малые и большие конфликты требуют новых закупок оружия. Динамика мирового рынка вооружений такова, что своего пика торговля оружием достигла в середине 1980-х гг., а ее объем превысил 40 млрд долл. После 1987 г. мировые поставки вооружений начали быстро сокращаться и к середине 1990-х гг. достигли уровня, значение которого составляло примерно половину самого высокого показателя времен «холодной войны». Это было конкретным проявлением снижения напряженности биполярной конфронтации. С конца 1990-х гг. наблюдается рост объема торговли вооружениями, и важнейшую роль в этом играют развивающиеся страны. С 2005 по 2009 г. объемы поставок обычных вооружений по сравнению с предыдущим четырехлетием выросли на 22 %. «В 2015 г. эксперты Стокгольмского института исследований проблем мира и конфликтов (СИПРИ) определили лидеров продаж оружия: это США – 47,2 млрд, Россия – 33,2 млрд, за ними сле-

дуют Великобритания, Франция, Китай, Израиль» [5, с. 121]. Таким образом, торговля оружием в последние годы имеет тенденции к увеличению объемов, что создает потенциальную угрозу возникновения войн и конфликтов.

Планетарной мегааномалией стал международный терроризм – специфическая форма терроризма, зародившаяся в конце 1960-х гг. и получившая значительное развитие в конце XX – начале XXI в. Основные цели международного терроризма – это дезорганизация государственного управления, нанесение экономического и политического ущерба, нарушение устоев общественного устройства. Все это, по замыслу террористов, должно побудить правительства к изменению политики. Современный международный терроризм является, как правило, исламистским. Радикальный исламский фундаментализм невозможно понять, если не знать, что «за исламскими моджахедами стоит почти миллиардная армия безработных в странах Азии, Африки, Латинской Америки (каждый третий из трудоспособных)» [6, с. 4]. «Если в 1980 г. в мире было совершено более 500 актов, связанных с международным терроризмом, то в 2006 г. их число составило 14 438 случаев. В 2013 г. жертвами терроризма стали 19 тыс. человек. Число погибших в террористических актах в мире за 2015 г. выросло на 80 % – до 32 658 человек... Более половины (51 %) погибших в 2015 г. – это жертвы нападений, совершенных экстремистской организацией “Исламское государство”. Экономические потери от терактов эксперты оценивают в \$52,9 млрд; 78 % от общего числа смертей пришлось на Афганистан, Ирак, Нигерию, Пакистан и Сирию. Так, в результате терактов в Ираке погибли почти 10 000 человек, а в Нигерии – более 7 500 человек» [6, с. 221].

Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма и радикализма разнообразен, многолик, имеет различную природу, разные источники, цели, разные уровни и масштабы, направленность и характер исполнения. Терроризм всегда носит внеправовой характер, демонстративно не желает считаться с нарушаемым им правом: уголовным, гражданским, экономическим, национальным и международным, правом другого человека на жизнь и свободу.

Итак, войны и конфликты, преследующие планетарное сообщество в XX и начале XXI в., идут на разных уровнях. Торговля оружием, международный терроризм, угроза термоядерной войны – все эти мегааномалии человеческой цивилизации нависли дамокловым мечом над современным социумом и требуют политического решения.

Мегааномалии, связанные с ростом неравенства и сложными различиями социума, рассматривались на XVIII Всемирном конгрессе Международной социологической ассоциации (МСА) и XII конференции Европейской социологической ассоциации (ЕСА). Выступая на XVIII конгрессе МСА, ее Президент М. Буравой заявил, что мегааномалия неравенства изучается обществоведами в междисциплинарном плане. В полемику о проблемах неравенства включился избранный в 2013 г. папа Франциск, который резко осудил ее масштабы. Таким образом, глобальные мегааномалии неравенства находятся в центре внимания социологов, и решать задачи по изучению проблем неравенства необходимо путем поиска решений на стыке наук.

Экологические мегааномалии современной цивилизации – это, с одной стороны, природные катастрофы, а с другой стороны – гибель экологических систем под воздействием человека. «Любое загрязнение окружающей природной среды: и воздушное, и водное, и почвенное, и радиационное, и тепловое, и шумовое, и химикатное (химические удобрения и прочие реагенты, оказывающиеся в конечном счете в желудках у граждан), и “мусорное” (растущие горы “твердых отходов”) – не может продолжаться без конца, так как стремительно расширяет “зоны экологического бедствия” и приближает тем самым рукотворный “конец света”» [4, с. 15]. Ясно также, что не могут семь миллиардов землян жить как две-три сотни миллионов обывателей США и Европы, которые захватили чуть ли не половину мировой энергетики и загрязняют чуть ли не по-

ловину мировой окружающей среды. «Видимо, понадобится еще несколько “чернобылей”, один кошмарнее другого, прежде чем люди поймут, что ужиться с природой важнее, чем все транспортные и бытовые удобства» [4, с. 15]. Следовательно, решение глобальных экологических проблем – это один из важнейших параметров планетарного социогуманитарного развития аномии в современном сообществе, проявляющейся в форме мегааномалий.

На рубеже XX–XXI вв. в мире произошли существенные социально-экономические и общественно-политические сдвиги. Проходившая под знаком господства институтов и ценностей неolibеральной глобализации и «рыночного фундаментализма» эпоха 1990–2000-х гг. заканчивается. Мир стал беспрецедентно нестабилен и непредсказуем. Появление новых и интенсивность старых угроз поражают воображение. Человечество в страхе перед новой пандемией насилия уже в условиях нарастания внутриевропейских, а не только т.н. «межцивилизационных» конфликтов. «На мировую арену вышли новые претенденты на лидерство. Превращение Китая и других стран БРИКС в самостоятельных субъектов с масштабами экономики, сравнимыми с привычными глобальными игроками, превращение исламских политико-экономических и идеологических институтов в значимый фактор мирового бытия, первые шаги России на мировой арене, показавшие ее намерение проводить независимый курс в международных делах – все это свидетельства изменяющегося мира» [10, с. 3].

Интерес к будущему вытекает из логики социологического анализа современного мира: конструирование его мироустройства, критика с этой позиции существующих ныне глобальных проблем, выявление их возможных последствий, понимание исторической перспективы и др. Основные идеологемы современного мира меняют свой классический облик на неоконструкты. Противостояние неolibералов и неоконсерваторов проходит в рамках глубоких противоречий глобального капитала. Нынешняя экономика не идеальная модель социально регулируемого и организованного рынка. «Новая повестка дня, альтернативная той, что завела всех в тупик финансиализации и деиндустриализации, деградаци «государства всеобщего благосостояния» и обострения проблем неравенства, так и не сформирована» [6, с. 3–4]. При этом следует учесть, что «власть предрержащие, пользуясь этим противостоянием, осуществляют “негативную конвергенцию” консерватизма и либерализма, беря все худшее и от тех, и от других. От либералов они берут не гуманистические ценности, а ориентацию на принципы “рыночного фундаментализма”, скрывающие реальную гегемонию олигархов и бюрократии. От консерваторов они берут не ориентацию на социальную справедливость, а ограничение гражданских прав и свобод» [6, с. 5]. Необходима новая повестка дня – курс, который «центристы, возможно, сочтут чрезмерно левым, а радикально левые – излишне реформистским. Но правые и центр должны понять: миру нужна новая, ориентированная на социальные, гуманитарные, экологические ценности – повестка дня. «Выход из тупика “рыночного фундаментализма” требует большей социализации экономики и расширения политических прав “рядовых” граждан» [6, с. 6].

«В наши дни, несмотря на неolibеральную глобализацию, страны Северной Европы продолжают удерживать высокую долю государственных расходов в ВВП. В 2009 г. доля государственных расходов составила в Швеции 52,5 %, в Дании – 51 %, в Норвегии – 40,9 %, в Финляндии – 47,3 % от ВВП» [7, с. 124]. Основную часть этих расходов составляют расходы на социальные цели.

В США и в Европе как либералы, так и консерваторы, поочередно приходящие к власти, по всей видимости, очень долго радовались по поводу распада социалистического мира во главе с СССР. «С распадом СССР закончился уникальный социальный эксперимент. Считается, что созданное коммунистическое общество потерпело крах. Однако в наступивший период анализа и выводов еще нет однозначного ответа на воп-

рос, был ли этот путь тупиковым» [9, с. 318]. При этом отметим, что китайский путь к социализму (при наличии всех форм собственности и приоритете государственно-общественной) вывел эту страну на лидирующие позиции в мировой экономике. Эта азиатская сверхдержава на основе позитивной конвергенции построила социализм с китайской спецификой. Ф. Захария в своей книге «Постамериканский мир», делая футурологический прогноз, пишет, что будущее глобального мира видится ему не монопольным, а многообразным, и на ведущие роли выйдет Китай [11].

Глубокий социэкономический анализ, сделанный Ф. Пиккети в книге «Капитал XXI века», произвел сенсацию в научном мире. Резонанс книги Пикетти о капитале XXI в. придавал дебатам о неравенствах в современном мире предметный характер и новые грани актуальности. В ее названии параллель с «Капиталом» Маркса очевидна (в откликах часто говорили просто «Капитал», не упоминая «XXI в.»). Интерес к поднятому в ней вопросу был неподдельным. Пиккети утверждает: миллиардеры и контролируемые ими транснациональные корпорации представляют собой основной вызов в преодолении огромных неравенств [12, с. 28]. Слова «социализм» в его книге нет, но, как подметил один из комментаторов, «Капитал» Маркса «на втором плане присутствует везде» [10, с. 15–17].

Таким образом, если после краха СССР к марксизму обращались нечасто, то последнее десятилетие учение Маркса оказалось востребованным исследователями разных идеологических направлений. Анализ социологии марксизма, проведенный А. Буравым и М. Райтом, показал, что продолжают поиски альтернативных моделей мироустройства, основой которых является марксизм, причем, с одной стороны, это беспощадное критиканство, а с другой – творческое развитие. Авторы, анализируя господство как власть в форме господства, пришли к выводу, что и оно «может пониматься как часть классовых отношений. Классовые отношения, таким образом, означают не просто то, что некие лица присваивают плоды труда других, но и то, что значимая часть их жизни контролируется другими, направляется извне без их контроля. В терминах традиционного марксизма эта ситуация именуется отчуждением» [10, с. 28].

Микроаномия (отчуждение) остается актуальной для глобального капиталистического общества, как была актуальна и для предшествующих стадий его развития. «Идея отчуждения часто используется для описания ситуации, когда жизнь человека контролируется безликими силами – рынком, например, а не просто усилиями других. В этом более широком смысле можно сказать, что капиталисты, не только рабочие, хотя и не эксплуатируются, отчуждены при капитализме. Их жизни, как и рабочих, могут контролироваться чуждыми силами – рынком, конкуренцией, инфляцией и т.п. Идея отчуждения также не только связана с классовыми отношениями. Жизнь человека могут управлять внешние силы – вне его контроля – не просто потому, что он занимает данное положение в системе производственных отношений, но и из-за его связи с государством, из-за гендера и т.д.» [10, с. 28]. Отчуждение стало многофункциональным и охватывает все слои общества. Сегодня очень актуален вопрос, как уйти от брутальности рыночного фундаментализма, не возвращаясь к бюрократическому централизму и не повторяя ошибок социал-демократов середины XX в.

«Новые решения, создающие социальные, экономические и политические институты, социал-демократии приходилось принимать и потом долго и жестко бороться за их последовательную реализацию. И сегодня мир немыслим без сделанных когда-то смелых шагов, за которые заплачена немалая цена. Сейчас вновь настало время ставить задачи столь же масштабных изменений, как восьмичасовой рабочий день по сравнению с двенадцатичасовым рабочим днем 100 лет назад» [10, с. 6]. Традиционно социал-демократы говорят: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство – поддерживать то мень-

шинство, которое не может зарабатывать, и чтобы при этом как можно меньше людей нуждалось в социальной поддержке. Однако рынок как господствующий механизм производства сам по себе всегда порождает, порождает и будет порождать социальную дифференциацию. Следовательно, он будет порождать бедность. Другого рынка не бывает. А если бывает, то только тогда, когда в рамках социал-демократической модели у богатых «отнимают» часть их дохода и отдают ее бедным. Иначе не получится. «Парадокс при этом состоит в том, что новую модель почти все ищут исключительно по принципу нового сочетания уже известных черт существующих моделей. Немного больше либерализма и меньше социальности или наоборот. Иными словами, идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип “создает богатство рынок, а социальность может его только перераспределять, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы”, остается неизменным. Пора искать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала – на одном полюсе, социальной справедливости – на другом, уходя от старой дилеммы “больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости”, формируя экономику, в которой справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективности, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие» [13, с. 6].

В 1970-е гг. социал-демократия оказалась «в кольце» вызовов, «на которые она не смогла дать достойный ответ; почти повсеместно она уступила пальму первенства неолиберальной политике. Тем важнее демократическим левым извлечь уроки из проблем прошлого и пойти по обновленному пути, не повторяя ошибок середины прошлого века и не переходя на позиции правого центра, сохраняя лишь видимость “левого дискурса”. Более того, в погоне за идеалом индивидуализма при все большем забвении ценностей коллективизма и солидарности, многие экс-левые Запада стали уступать пространство борьбы за социальную справедливость правым консерваторам» [13, с. 5].

Социологический анализ показывает, что идеологемы современного глобального мира отражают изменения, происходящие в социуме. Можно наблюдать переплетение и заимствование идей в теории и практике различных идейных течений.

Таким образом, анализируя основные тенденции современного мира, следует отметить, что глобальное развитие все больше становится тормозом общественного прогресса во всех областях общественной жизни для большинства жителей планеты, и в повестку дня ставится тема сотрудничества и доверия как гарантов неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов, А. Н. Социология власти: теория и практика глобализации / А. Н. Данилов. – Минск : Университетское, 2001. – 447 с.
2. Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики / И. В. Бестужев-Лада [и др.]. – М. : Эксмо, 2003. – С. 201.
3. Шелюбская, Н. В. Предвидение («Форсайт») как новый механизм определения приоритетов государственной научно-технической политики / Н. В. Шелюбская // Промышленное развитие России: ключевые проблемы и решения : материалы науч.-практ. конф. – М., 2004. – С. 118–128.
4. Бестужев-Лада, И. В. Глобальный технологический прогноз на XXI век / И. В. Бестужев-Лада // Социс. – 2007. – № 7. – С. 2–21.
5. Ежегодник СИПРИ – 2015: Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М. : Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 2015. – 966 с.

6. Бузгалин, А. В. Глобальный мир в тупике. Где выход? / А. В. Бузгалин, Р. С. Гринберг, А. И. Колганов // Социс. – 2015. – № 11. – С. 3–19.
7. Буравой, М. Социология и неравенство / М. Буравой // Социс. – 2015. – № 7. – С. 5–14.
8. Борулава, А. Г. Скандинавская модель экономического роста: уроки для России / А. Г. Борулава, Р. М. Нижегородцев // Альтернативы. – 2011. – № 4. – С. 124–131.
9. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
10. Романовский, Н. В. Будущее как проблема современной социологии / Н. В. Романовский // Социс. – 2015. – № 11. – С. 13–22.
11. Захария, Ф. Постамериканский мир / Ф. Захария. – М. : Европа, 2009. – 280 с.
12. Piketty, T. *Capital in the Twenty-First Century* / T. Piketty. – Cambridge : Harvard University Press, 2014. – 607 p.
13. Буравой, М. Социологический марксизм / М. Буравой, Э. О. Райт // Социс. – 2011. – № 9. – С. 18–29.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.02.2018

Kavetski S.T. Megaanomalial of the Global World through the Prism of Sociology of Future

The article emphasizes that the global dysfunction of humanity, caused first of all by the crisis of Western civilization, that consumes overwhelmingly greater than it can create, sets brand new challenges the sociology will have to face. Each of the classics of sociology, A. Komte, K. Marks, M. Weber, E. Durkheim, T. Parsons, P. Sorokin, etc., treated the ideals of the future in his own way. The key component of the current futurology is represented by technological forecasting. At the turn of the centuries, the issue of future from the sociological perspective is still no less relevant, including in post-Soviet countries. Forecasting the final goal and key challenges of contemporary civilization, most sociologists predict that what it can only do in XXI century is survive. The key challenges are changing, and it will take a lot of effort to spot them.

УДК 316.33

М.Г. Соколовская

ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: lllogos@list.ru

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ

Дан анализ гендерной проблематики, представленной в трудах Аристотеля. Рассматривается ее связь с работами Платона. Определяются некоторые идеи Аристотеля, связанные с преодолением гендерного неравенства в древнегреческом обществе. Проводятся разграничительные линии между качествами мужчины и женщины. Отмечается благотворность мужского лидерства в семье по причине его большей склонности к власти. Описан и предлагаемый Аристотелем формат построения семейных отношений, связанный с распределением обязанностей между супругами. Особый интерес представляет разработанная Аристотелем концепция дружбы как основа отношений между мужем и женой. Анализируются патологии, свойственные семейным отношениям.

Введение

Среди ключевых современных социальных вызовов актуальной является проблема преодоления гендерного неравенства. Если на Европейском континенте в этой сфере достигнуты существенные успехи, то во многих государствах Азии и Африки гендерное равенство является скорее мечтой и надеждой, нежели реальностью.

Для того чтобы найти новые инструменты решения этой проблемы, целесообразно обратиться к творческому наследию Аристотеля. Известно, что в его концепции системы общественных отношений женщины занимали подчиненное положение и сфокусированы на частной, семейной жизни. Однако сам социальный организм (государство) рассматривался древнегреческим мыслителем как производное от естественного парного соединения мужского и женского начал, что, в свою очередь, предполагало достижение между ними известной гармонии. В противном случае наступает нежелательная, но неизбежная социальная деструкция.

Разумеется, подобный анализ осуществлялся Аристотелем в парадигме патриархата и маскулинности. Вместе с тем в его трудах применительно к сфере гендерных отношений обнаруживается то, что можно назвать гениальными прорывами и озарениями. Целью статьи является определение их содержания и совокупности сквозь призму возможной современной социальной адаптации. Подобный анализ осуществлен в научной литературе впервые.

Мужчина и женщина в системе социальных отношений

Существенное место в своей социальной концепции Аристотель уделил гендерной проблематике, поскольку, по его справедливому убеждению, «ненормальное положение женщин не только вносит нечто неподобающее в самый государственный строй... но до некоторой степени содействует и развитию корыстолюбия». Более того, само государство в равной степени состоит из мужчин и женщин, и «при том государственном строе, где плохо обстоит дело с положением женщин, половина государства неизбежно оказывается беззаконной» [1, с. 429–430]. А поскольку социальный проект Аристотеля нацелен в конечном счете на утверждение в государстве во всей его полноте счастья, которое является высшим благом, то очевидно, что в случае ущемления прав и достоинства женщин оно (счастье) будет, считает Аристотель, недостижимо для значительной части древнегреческого общества.

Кроме этого, как отмечает А. Лосев, формулируя отличия государства в противоположность животному миру, Аристотель «в первую очередь указывает на значение

семейно-родовых отношений, вне которых человек... просто немислим» [2, с. 397–398]. Очевидно, что семейные связи абсолютно невозможны без масштабного женского присутствия, что также актуализирует гендерную проблематику.

Какими же в идеале видятся античному мыслителю гендерные отношения в полисе? В первую очередь, с его точки зрения, эти отношения тотально «вписаны» в контекст социальных иерархий, где каждый человек согласно природе занимает свое естественное и законное место. В этих иерархиях обнаруживаются вышестоящие и нижестоящие, лучшие и худшие, управляющие и подчиненные, мужчины и женщины. Как отмечает Аристотель, общим законом природы (и общества) является то, что «душа властвует над телом, как господин, а разум властвует над нашими стремлениями – как государственный муж... Естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души, и, наоборот, какой получается всегда вред при равном или обратном соотношении... Также и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [1, с. 383]. Муж изначально выступает как существо властвующее и приказывающее, а за женой закрепляется миссия повиновения, и они ни при каких обстоятельствах не могут переменить этих социальных позиций и статусов.

Как справедливо отмечает Ф.Х. Кессиди, Аристотель «совершенно отличен от христианского гуманизма, согласно которому “все люди – братья”... и далек от равенства людей» [3, с. 36]. В семейном интерьере мужчина властвует благодаря своим высоким интеллектуальным качествам и способностью к целеполаганию, женщина же прекрасна своей способностью «исполнять полученные указания», являясь существом подвластным. И в силу того, что муж – персоне властвующая и руководящая, облеченная во всякой семье «полномочиями царя», на него возлагается и миссия выстраивания отношений с женщинами. В связи с этим важным является следующее утверждение Аристотеля: «Поэтому-то метким слывет изречение Бианта: “Мужчину чин покажет”, ибо как начальник он проявляет себя в отношении к другому и во взаимоотношениях в государстве» [1, с. 147].

Очевидно, что вся гамма человеческих отношений, с точки зрения Аристотеля, пронизана властвованием и подчинением, и в этом проявляется как социальная необходимость, так и безусловная полезность для людей и социума. При этом высшая власть принадлежит Уму в космической сфере, а мужчине – в общественной и семейной. Поэтому совершенно логично и закономерно, что, «хотя эпос и драма оставили нам целый ряд возвышенных женских образом (Антигона, Электра и др.), нисколько не уступающих мужским ни по героизму, ни по душевной силе, в афинском быту женщина занимала явно подчиненное положение... Политических прав женщины не имели» [4, с. 295].

Подобное положение не означало и не предопределяло, однако, их социальной и личностной невнятности либо деградации, хотя и создавало препятствия для личностного развития. Будучи свободными существами, они обладали, пусть и ограниченными, но ресурсами влияния на мужчин и общество и внесли заметный вклад в развитие античной цивилизации.

О специфике мужских и женских добродетелей

Находящиеся на более высоких позициях в социальных иерархиях обладают, по Аристотелю, и более высокими достоинством и добродетелями, что в полной мере относится к мужчинам и женщинам. Со всей очевидностью и наглядностью это проявляется в его «Физиогномике», в которой на примере животных сравниваются женские и мужские типажи и где символом мужских достоинств выступает лев, а женских – барс. При этом «женский тип», несмотря на то, что по своим душевным качествам яв-

ляется более ласковым и мягким, чем мужской, включает в себя широкий спектр преимущественно негативных характеристик: он более коварен, труслив, поспешен в поступках, раздражителен, лукав, вороват, робок, слабодушен и др. Правда, при все своем несовершенстве женский тип в большей степени, нежели мужской, поддается процессам воспитания и «приручения», в которых, разумеется, основополагающую роль играют представители «сильной половины» человечества. Аристотель отмечает, что, в свою очередь, «самцы более храбры и прямы по природе», а их мужественный типаж – лев – включает в себя целый ансамбль прекрасных черт: он и благороден, и щедр, и великодушен, и честлюбив, и милостив, и прям (справедлив) и «привязан к тем, с кем живет» [5, с. 337–339].

Несмотря на безусловное превосходство мужчин в сфере добродетелей, это совершенно не означает, что женщины их лишены. Просто речь идет о том, что представители отдельных социальных страт обладают теми из них, которые связаны с их природным предназначением. Поэтому, убежден Аристотель, «начальствующий должен обладать нравственной добродетелью во всей полноте... а каждый из остальных должен обладать ею настолько, насколько это соответствует его доле участия в решении общих проблем. Так что, очевидно, существует... не одна и та же скромность мужчины и женщины, и не одно и то же мужество и справедливость, как полагал Сократ, но одно мужество свойственно начальнику, другое – слуге; также и с остальными добродетелями... И, например, слова поэта о женщине: “Убором женщине молчание служит” – в одинаковой степени должны быть приложимы ко всем женщинам вообще, но к мужчине они уже не подходят» [1, с. 400]. Поэтому, к примеру, самая мужественная женщина на фоне мужчины показалась бы банальным трусом.

Однако не следует думать, что во всех ситуациях мужские добродетели превосходят женские. Например, в области управления домашним хозяйством компетенции женщины явно сильнее «мужских», что опять-таки объясняется их различными социальными миссиями: «его дело – наживать, ее – сохранять» [1, с. 452].

Различия между мужчинами и женщинами касаются не только их внутренних качеств, но и телесности, в том числе их внешней (не)привлекательности. Эти сравнения, в представлении Аристотеля, не в пользу женщин. Безусловно, в его «Физиогномике» за женщинами признаются *отдельные* внешние достоинства. Так, у них и ноги более красивые, и телесный облик может быть приятным (но не благородным), и тело гибкое. Правда, у женщин отсутствуют ключевые показатели красоты – сила и мускулистость. Но главное не в этом. Как справедливо отмечает А. Лосев, описывая прекрасное, «Аристотель имеет в виду два совершенно различных понимания красоты: с одной стороны, красоту внешних форм, чувственную, чисто материальную, темную и неосмысленную *привлекательность* вещи, например, ноги или голоса; с другой же стороны, разумную, гармоничную, созвучную миру и космосу красоту логической правильности, завершенности, высшей устроенности... которая прекрасна уже потому, что она симметрична, упорядочена, органична и величественна» [5, с. 244–245].

В первом своем (телесном) проявлении женская красота, действуя на чувства, может вызывать симпатию, в том числе, эротическую, чувство приятности. Но в плане симметричности и величественности она абсолютно уступает мужской, поскольку ей изначально присуща родовая патология: женское тело, согласно Аристотелю, является несимметричным и неблагородным.

К тому же внешнее и внутреннее существуют в своем органическом единстве. Как отмечает А. Лосев, «прекрасным может быть, по Аристотелю, только то, что высоко в моральном отношении... что доставляет бескорыстное и созерцательное удовольствие, будучи морально высоким» [5, с. 143]. А в силу того, что, как уже подчеркивалось, женщина по своей природе в нравственном отношении более чем уяз-

вима, то с неизбежностью у мужчин происходит и обесценивание ее внешних достоинств, и они, с одной стороны, становятся более восприимчивыми к гомосексуализму и «пестроте Афродиты», а с другой – любовь к женщине не выступает проявлением их высшего достоинства, как это, к примеру, происходит в христианской традиции.

Семейные роли мужчин и женщин

При скептическом отношении к женщинам как социальным существам Аристотель тем не менее рассматривает их в качестве краеугольных камней общества, поскольку без женщин совершенно немислима и невозможна семья как базовая разновидность человеческого общения, а без нее, в свою очередь, и государство. Как отмечает древнегреческий мыслитель, «правильно звучит стих Гесиода: “Дом прежде всего, и супруга, и бык-землепашец”» [1, с. 377]. В соответствии со своим предназначением семья является общением, служащим удовлетворению широкого спектра повседневных, преимущественно утилитарных и прагматичных потребностей.

Главное же социальное предназначение семьи, в представлении Аристотеля, – рождение детей и уход за ними. Учитывая важность этого фактора, в «Политике» этот процесс детально от имени законодателя прописывается, регулируется и регламентируется. Содержанию же отношений между супругами, не говоря уже о достижении между ними гармонии, в его концепции придается периферийное значение. Речь идет прежде всего о решении множества вопросов, даже самых интимных, касающихся процесса рождения детей, которые должны, по Аристотелю, находиться в компетенции государства, поскольку априори только оно четко знает, какими свойствами должны обладать люди, создающие семью, когда им и каким образом рационально включаться в процесс деторождения. Согласно Аристотелю, в первую очередь, они должны быть близки по возрасту (в древнегреческом понимании), и главной причиной этого выступает совсем не «возрастная» общность мировоззрения и мировосприятия, а физиологические факторы, то, что «их потенция должна быть одинаковой; иначе выйдет так, что муж в состоянии производить детей, жена же не в состоянии или, наоборот, жена в состоянии, а муж – нет» [1, с. 621]. При этом ни в коем случае не следует допускать ранних браков, поскольку они самым неблагоприятным образом влияют на физическое здоровье родившихся, и в тех государствах, где они получили широкое распространение, люди рождаются и вырастают физически слабыми и низкорослыми, да и рождаются преимущественно «самки», что критично опасно для любого общества. К тому же это негативно влияет на физическое и умственное развитие самих молодых родителей, не говоря уже о том, что во время таких родов многие молодые женщины испытывают сильные боли, и немалая часть из них от этого погибают. Кроме этого, с учетом фактора наследственности государству необходимо заботиться о том, чтобы физические и умственные силы вступающих в брак переживали период расцвета. По этой причине девушкам целесообразно вступать в брак в 18 лет, а мужчинам в 37 или несколько раньше.

Аристотель определяет и физиологический предел родителей, планирующих рождение ребенка, ограничивая его для мужчин 70 годами (но лучше всего в возрасте около 50 лет – порой расцвета умственных сил), а для женщин – 50 лет. Тем же, кто переступит этот возраст на 4–5 лет, настоятельно предлагается отказаться от деторождения и вступать в половую связь исключительно лишь ради здоровья, удовольствия и других подобных причин [1, с. 622]. Думая о заключении брака и будущем ребенке, создающие семью должны выбрать и наиболее подходящее время года – зиму.

Мужчина и женщина, ответственно заботясь о «потомстве», обязательно должны привести в правильное соответствие свое тело, выбирая нечто среднее между физической мощью атлетов и «слабосильным телосложением». Беременные же женщины

должны хорошо питаться и предаваться безделью, а также обязательно следовать духовным практикам – «поклоняться божествам, в чьем ведении находятся роды».

Что же касается судьбы рожденных детей, то и этот процесс, согласно Аристотелю, должен находиться под контролем законодателя. С одной стороны, в случае обнаружения детей с физическими дефектами (калек) от них с санкции законодателя следует непременно избавляться. С другой стороны, «если же у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх... положенного числа, то следует прибегнуть к аборт, прежде чем у зародыша появится чувствительность» [1, с. 623–624]. Разумеется, «положенное число» определяет государство.

Содержание отношений между мужем и женой не сводится к рождению детей и заботе о них при всей значимости этой деятельности. В семейном контексте и в семейных ролях супруги выступают, по словам Аристотеля, как естественным образом попарно объединенные и взаимодополняющие друг друга существа в целях взаимного самосохранения и развития. Невозможно согласиться с болгарским исследователем К. Василевым, утверждающим, что «Аристотель в своей книге “Политика” видит в женщине лишь слабое, несовершенно человеческое создание, и хотя, не смешивает ее с рабыней, но относит к группе несовершеннолетних детей» [6, с. 69]. В действительности, ее связь с мужчиной, мужем более глубока и разносторонняя и включает не только попечение с его стороны, взаимные чувственные переживания, но и правовые отношения и др. Остановимся на содержании этой связи подробнее.

Аристотель указывает на то, что первоначальными элементами патриархальной семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, которым свойственны свои специфические и отличные друг от друга отношения: соответственно, господские, брачные и отцовские. В первую очередь, не следует смешивать состояние женщины с положением раба. По своей природе они совершенно различны и каждый из них имеет свое собственное предназначение. Раб является, по Аристотелю, только одушевленной вещью, не обладает рассудком, он не принадлежит самому себе, а только подчинен своему господину и его воле. Женщина же есть существо свободное и разумное.

Власть мужа над детьми, женой и всем домом называется Аристотелем «властью домохозяйственной», и она ориентирована на благо как всех домочадцев в целом, так и по отдельности каждой из групп. Аристотель в своих трудах неоднократно отмечает, что власть мужа над женой основывается двух факторах. С одной стороны, в ней важной является правовая сторона, и «вопрос, как следует жить мужу с женой... по-видимому, ничем не отличается от вопроса, как им жить правосудно» [1, с. 239]. С другой стороны, важными являются и моральные обязательства мужа. В «Никомаховой этике», он утверждает, что «сообщество мужа и жены представляется аристократией, т.е. властью лучших, ибо муж имеет власть сообразно достоинству и в том... что жене подобает, он ей и предоставляет» [1, с. 235]. Поэтому за мужчиной закрепляется функция не столько господства и доминирования, сколько ответственности за совместное проживание и попечение о личном и общем благе детей и жены.

При подобной установке мужа естественной добродетелью жены выступает ее способность и желание подчиняться и следовать указаниям мужа, поскольку он заботится об их общем благе. Еще в большей степени доминирование мужчины в семье позитивно по отношению к детям, так как он управляет ими как в силу своей любви, так и вследствие того, что он их старше, а значит, более сведущ и опытен.

Эти отношения в силу своей естественной близости с неизбежностью заключают в себе и некоторую гамму интимных чувств. Бросается в глаза то, что Аристотель совершенно не использует в этом контексте понятие любви, тем более романтической, ему неинтересен и платоновский Эрос. Он делает акцент на значимость дружбы между супругами, которая, как он полагает, дана им от природы и должна послужить не толь-

ко им, но и другим людям. Он отмечает, что «дружба между мужем с женой... сообразна добродетели, и лучшему принадлежит большее благо, и каждому, что ему подобает» [1, с. 236]. Дружбе между мужем и женой способствует и то, что в семейном контексте (в отличие от общесоциального) им присущи и близость, и подобие, и равенство, что невозможно по отношению к неодушевленным предметам, т.е. рабам.

Основу этой дружбы составляет не только рождение, забота и воспитание детей. Сама семейная жизнь естественным образом связана со множеством надобностей жизни, которые необходимо совместно решать и переживать мужчине и женщине. Согласно Аристотелю, «дела с самого начала распределены между супругами так, что у мужа одни дела, а у жены другие; таким образом муж и жена поддерживают друг друга, внося свою долю участия в общее дело. Этим объясняется, видимо, то, что в данной дружбе присутствует как польза, так и удовольствие. Она будет и дружбой по добродетели, если и муж, и жена – добрые люди, ведь тогда у каждого из них своя добродетель, и оба будут такому радоваться... Дети – это общее обоим благо, а общее благо объединяет» [1, с. 239].

Очевидно, что для Аристотеля в гораздо большей степени, нежели для Платона, важна личностная и социальная ценность семьи и супружества. Поэтому предлагаемая Платоном общность жен, детей и имущества для Аристотеля совершенно неприемлема, так как, по его убеждению, она наносит ущерб столь ценным для супругов их «дружелюбным отношениям», которые являются величайшим благом и для них, и для государства. Кроме этого, предлагаемая Сократом общность жен и детей делает невозможным и проявление таких добродетелей, как воздержанность и благородная щедрость. К тому же суживается и пространство ответственной любви, поскольку «люди ведь всего более заботятся о том и любят, во-первых, то, что им принадлежит, и, во-вторых, то, что им дорого» [1, с. 408]. А в ситуации общности жен и детей подобная «принадлежность» отсутствует.

О патологиях в гендерных отношениях

Аристотель в своих работах предупреждает о возможных патологиях в развитии семьи, семейных отношений, в отношениях между мужчинами и женщинами, апеллируя, как правило, к конкретным фактам из жизни полисных государств.

В его представлении, семейная жизнь – это безусловное соблюдение определенных правил. Во-первых, необходимо обязательное соблюдение супружеской верности. Позиция Аристотеля здесь принципиальна: «Что же касается посторонних связей мужа или жены, то такие связи нигде и никоим образом... не должны считаться благопристойными, пока люди являются и называются законными супругами. И если кто-нибудь будет изобличен в том, что он так поступает в течение периода деторождения, то он должен подвергнуться бесчестью в качестве кары, соответствующей его проступку» [1, с. 624].

Во-вторых, недопустимость власти жены в семье, что иногда происходит в тех ситуациях, когда жены являются богатыми наследницами и собственниками больших земельных угодий (в некоторых полисах в их распоряжении находилось около двух пятых всей земли). Соблазном для мужчин может выступать и большое приданое невесты. В этом случае, отмечает Аристотель, семья подобна олигархии, так как в ней власть дается «не по добродетели, но благодаря богатству и влиянию» [1, с. 235].

В-третьих, следует, по Аристотелю, избегать и уподобления семьи демократии, т.е. создания такого дома, где отсутствует господин и все равны, поскольку это приводит к тому, что каждый член семьи, вопреки своим обязанностям, стремится делать, что ему заблагорассудится.

В-четвертых, Аристотель указывает также на то, что многие проблемы в семьях и государствах вызваны неадекватно наглым, эмоционально несдержанным и чрезмерно вольготным поведением женщин. В качестве печального примера он апеллировал к женщинам древней Спарты, которые в то время пока мужчины находились на войне, вели своевольный образ жизни и предавались чрезмерной роскоши. Гегемония и своеобразие лакедемонских женщин дошла до такого уровня, что даже когда Ликург предпринял попытку распространить свои законы и на женщин, то в ответ они стали столь активно сопротивляться, что ему пришлось отступить, и это привело к значительным социальным потрясениям, более страшным, чем «вторжение фиванцев». К примеру, жена Сократа Ксантиппа абсолютно доминировала в семье, иногда даже применяя насилие к знаменитому мудрецу, что является выходом за пределы нормы.

В-пятых, Аристотель полагал, что недопустимой является и ситуация, когда муж стремится вопреки своей природе и призванию к тотальному господству и превосходству в доме, поскольку это унижает достоинство жены.

В-шестых, для семьи и полиса разрушительны и дурные страсти, вызванные неразумным поведением людей, что чревато и государственными потрясениями. Аристотель, например, указывает на государственные перевороты в Сиракузах по причине адюльтера и в Эпидамне из-за свадебных дел, или же на неудачное сватовство в Дельфах, что привело к внутренним политическим неурядицам. Опасна для полиса и женская наглость возлюбленных тиранов, из-за чего многие государства пришли к гибели.

Преодолеть риски подобного рода, согласно Аристотелю, можно двумя способами. Безусловно, ключевую роль здесь может (и должен) сыграть мудрый законодатель, регламентирующий семейную и общественную жизнь. Не менее значимой может быть и создание правильной системы воспитания, в том числе и женщин. Он настаивает на том, что «так как всякая семья составляет часть государства... и так как добродетели отдельных частей должны соответствовать добродетелям целого, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю... Надо также иметь достойных детей и достойных женщин» [1, с. 401].

Необходимость подобной социализации обусловлена и тем, что женщины, как уже отмечалось, эмоционально несдержанны и нестабильны, а добродетель требует концентрации и волевых усилий. Принципиально важно научить женщин властвовать с помощью разума над чувственными вожделениями, поскольку высшее благо у Аристотеля, как и у Платона, выражается не в материальных удовольствиях, а в духовном удовлетворении, вызванном осознанием осуществления человеком своего назначения.

Заключение

На основании проведенного анализа можно утверждать, что гендерная концепция Аристотеля достаточно органична и оригинальна. Несмотря на парадигму патриархальности, в его трудах содержится целый ряд важных постулатов, касающихся гармонизации отношений между мужчинами и женщинами.

Во-первых, это важность построения между ними «правильных» отношений в соответствии с присущими им от природы добродетелями и способностями.

Во-вторых, необходимость взаимного дополнения функций в семейной жизни.

В-третьих, интересны предложения Аристотеля, направленные на преодоление патологий в функционировании семейных союзов.

В-четвертых, важным является обоснование целесообразности совместной социализации мужчин и женщин.

В-пятых, оригинальной является его концепция отношений между супругами, построенная не на любви и не на эроте, а на дружбе.

В-шестых, значима критика концепции гендерных отношений Платона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; под общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1975–1983. – Т. 4. – 1983. – 830 с.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. История тысячелетнего развития : в 2 кн. / А. В. Лосев. – М. : Искусство, 1992–1994. – Кн. 1. – 1992. – 656 с.
3. Кессиди, Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля / Ф. Х. Кессиди // Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; под общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1975–1983. – Т. 4. – 1983. – С. 5–37.
4. Рожанский, И. Д. Античный человек / И. Д. Рожанский // О человеческом в человеке. – М. : Политиздат, 1991. – С. 282–297.
5. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1975. – 776 с.
6. Василев, К. Любовь / К. Василев. – М. : Прогресс, 1982. – 384 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.01.2018

Sokolovskaja M.G. Gender Inequality in Aristotle's Conception: Content and Forms

The analysis of the gender perspective presented in the writings of Aristotle is given. Its connection with the works of Plato is considered. Some ideas of Aristotle connected with overcoming gender inequality in ancient Greek society are defined. There are differentiating lines between the qualities of men and women. It is noted the beneficialness of male leadership in the family due to its greater propensity to power. The format for building family relations, proposed by Aristotle and related to the distribution of responsibilities between spouses, is described. Of particular interest is the concept of friendship developed by Aristotle as the basis of relations between husband and wife. The pathologies inherent in family relationships are analyzed.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *К.М. Мароз, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 25.05.2018. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 17,90. Ул.-выд. арк. 13,51.

Тыраж 100 экз. Заказ № 171.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.